

ISSN 1684-1581 (online)

ISSN 1562-2495 (print)

Социологический журнал

2025

Том 31

3

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2025 Том 31 № 3

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва

Журнал издается при поддержке
Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Козырева Полина Михайловна
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Козлова Лариса Алексеевна
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор, Университет штата Пенсильвания, США

Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный университет,
ЭОПП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

М.К. Горшков, доктор филос. наук, академик РАН, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь, США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук, Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии Академии наук Чешской
Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор, Ивановский государственный
энергетический университет, Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент, Всероссийский центр изучения
общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр изучения общественного мнения
(ВЦИОМ), Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный научно-
исследовательский социологический центр РАН, Россия

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Editor in Chief, NRU “Higher School of Economics”,
Doctor of Sociological Sciences Russian Federation

L.A. Kozlova Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Deputy Editor in Chief, Russian Federation
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University, USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State University; Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Mikhail K. Gorshkov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS), University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tomáš Kostelecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology, Czech Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ivanovo State Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences, Foundation “Public Opinion” (FOM), Russian Federation

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sociological Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницилируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с.37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания (подробнее см. на сайте СЖ):

[Статьи в книгах/журналах]

1. Николаев В.Г. «Золотой век» Чикагской социологии // Чикагская школа социологии: сборник переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–17.
Nikolaev V.G. “Golden Age” of Chicago Sociology. *Chicago School of Sociology: Collection of Translations*. Comp. and transl. by V.G. Nikolaev. Moscow: ISSS publ., 2015. P. 5–17. (In Russ.)
2. Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7
Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Russians’ Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 (In Russ.)

[Книги]

3. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. — 528 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1
Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *What do we know about freelancers? Sociology of free employment*. Moscow: Publ. House of HSE, 2022. 528 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)

[Иноязычные источники]

4. Bröckling U. *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*. L.: SAGE Publications Ltd, 2016. 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
5. Vallas S., Schor J.B. What do Platforms do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology* 2020. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Факс:** +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

© Редакция «Социологического журнала», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2025. ТОМ 31. № 3

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.3

EDN: YTQOHM

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

К юбилею М.Ф. Черныша

М.Ф. Черныш

9–23 Коллективная память, ее структура и культурные предпосылки

Д.В. Иванов, Н.С. Соловьева

24–38 Концепт «креативный город»:
адаптация и развитие в российском контексте

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Андрееenkova, Н.С. Воронина

39–62 Социальные последствия географической мобильности
в жизненном пути россиян

А.Ю. Карпова, А.О. Савельев, Д.А. Третьяков

63–86 Междисциплинарный опыт исследования письменной
коммуникации скулшутеров для выявления маркеров
предупреждающего поведения

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Памяти Л.М. Дробижевой

Ю.В. Попков

87–99 Об актуальных проблемах этносоциологии:
осмысляя идейное наследие Л.М. Дробижевой

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова

100–119 Поколения образовательных общностей вузов:
социологическая интерпретация феномена

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

Н.Л. Русинова, В.В. Сафронов

120–138 Контекстные модерации возрастных и статусных неравенств
в доступе к медицинской помощи

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

И.А. Шмерлина

139–163 Методологические перспективы
социальной онтологии С.Л. Франка

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.В. Корытникова

164–181 Нелинейный биографический анализ Б.З. Докторова:
организационные и методические приемы

CONTENTS

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL =
SOCIOLOGICAL JOURNAL**
2025. TOM 31. № 3
DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.3

THEORY AND METHODOLOGY

ON THE ANNIVERSARY OF M.F. CHERNYSH

Chernysh, M.F.

9–23 Collective Memory, its Structure and its Cultural Antecedents

Ivanov, D.V. Solovyova, N.S.

24–38 The Concept of a “Creative City”:
Adaptation and Development in the Russian Context

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

Andreenkova, A.V., Voronina, N.S.

39–62 Social Consequences of Geographic Mobility
for Constructing a Life Course

Karpova, A.Yu., Savelev, A.O., Tretyakov, D.A.

63–86 An Interdisciplinary Experience in the Study
of School Shooters’ Written Communication
to Identify Markers of Warning Behavior

ETHNOSOCIOLOGY

IN MEMORY OF L.M. DROBIZHEVA

87–99 *Popkov, Yu.V.*

On current Issues of Ethnosociology:
Understanding the Ideological Heritage of L.M. Drobizheva

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Zborovsky, G.E., Ambarova, P.A.

100–119 Generations of University Educational Communities:
Sociological Interpretation of the Phenomenon

SOCIOLOGY OF MEDICINE

Rusinova, N.L., Safronov, V.V.

120–138 Contextual Moderations of Age and Status Inequalities
in Access to Healthcare

HISTORY OF SOCIOLOGY

Shmerlina, I.A.

139–163 Methodological Prospects of S.L. Frank's Social Ontology

BIOGRAPHICAL RESEARCH

Korytnikova, N.V.

164–181 Nonlinear Biographical Analysis of B.Z. Doktorov:
Organizational and Methodical Techniques

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.1
EDN: CSEWNW

К ЮБИЛЕЮ М.Ф. ЧЕРНЫША

Редколлегия и редакция «Социологического журнала» сердечно поздравляют члена-корреспондента РАН, доктора социологических наук, члена редколлегии «Социологического журнала» Михаила Федоровича Черныша с 70-летием, которое отмечалось 26 августа¹. Михаил Федорович — не только член редколлегии, но и один из наших постоянных и любимых авторов. М.Ф. Черныш придерживается принципов публичной социологии. По его словам, задача социологов — «привносить порядок в хаос». В сфере его научных интересов — настоящее и будущее России, адаптация россиян к социокультурным переменам постсоветских десятилетий. По мнению Михаила Федоровича, это невозможно сделать, не изучив феномен формирования и структуру исторической памяти россиян. Этим вопросам и посвящается публикуемая статья юбиляра². Желаем Михаилу Федоровичу крепкого здоровья и осуществления всех творческих планов!

М.Ф. ЧЕРНЫШ

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

---

¹ Коллеги по ФНИСЦ РАН подготовили специальную страницу к юбилею Михаила Федоровича, где подробно описаны его научная биография, творческие достижения и организационная деятельность, выложены фотографии: <https://www.chernysh.fnisc.info/>

² По просьбе редакции автор сделал перевод своей статьи “Collective Memory, its Structure and its Cultural Antecedents”, вышедшей в сборнике “Collective Memories in War” (London: Routledge, 2016). На русском языке статья публикуется впервые.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ, ЕЕ СТРУКТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Аннотация. В статье рассматриваются феномен коллективной памяти, процессы ее формирования, роль разных акторов в этих процессах. Отмечается, что коллективная память представляет собой амбивалентное явление, соединяющее, с одной стороны, индивидуальные воспоминания, а с другой — эффекты политического и культурного воздействия, осуществляемого ключевыми социальными акторами. Значительный вклад в закрепление коллективной памяти вносят продукты языковой игры — языковые тропы, рождающие метафоры, гиперболы, метонимические образования и устойчивые мемы. Тропы суммируют оценки прошлого, закрепляя их и одновременно привнося в них моральное измерение. Коллективная память тесным образом связана с исторической памятью, которая целенаправленно формируется усилиями институциональных акторов в рамках политики меморизации, в экспозициях музеев, памятниках, учебниках истории, популярных медиа. Политика в области памяти не может обходить стороной индивидуальный опыт, агрегируемый коллективной памятью. В некоторых случаях коллективная память создает собственные защитные механизмы, помогающие преодолевать последствия общественных катаклизмов. Этой цели служат защитные механизмы вытеснения, выводящие за рамки памяти травмирующие события, или механизмы проекции, выводящие обсуждаемые события за пределы ответственного поведения нынешних поколений. Нарративы коллективной памяти формируются психокомплексами — устойчивыми фреймами, наполняющими прошедшие события смыслами и ценностным содержанием. Одним из ключевых акторов, влияющих на коллективную память, является историческая наука, сообщества профессиональных историков, предлагающих собственные — как правило, нюансированные — оценки событий прошлого. На основе коллективной памяти формируются идентичности, включая идентичности гражданские и этнические.

Ключевые слова: коллективная память; историческая память; «языковая игра»; языковые тропы; психокомплексы общественного сознания.

Для цитирования: Черныш М.Ф. Коллективная память, ее структура и культурные предпосылки // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 9–23. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.1 EDN: CSEWNW

Коллективная и индивидуальная память

В социологии коллективная память рассматривается прежде всего как феномен общественного сознания. В отличие от исторической науки, коллективная память не содержит истинного знания о событиях прошлого, а сводится к массовым представлениям о нем. Она также суммирует индивидуальные представления о событиях прошлого, однако при этом не может быть редуцирована к индивидуальному сознанию, от которого ее отличают следующие характеристики:

1. Коллективная память — это комплекс представлений, которые агрегируют жизненный опыт множества людей, становящихся участниками или наблюдателями каких-либо масштабных исторических событий. На коллективную память стремятся влиять и влияют институциональные акторы: государства, общественные

организации, средства массовой информации, а также те, кого принято называть лидерами общественного мнения. Люди сохраняют память о событиях, свидетелями которых становились на протяжении своей жизни, но далеко не весь объем знаний и опыт могут передать следующим поколениям. В традиционном обществе память о прошлом сохранялась благодаря самым важным ее носителям — людям старшего поколения. Как отмечают в своей книге «Культура и мысль» М. Скрибнер и С. Коул, «в гипотезе об особенностях памяти в обществах, не имеющих письменности, подчеркиваются те особые способы и средства запоминания, которые должны были выработаться в этих культурах для передачи информации от поколения к поколению. “Мудрость стариков” может сохраниться только в памяти живых — нет книг, в которых можно было бы ее почерпнуть. Поэтому информация, которую члены общества сохраняют в своей памяти, является достоянием всего общества» [3, с. 172]. Для сохранения знания о прошлом традиционные общества выработали особые механизмы и, в частности, такую форму передачи информации, как эпическая поэма. Поэмы включали рифмы, ритм, повторы, способствующие запоминанию. Поэма не была точным изложением событий прошлого. Поэтический жанр диктовал свои условия изложения и подразумевал нравоучительные акценты, образцы героического поведения и падения, гиперболу, вмешательство высших сил, помогающих героям добиваться победы и ниспровергающих зло. В художественной, назидательной форме события прошлого откладывались в памяти лучше и наряду с первичной задачей запоминания выполняли этическую функцию. Память о прошлом соединялась с нравственной рефлексией, необходимостью располагать события в координатах добра и зла. В современном обществе мифологическая составляющая по-прежнему присутствует в коллективной памяти, ее значимость сохраняется, но форма и функция стали другими. В большей степени, чем прежде, мифы о прошлом конструируются не только и не столько очевидцами описываемых событий, сколько институциональными акторами. Вследствие этого в современном историческом нарративе весомо представлены социальные интересы упомянутых акторов, прежде всего интерес государства.

2. Коллективные представления охватывают не только те периоды истории, которые наблюдает индивид и в которых он действует, но и события, относящиеся к отдаленному прошлому, включая события древней или новой истории. Чем дальше события, тем бóльшую роль в формировании представлений о них играют институты. В какой-то момент коллективная память уступает место памяти исторической, воплощенной в музейных коллекциях, памятниках, школьных учебниках, трудах историков. Речь идет о семантической памяти, инкорпорирующей опосредованное знание, которое приобретает, как правило, через письменные источники и репродуцируется в институциональных контекстах, например системой образования. Сказанное в полной мере относится к нарративам о Великой Отечественной войне советского народа. Сразу после войны государство, памятуя о неисцеленных психологических травмах, связанных с ее началом, конструировало нарративы, смягчающие боль от первоначальных поражений и огромных потерь среди гражданского населения. В послевоенной пропаганде преобладали темы победного характера: стойкость и героизм вооруженных сил, неизбежность поражения врага, моральное превосходство советских воинов над нацистскими захватчиками. Позже, в период «оттепели», представления о войне как о марше к победе сменились другими описа-

ниями. На передний план вышла «правда о войне» — детали неподготовленности армии и ее столкновений с яростным врагом, тяжелые потери, понесенные советскими войсками в первые месяцы войны, и жертвы среди гражданского населения. Только в 1960-х гг. была установлена общая численность потерь, которая существенно отличалась от первоначальных цифр. «Правда о войне» стала востребована потому, что прежняя пропагандистская версия не соответствовала собственному опыту ветеранов и гражданского населения, которые знали без всяких слухов и сплетен, какой была реальная цена Великой Победы. Яркими событиями в области культуры стали фильмы «Летят журавли» Михаила Колотозова, заверченный в 1957 г., получивший Золотую пальмовую ветвь Каннского фестиваля, «Живые и мертвые» Александра Столпера, экранизовавшего роман-эпопею писателя Константина Симонова. С самого начала войны Симонов находился на фронте в качестве военного корреспондента и был очевидцем событий, которые отразил в своем произведении, а затем и в сценарии фильма.

3. Как уже говорилось выше, коллективная память сейчас, как и прежде, переформатируется этическим дискурсом, общими представлениями о добре и зле, добрых и злых силах в истории, исторических приобретениях и потерях. Как продемонстрировано в экспериментах, проведенных С. Скрибнер, процесс запоминания базируется на процедуре категоризации запоминаемых объектов. Чем выше уровень развития общества, чем более развиты в нем институты образования, тем более универсальной становится категоризация [3, с. 202]. Иными словами, запоминание все чаще происходит в рамках категориальной структуры, которая производится институтами. Индивид, прошедший социализацию в обществе модерна, изначально не свободен от общих категорий, обеспечивающих трактовку исторических событий. Оценивая их, он использует знакомые ему стандартные описания. Реальные события укладываются в этические фреймы, в которых они систематически подвергаются реинтерпретации наравне с текущим состоянием общества и предпочтениями институциональных акторов. Исходя из этого можно говорить о том, что формирование коллективной памяти — это непрерывный, не имеющий конца процесс, в котором этические акценты определяются задающими их институтами. В результате далеко не редкостью становится ситуация, когда события, воспринимавшиеся со знаком «плюс» в прошлом, получают впоследствии в массовом сознании противоположную оценку. И напротив, события, оцененные в прошлом как несущие зло, приобретают в новейшем контексте положительный модус. Таким образом, в историческом контексте представления о добре и зле в истории могут изменяться в широких пределах и определяться конкретной социальной и политической ситуацией, в которой производится оценка.

Коллективная память как «языковая игра»

Как феномен культуры коллективная память может быть охарактеризована в категориях «языковой игры». Исторические события получают значение в процессе именования. Святополк *Окаянный* оценивается как лицо, совершившее злые деяния, даже для тех граждан, которые ничего не знают об исторической подоплеке подобных суждений, а также об источниках, продвигающих данную точку зре-

ния. Именованье, подчиняющееся давлению этического дискурса, нередко идет вразрез с мнениями историков, старающихся по возможности удаляться от необходимости выставлять однозначные оценки. По мнению некоторых влиятельных историков, князь Святополк не совершал тех преступлений, которые ему приписывала молва [2]. Второй похожий пример — это преступления Бориса Годунова. Профессиональные историки сходятся в том, что его напрасно обвиняли в гибели царского наследника [6]. Подобные обвинения использовались современниками как аргумент в большой властной игре того времени, однако последующий процесс именования закрепил за Годуновым статус властолюбивого детоубийцы. «Языковая игра» оказывается зачастую более важным фактором формирования коллективных представлений о прошлом, чем индивидуальные воспоминания. Коллективные представления и индивидуальная память противостоят друг другу как фрагментарная и целостная картины. Большинство индивидуальных наблюдателей или участников событий прошлого примут тот аргумент, что их точка зрения, их собственный взгляд являются по определению ограниченными, фрагментарными, локализованными во времени и пространстве. Одиночный наблюдатель противостоит в этом смысле наблюдателю коллективному, способному не только обобщить индивидуальные опыты, но и создать общую картину происходившего.

В структуре коллективной памяти важную роль играют языковые тропы. Кратко, в жесткой форме они суммируют оценку исторических событий, наделяя устойчивыми характеристиками ключевых персонажей, определявших их течение, расставляя акценты. В выражении «врет, как Троцкий» раскрывается отношение к одному из политических деятелей советской эпохи и через это отношение — косвенно к тому персонажу, который таким образом представляется. Если 90-е гг. XX в. характеризуются как «лихие», то в этом заключается суммирование событий того времени — развала государства, хаоса, преступного беспредела, которые наступили после распада СССР. Попытка вывести события того времени за рамки этой устойчивой оценки не имели и не будут иметь успеха. И это потому, что названные характеристики имеют в основании коллективный отрицательный опыт людей, испытавших на себе последствия «шоковой терапии» и событий, которые за ней последовали.

«Языковая игра» и политический интерес

Коллективная память является инструментом политической игры, а потому несвободна от влияния политиков и ангажированных средств массовой информации. В зависимости от текущих политических приоритетов те или иные события или их последствия будут актуализироваться, меняя по ходу дела коллективные представления о прошлом. Вместе с тем было бы неверно редуцировать коллективную память только к политике и свойственным ей манипуляциям. Другие субъекты, участвующие в формировании коллективной памяти, обладают собственными социальными интересами. В некоторых случаях они осознаются и становятся конкретной политической программой, в других обладают свойством латентности, но даже в этом «спящем» состоянии могут провоцировать «иммунную» реакцию на некоторые интерпретации событий прошлого. В этом случае работает так называемый «социальный инстинкт», задающий сетку стереотипов, ограничивающих

подвижность границ оценки. Данный «инстинкт» имеет социальную природу и направлен на сохранение социального порядка, отторгая все то, что провоцирует дезорганизацию общественной жизни. Именно в этой точке сходятся интересы значительной части граждан и институциональных акторов, предлагающих позитивный национальный исторический нарратив. Политическая игра, направленная на пересмотр традиционных представлений о прошлом, сталкивается с негативной реакцией, неосознанным стремлением сохранить сакральный фундамент, консолидирующий общество в целом или хотя бы некоторые его сегменты. «Инстинкт» работает до той поры, пока общество сохраняет такие формы самореференции, которые полагают его как целостность. Проблема в том — об этом говорит в своей статье французский социолог А. Тьесс [7], — что современное общество все реже воспринимает себя как целостность и все чаще продуцирует смыслы, либо расширяющие его границы (например, Европа), либо, напротив, делящие его на фрагменты, которые производят собственные исторические нарративы. Очевидно, что в рамках разных исторических нарративов игра наименований будет разной: в одном случае подчеркивается значимость победы над традиционным врагом, в другом — трагизм событий прошлого, а также жестокость врага и мученичество национальных героев. Конфликты в интерпретации прошлого иллюстрируются сложившимся в обществе противоречивым отношением к досоветскому и постсоветскому периодам. Те, кого с известной долей условности можно назвать советскими гражданами, свято верят в то, что Советский Союз был государством для «рядового, рабочего человека», мощной державой, обладавшей огромной индустриальной силой и настоящим суверенитетом. Критики этой позиции рассматривают советский период как время потерь, разрушения культурного фундамента, помогавшего России выживать в самые сложные времена. Для одних дореволюционная Россия — это страна, в которой большинство населения не знало грамоты, жилища покрывались соломенными крышами, а восемь из десяти рожденных детей умирали от болезней и невежества родителей. Для других досоветская Россия — это тысячелетняя империя, развитие которой было остановлено левыми радикалами.

Современная российская политика также регулярно сталкивается с дилеммой выбора между разными интерпретациями прошлого. Именно поэтому общий, объединяющий исторический нарратив концентрируется вокруг событий, обладающих одинаковой значимостью для разных культур. К числу объединяющих событий относится, в частности, победа СССР в Великой Отечественной войне. В российском политическом классе осознается значимость этого события как объединяющего не только народы современной России, но и — в более широком геополитическом контексте — народы бывшего СССР. Неслучайно сакральность Великой Победы охраняется государственными актами и специальными органами, призванными противодействовать любым искажениям истории.

Коллективная память и защитные механизмы психики

Огромную роль в формировании коллективных представлений о прошлом играют так называемые защитные механизмы, свойственные как индивидуальному, так и массовому сознанию. Н. Смелзер отметил, что в некоторых случаях не только

отдельный человек, но и большие социальные агрегаты демонстрируют склонность к «защитным» интерпретациям болезненных моментов истории [14]. Иногда травмы прошлого вытесняются из массового сознания, вычеркиваются из коллективной истории потому, что любое воспоминание о них с необходимостью влечет за собой целый шлейф негативных последствий для настоящего. А. Тьесс полагает, что коллективная память французов крайне неохотно интегрирует в себя историю насилия над народами колониальных государств [7]. Французское правительство, к примеру, последовательно реализует политику, направленную на преуменьшение значения насильственной колонизации. Полному вытеснению этих событий из памяти препятствуют меньшинства, заинтересованные в получении компенсации за ущерб, нанесенный колониям в ходе жестокого порабощения. В современной России тяжелые травмы, которые нанесли стране и обществу неудачные, разрушительные реформы, усиливают ностальгию по советской эпохе, отмеченной, как полагают многие, выдающимися достижениями — победой в Великой Отечественной войне, бесспорными успехами в области науки и технологий, социальной политикой, направленной на развитие образования и здравоохранения. Современная Россия, получившая независимость после распада СССР, являющаяся, по сути, его живым отрицанием, обретает смысл своего существования — и чем дальше, тем больше — в наследовании советских «капиталов» — экономического, социального и культурного. В коллективной памяти «травма распада» компенсируется гордостью былыми успехами, иногда настоящими, а иногда и вымышленными.

Второй из защитных механизмов, срабатывающих в тех случаях, когда общество сталкивается с травматическими эпизодами своей истории, определяется Смелзером как проекция. Как правило, проявлением этого механизма становится оправдательная стратегия, в рамках которой недавние события выводятся в далекое прошлое или же вписываются в более широкий контекст, воспроизводящий замкнутый цикл причин и следствий. Негативные последствия реформ объясняются не столько порочными политическими практиками или существующей конфигурацией социальных институтов, сколько событиями далекого прошлого, затрудняющими переход к более высокой стадии модерна. В подобной объяснительной стратегии более всего заинтересован политический класс, взявший курс на реформы социальной сферы и экономики. Как не без оснований утверждал Ж. Делёз, современное общество лишь в редкие моменты способно продуцировать общие дискурсы и большие исторические нарративы. Разные социальные группы — классы, этносы или территориальные общности — конструируют различные образы национальной истории, по-разному расставляют в ней акценты. По мнению Делёза, истинная суть капитализма раскрывается во множестве течений, дискурсов, нарративов [10]. Капиталистическое общество сталкивается с шизофренической ситуацией, пытаясь примирить разные, порой противоположные, по выражению Делёза, течения. В подобной ситуации речь может идти только о сравнимой влиятельности разных нарративов, об их соответствии текущей конфигурации социальных и политических интересов. Юрген Хабермас полагает, что надежда на сохранение социального порядка связана с пересечением разных дискурсов и нарративов, присутствием в них общего гуманистического начала. Необходимы площадки, на которых возможны выработка единого отношения к прошлому, выделение из отдельных этнонациональных нарративов общей со-

ставляющей, подчеркивающей необходимость, с одной стороны, сплоченности, а с другой — движения к более гуманному, понимающему обществу, в котором естественные разногласия побеждаются общими интересами [8].

Коллективная память и структура идентичности

Коллективная память хотя и не тождественна идентичности субъекта, но тем не менее связана с ней как одно из ее оснований. Характеризуя данное измерение идентичности, Г. Люббе ввел в оборот особый термин «историческая идентичность». «Можно, — утверждал он, — конечно, спросить, почему для обозначения идентичности субъекта недостаточно синхронного описания его сегодняшнего поведения и действий? Почему, чтобы узнать других людей, мы рассказываем их истории, тогда как, по крайней мере для практических целей, было бы достаточно уметь обоюдным образом правильно оценить поведение и узнать намерения? На этот вопрос можно ответить так: то, что хотят и делают другие, лишь частично опирается на тот опыт, те представления о действительности и оценки ситуаций, которые мы с ними разделяем, и только в этой части мы можем установить рациональность их желаний и поступков в горизонте настоящего времени. В другой своей части желания и действия людей остаются непонятными для нашего синхронного рассмотрения, — в той степени, в какой другие люди опираются на свой прежний опыт, унаследованные представления о действительности и однажды сформулированные оценки ситуаций, которые мы, вышедшие из другого прошлого, не разделяем или больше не разделяем» [4, с. 108]. Иными словами, проблема не в том, что социальные субъекты имеют разное прошлое, а в том, что они опираются на возникшие в результате этого опыта системы представлений, когда мыслят о себе сегодня, порождая недопонимание и «непрозрачность» своих действий для других, даже при условии, что те находятся с ними в одном и том же историческом времени. Только изучив представления о прошлом, свойственные субъекту, мы можем понять происхождение его идентичности и ее саму в полной мере. Горизонт прошлого в латентной форме присутствует в структуре идентичности наряду с культурными компонентами, относящимися к современному состоянию. Мифологизированные представления о прошлом лежат в основе гражданской, этнической и территориальной идентичности, способствуют как групповой, так и социальной (на уровне общества) консолидации.

Л. Гринфельд различает несколько видов национализма, напрямую сопряженных с коллективными представлениями о прошлом [12]. Американский национализм, раскрываемый в сильной идентификации большинства американского населения со своей страной, имеет, по мнению Гринфельд, гражданские, универсальные основания. Американцы привыкли рассматривать свою страну как «обетованную землю» для иммигрантов, людей любого происхождения, любого цвета кожи, ищущих варианты социального продвижения. Схожие параметры имеет национальная идентичность англичан: историю своей страны они рассматривают как нарратив становления современной демократии. Немецкую идентичность Гринфельд рассматривает как этнически ориентированную: ее горизонт прошлого связан с противопоставлением окружающим народам, закрытостью и чувством

превосходства над окружающими. Речь идет, разумеется, об идентичности в ее историческом измерении. Похожие выводы Гринфельд делает в отношении российской идентичности. Последняя, с ее точки зрения, складывалась в результате войн и конфликтов с окружающими государствами, побуждающими к автаркии, закрытости от внешних влияний, стремлению к сильной власти, которая могла бы обеспечить режим закрытости. В российской коллективной памяти избирательно культивировались и продолжают культивироваться комплексы, ориентированные на противостояние с внешним миром. Можно спорить с некоторыми выводами Гринфельд, ее взгляды во многом определялись юношеским опытом эмиграции из СССР. Однако нельзя не признать актуальным ее вывод о том, что коллективные представления о прошлом лежат в основании современной российской идентичности, а процесс индивидуализации прошлого (по Люббе) работает на фрагментацию общих оснований.

Аналогичные взгляды на идентичность и ее реальные основания свойственны другим представителям примордиалистской школы исследования современных национальных идентичностей. В частности, Э. Смит, один из ее основателей, подчеркивает, что память о прошлом является тем фундаментом, который способствует воспроизводству и сохранению национальных и этнических идентичностей: «В современном мире разделение культурных идентичностей и политики имеет под собой гораздо больше оснований, чем в прошлом. Джон Бройи, как мы видели, желал ограничить термин “национализм” только политическим движением. Эрик Хобсбаум также утверждает, что единственное, чем национализм может интересовать историка, — это политические устремления и его способность к сотворению государства. Но, как мы видели, подобное употребление термина является неоправданно узким. Оно упускает из виду другие важные измерения национализма, такие как культура, идентичность и “родина”. Оно уделяет слишком мало внимания характеру того объекта, который лежит в основе националистических устремлений, — “народу”. В результате имеет место серьезная недооценка масштабов и влияния национализма и его этнических корней» [15, р. 177]. Смит предлагает разделить возможные национальные идентичности на политические и культурные. С его точки зрения, они могут соприкасаться и в определенных обстоятельствах подпитывать друг друга, но не могут рассматриваться как тождественные, поскольку в основании одной лежит политический интерес, а в основании другой — культурные, традиционные ценности, включающие представления о прошлом, то есть коллективную память. Однако в реальности в обществе, ищущем собственную идентичность, политика и культура неизбежно пересекаются во многих точках, воображаемые сообщества конструируются и реконструируются с использованием элементов культуры и, в частности, представлений об исторических событиях. При этом власть стремится консолидировать общество и готова использовать для этих целей исторические комплексы, которые носит в себе массовое сознание. Таким образом, политическое и культурное, примордиальное и конструируемое сходятся в одних точках коллективной памяти. Государственная политика в области истории способна не только усилить общий нарратив в ущерб нарративам локальным или этническим, но и влиять на оценку событий, менять ранги значимости для разных событий национальной истории.

Психоконплексы коллективной памяти

В большинстве случаев коллективная память опирается на совокупность базовых психоконплексов, консолидирующих национальную или групповую идентичность. Психоконплексы — это укорененные в глубинах психики устойчивые фреймы, наполняющие события ценностным содержанием. Разные культуры воспроизводят разные конплексы, соотносящиеся с прошлым народа, его историческим нарративом. Так, американская культура содержит важный для американской идентичности конплекс «границы» (frontier). Граница — это та зона, в которой американское общество соприкасается с неопределенностью внешнего мира и где наиболее рельефно проявлены лучшие качества американского национального характера. «Фронтир» — это движение к горизонту, познание нового и нахождение в нем практических смыслов. С одной стороны, это территория свободы, где американский гражданин свободен от условностей привычной жизни, с другой — это та область, в которой разыгрывается мистерия рождения американских институтов, упорядочивающих жизненные практики. С. Эйзенштадт полагает, что американский исторический нарратив включает в качестве отправного пункта представление о современной Америке как сбывшейся утопии [11]. Это представление диктует общую направленность американского исторического нарратива как движения к свободе, развития, обретения друзей и победы над врагами. По мнению Эйзенштадта, европейское сознание питается иными психоконплексами, помещающими идеал за пределы сложившейся реальности. Необходимость двигаться к идеалу предполагает преодоление консерватизма, отказ от предрассудков, выбор направления развития, в котором представители разных социальных групп, слоев и сословий достигают большего равенства. Российскому общественному сознанию присущ конплекс жертвы, приносимой на алтарь общих достижений, а также конплекс осажденной крепости, защитники которой демонстрируют крайнюю степень самоотречения. Празднование победы в Великой Отечественной войне почти всегда сопровождается упоминанием огромных потерь, которые были понесены народом ради победы над врагом. Жертвенность бойцов и офицеров Советской армии, насмерть стоявших на пути вермахта, рассматривается как важнейшее основание будущих военных успехов. В ряду героических вех, определяющих нарратив войны, важнейшими стали события, в которых Советская армия продемонстрировала стойкость сопротивления в закрытых ограниченных пространствах. Бойцы Брестской крепости сражались до последнего, практически без какой-либо надежды получить помощь со стороны отступающей Красной Армии. Непреступными цитаделями стали блокадный Ленинград, осажденная Москва и Сталинград. В военном дискурсе наступательные операции хотя и важны, но все же не имеют статус «переломных», главных, повествующих о стойкости, жертвенности, обращенной в победу.

Национальные психоконплексы проявлены не только в историческом нарративе, но и в произведениях искусства, повествующих о событиях прошлого. Получивший высокие оценки фильм Федора Бондарчука «9 рота» воспроизводит их в полной мере. Несмотря на то что именно Советская армия была в конфликте активной стороной, в фильме советские солдаты представлены в антураже осажденной крепости — форпоста, который отчаянно атакуют боевики-джихадисты. В реальных событиях, которые вдохновили сценаристов, потери оборонявшейся

роты десантников составляли менее десятка человек, в фильме же гибнут почти все солдаты девятой роты, кроме одного. Воспроизводится комплекс жертвенности: солдаты ценой своей жизни спасают от огня выходящие из Афганистана колонны советских войск. В этом случае жертвенность оказывается бессмысленной. Выясняется, что войска выводились по другим маршрутам, а девятая рота погибла лишь потому, что о ней в суматохе вывода войск просто забыли. Отсутствие практического смысла лишь подчеркивает очищенную от корысти или всякой инструментальности жертвенность бойцов. В фильме настойчивым лейтмотивом звучит тема, противопоставляющая бюрократическую логику принятия решений и мужество рядовых солдат и офицеров, понимающих, что на них лежит груз ответственности за товарищей и пославшую их воевать страну. Лишенная инструментальности жертвенность неведомыми, мистическими путями становится условием будущих побед. Таким образом, национальные психоконплексы, формирующие структуру идентичности, оказываются связующим звеном между прошлым и будущим, поводом для печали и надежды на то, что стойкость, мужество и воля солдат станут фундаментом для будущего, сохранят жизни мирных граждан, которым угрожает безжалостный враг.

Коллективная память и историческая наука

Значительное влияние на процесс формирования коллективных представлений о прошлом оказывают профессиональные историки. Рядовой гражданин, даже если он интересуется отечественной или зарубежной историей, не в состоянии судить о допустимости, обоснованности или надежности исторических исследований. Одним из ярких доказательств этого является широкое распространение так называемых альтернативных исторических проектов, получающих немалую поддержку в среде рядовых читателей. Незначительных расхождений в сведениях, приводимых первоисточниками, оказалось достаточно Н. Фоменко для того, чтобы выдвинуть собственную парадигму исторической науки, в которой знание, генерируемое традиционной наукой, фальсифицируется, а вместо нее предлагается эрзац из домыслов и спекуляций [5]. Целевой группой проекта альтернативной истории являются отнюдь не профессиональные историки, которых непросто ввести в заблуждение подобными манипуляциями, а носители исторической «доксы» — рядовые граждане, приветствующие ниспровержение исторических традиций, особенно если в новой парадигме они могут претендовать на более высокий культурный статус. В этом случае нестандартный взгляд на историю ориентирован на слабо информированного потребителя, на рядового гражданина, который в исторической «альтернативе» видит перспективы ревизии не только прошлого, но и связанного с ним настоящего.

Профессиональные историки воздействуют на коллективные представления о событиях прошлого тремя способами. Во-первых, они влияют на преподавание истории в школе. В работах английского психолога Ф. Бартлетта доказывалось, что школьное образование — это один из немногих способов адаптации ребенка к модерну [9]. Психологические исследования доказали, что дети, не ходившие в школу, адекватно справляются с решением простых жизненных задач, базирующихся на каждодневном опыте. Однако они так и не выходят на уровень мыш-

ления, позволяющий оперировать абстракциями. Первобытное мышление, если использовать словарь французского философа и антрополога Л. Леви-Брюля, — это в первую очередь способность к решению практических задач, которые ставит повседневная жизнь [13]. Природа современного общества такова, что полноценно функционировать в нем может только тот, кто имеет способность выходить за границы повседневности — ощущать себя частью большой целостности, иметь представления о гражданстве, правах и обязанностях, связанных с ними. Коллективная память — это уровень знаний о мире, свойственный прежде всего обществу модерна. Ребенок должен научиться размышлять о стране и обществе, в котором он живет, как о реальности, развернутой в истории, как о совокупности событий, складывающихся в общий нарратив. Многие из тех событий или явлений, которые обсуждаются в курсе истории, — абстракции для современного человека. Рабовладение, крепостное право, монархия, войны, славные победы и поражения — все это сегодня для ребенка является понятиями, не укорененными в реальной жизни. Для того, чтобы ребенок мог научиться адекватно оперировать этими политическими и экономическими абстракциями, его вниманию предлагаются учебники, подготовленные профессиональными историками, а сам курс обучения сопровождают преподаватели истории — профессионалы, стимулирующие историческую рефлексию, задающие стандарты размышлений не только о вчера, но и о сегодня. Не только государство, но и общество в лице родителей, гражданских организаций заинтересованы в том, чтобы уровень обучения соответствовал профессиональным стандартам, заданным исторической наукой.

Во-вторых, историки присутствуют как экспертная власть в средствах массовой информации. Газеты, журналы или другие медиа часто привлекают историков в качестве комментаторов по наиболее актуальным проблемам российской истории и современной жизни. Для СМИ участие историков в обсуждении важных для общества проблем — это, помимо всего прочего, еще и возможность проводить исторические параллели, а также выстраивать логику событий вплоть до сего дня. В средствах массовой информации историки зачастую выступают как носители определенных идеологий, якобы логически вытекающих из событий прошлого. В этом контексте историки становятся полноценными участниками процесса политического производства и воспроизводства. Для политических партий или социальных движений очень важно опираться на твердые исторические основания. Это означает, что, несмотря на дискуссионность и противоречивость, характерную для современной исторической науки, профессиональные историки будут и далее иметь возможность использовать СМИ для продвижения своих представлений о прошлом.

В-третьих, в некоторых случаях историки могут влиять на коллективную память посредством структурирования исторической тематики, выносимой в поле общественного обсуждения. Разумеется, не только историки принимают решение о том, какое, к примеру, событие чтить, а какое вычеркнуть из календаря значимых дат. Как правило, приоритетное право принимать подобные решения принадлежит государству. Однако историки, обладающие экспертной властью, способны влиять на государственные решения. Влияние экспертов, как это всегда бывает, лишено однозначности, потому что сами историки не являются консолидированной инстанцией. Это сообщество, как и другие сообщества профессионалов, поделено по самым разным основаниям — генерационному, идеологическому, институциональному. Некоторые историки убеждены в том, что необходим об-

щенациональный нарратив. Другие акцентируют частные или альтернативные нарративы, полагая необходимым ослабить общенациональные ценности в пользу ценностей меньшинств. Плюрализм позиций ослабляет влияние профессиональных историков на историческую политику государства или же позицию отдельных социальных групп. У государства появляется возможность из всего разнообразия позиций остановиться на той, которая в наибольшей степени соответствует его стремлению к консолидации. Отдельные культурные сообщества, объединяющиеся по этническому или иному принципу, выделяют из корпуса профессиональных историков тех, чья позиция в наибольшей степени отвечает их интересам. Подобные противоречия политизируют историческую науку, ей приходится защищать себя от активных, если не сказать агрессивных, попыток внешних по отношению к дисциплине сил влиять на нее. Для общественных наук эта ситуация не уникальна: разнообразие трактовок в любой из областей общественной науки плохо согласуется с необходимостью консолидированного нарратива.

Заключение

Коллективная память — это сложный, подвижный феномен общественного сознания. По своей природе она — продукт взаимодействия индивидуальной памяти и акторов, заинтересованных в усилении своего влияния на общество. В современном обществе коллективные представления о прошлом крайне редко являют собой гомогенное образование, включающее некие общепринятые универсалии. В большей степени память о прошлом походит на неоднородное поле, формируемое разными, зачастую конфликтующими нарративами. При всем этом коллективная память остается важной частью общенациональной культуры, ее значимость подчеркивается уже тем, что в ней не только раскрывается прошлое, но и расставляются ориентиры на будущее. Древняя истина гласит, что не знающий прошлого не имеет будущего. Правильнее, однако, было бы сказать: игнорирующий прошлое в тех формах, в которых оно бытует в массовом сознании, теряет возможность влиять на будущее, на важные изменения, происходящие в культуре.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Черныш Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). **Телефон:** +7 (495) 719-09-40. **Электронная почта:** chernysh@fnisc.ru

---

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 9–23. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.3.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.1)

Research Article

MIKHAIL F. CHERNYSH¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS). Bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

COLLECTIVE MEMORY, ITS STRUCTURE AND ITS CULTURAL ANTECEDENTS

Abstract. The article examines the phenomenon of collective memory, the processes of its formation, and the role of different actors in these processes. It is noted that collective memory is an ambivalent phenomenon that combines, on the one hand, individual memories, and, on the other hand, the effects of political and cultural influence carried out by key social actors. A significant contribution to the consolidation of collective memory is made by the products of the language game — language tropes that give rise to metaphors, hyperboles, metonymic formations, and stable memes. Tropes summarize assessments of the past, consolidating them and simultaneously introducing a moral dimension into them. Collective memory is closely related to historical memory, which is purposefully formed through the efforts of institutional actors within the framework of memorization policy, in museum expositions, monuments, history textbooks, and popular media. Memory policy cannot ignore individual experience aggregated by collective memory. In some cases, collective memory creates its own defense mechanisms that help overcome the consequences of social cataclysms. This goal is served by the protective mechanisms of repression, which take traumatic events beyond the memory, or by the mechanisms of projection, which take the events under discussion beyond the responsible behavior of current generations. Collective memory narratives are formatted by psychocomplexes — stable frames that fill past events with meanings and value content. One of the key actor's influencing collective memory is historical science, communities of professional historians offering their own, usually nuanced, assessments of past events. Identities, including civil and ethnic identities, are formed on the basis of collective memory.

Keywords: collective memory; historic memory; language game; language trope; psychocomplexes of mass consciousness.

For citation: Chernysh, M.F. Collective Memory, its Structure and its Cultural Antecedents. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 9–23. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.3.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.1)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail F. Chernysh — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS). **Phone:** +7 (495) 719-09-40. **Email:** chernysh@fnisc.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. — 432 с.
Durkheim E. *On the Division of Social Labor*. Transl. from French by A.B. Hofman, notes by V.V. Sapov. Moscow: Kanon publ., 1996. 432 p.
2. Костромин К.А. Борисоглебская проблема: вопрос доверия источникам // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 6. С. 55–70. EDN: OYLIXJ
Kostromin K.A. The Borisoglebsk Problem: The Question of Trust in Sources. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2011. No. 6. P. 55–70.
3. Коул М., Скрибнер С. Культура и мысль / Пер. с англ. П. Тульвисте; Под ред. и с предисл. А.Р. Лурия. М.: Прогресс, 1977. — 261 с.
Cole M., Scribner S. *Culture and Thought*. Transl. from Eng. by P. Tulviste; Ed. and foreword by A.R. Luria. Moscow: Progress publ., 1977. 261 p.
4. Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.
Lubbe G. Historical Identity. *Voprosy filosofii*. 1994. No. 4. P. 94–113.
5. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Введение в новую хронологию (какой сейчас век?). М.: Крафтлин, 1999. — 488 с.
Nosovsky G.V., Fomenko A.T. *Introduction to the New Chronology (What Century is it now?)*. Moscow: Kraftlin publ., 1999. 488 p.

6. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Изд-во «Наука», 1978. — 192 с. EDN: [TRYALX](#)
Skrynnikov R.G. *Boris Godunov*. Moscow: Nauka publ., 1978. 192 p.
7. Тьесс А. Использование национальной истории в политических целях // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 92–104. EDN: [PBDSJD](#)
Tiess A. Using National History for Political Purposes. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2010. No. 1. P. 92–104.
8. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю.С. Медведева; Под ред. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2001. — 415 с.
Habermas J. *Involving the Other. Essays on Political Theory*. Transl. from Germ. by Yu.S. Medvedev; Ed. by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka publ., 2001. 415 p.
9. Bartlett F. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 137 p. DOI: [10.1017/CBO9780511759185](#)
10. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus. An Introduction to Schizoanalysis*. L.: Routledge, 1999. 161 p.
11. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities. *Multiple Modernities*. Ed. by S.N. Eisenstadt. New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. P. 1–28. DOI: [10.1163/9789047401735_004](#)
12. Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press, 1994. 581 p.
13. Lévy-Bruhl L. *Primitive Mentality*. L.: Macmillan, 1923. 458 p.
14. Smelser N. *The Social Edges of Psychoanalysis*. Berkeley, CA: University of California Press, 1998. 263 p. DOI: [10.1525/9780520921375](#)
15. Smith A. *Nationalism and Modernism*. L.: Routledge, 1998. 270 p.

Статья поступила в редакцию: 07.09.2025; поступила после рецензирования и доработки: 15.09.2025; принята к публикации: 25.09.2025.

Received: 07.09.2025; revised after review: 15.09.2025; accepted for publication: 25.09.2025.

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.2
EDN: СТНОНФ

Д.В. ИВАНОВ¹, Н.С. СОЛОВЬЕВА¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург).

192148, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2.

КОНЦЕПТ «КРЕАТИВНЫЙ ГОРОД»: АДАПТАЦИЯ И РАЗВИТИЕ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

Аннотация. В статье представлены результаты анализа концептуализации «креативного города» в российской дискуссии о городском развитии. Продемонстрированы изменение семантики культурных индустрий и усиление проблематизации социальных последствий развития креативной экономики. С помощью комбинированного контент-анализа (библиометрического картографического анализа совстречаемости ключевых слов и тематического кодирования) проанализирована применимость концепта в российской академической среде. Анализ 32 российских публикаций (2010–2024 гг., журналы Scopus и ВАК) позволил выделить три смысловые оси применения концепта «креативный город» (пространство, экономика, люди) и три иерархические позиции в теоретических моделях (вложенная, равноценная, доминирующая). Их сочетание выявило шесть метафор «креативного города» в российской литературе — от «витрины для креативного класса» до «коллективного субъекта саморазвития», при развитии которых обнаруживается смещение акцента в концептуализации города от объекта управления к субъекту, участвующему в креативном преобразовании среды.

Исследование зафиксировало общие черты российской и англоязычной дискуссии: двойственное восприятие «креативного класса», неолиберальную критику, акцент на уникальных локальных проектах вместо универсальных форм креативности. При этом зарубежные модели чаще остаются в русле экономического развития городов и глобальной интеграции, тогда как отечественные фокусируются на внутренних ресурсах территории и потенциале коллективного действия.

Ключевые слова: «креативный город»; «креативный класс»; социальная теория; систематический литературный обзор; сравнительное исследование; концептуализация.

Для цитирования: Иванов Д.В., Соловьева Н.С. Концепт «креативный город»: адаптация и развитие в российском контексте // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 24–38. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.2 EDN: СТНОНФ

Введение

Ключевая характеристика мультикультурного разнообразия — урбанизм [36], который сопряжен с серьезными вызовами для управления современными городами и задает импульс к поиску новых стратегий их развития [45, с. 2012; 47].

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 24-18-00659 «Устойчивость и креативный потенциал молодежи Северо-Кавказского региона в контексте образовательной и трудовой миграции».

Эти вызовы стимулируют переосмысление факторов, определяющих устойчивое экономическое и социальное развитие. В современных условиях основу городского развития все чаще составляют нематериальные ресурсы — креативность и культура [29, с. 331–332; 30], за развитие которых отвечает «креативный класс», связанный с культурными и инновационными сферами [24]. В социологической литературе инновации нередко трактуются как продолжение креативности, а в ряде подходов образуют единый процесс: креативность понимается как механизм, а инновация — как результат [32, с. 6–7]. Одновременно сохраняется критический взгляд на коммодификацию креативности, когда культура используется прежде всего как экономический ресурс [41, с. 3], что ведет к копированию практик вместо их «выращивания снизу» [37, с. 6]. Сам «креативный класс» в разных исследованиях предстает то как элитарный участник неолиберального дискурса [49, с. 4], то как уязвимая часть прекариата [30, с. 3, 5]. Вместе с тем подчеркивается, что креативный город целесообразно рассматривать не столько через само наличие «креативного класса», сколько через формы его взаимодействия с разными социальными и институциональными уровнями городской жизни [28, с. 92–94]. Это задает и амбивалентность концепта «креативного города» (далее — КГ), который может интерпретироваться как производитель новых форм неравенства или, напротив, как горизонтальная рамка взаимодействия власти и общества [44, с. 128–129]. При этом важно учитывать, что концепции КГ, «креативных индустрий» и «креативного класса» были привнесены в российскую урбанистическую практику и научный дискурс из западной интеллектуальной мысли вместе с идеями постиндустриального города, городского маркетинга и культурного многообразия. В постсоветских условиях они воспринимались прежде всего инструментально — как практические ответы на кризисы и ориентир модернизации.

Таким образом, современное исследование концепта КГ имеет двойкий ракурс: с одной стороны, оно опирается на западные теоретические наработки, а с другой — в российском контексте концепция во многом сохраняет характер заимствованного инструмента, интегрируясь в существующие или замещающие практики градостроительства, городского менеджмента и культурной политики.

Цель данной статьи — анализ концептуализации КГ в российской академической дискуссии. В первой части представлены англоязычные исследования, задающие теоретическую рамку статьи. Во второй — описана методология систематического литературного обзора российских источников, опубликованных в 2010–2024 гг. в журналах, индексируемых в Scopus и ВАК. В третьей части представлен анализ применимости концепции КГ для российского поля.

Обзор концепций КГ в англоязычной дискуссии

Говоря о КГ, нельзя обойти работу известного и критикуемого автора трудов о «креативном классе» — Р. Флориду [24]. Он определил зависимость экономического успеха городов от концентрации в них представителей креативных профессий — в науке, искусстве, IT и предпринимательстве. Авторы, развивающие после Р. Флориды концепцию КГ, указывали, что привлечение таких талантов ради ускорения экономического развития и превращения в «глобальные города» делает

уязвимыми местных жителей [33, с. 195], а упор на креативные проекты парадоксальным образом подавляет локальные инициативы, подменяя их копированием успешных решений других городов [35, с. 72–73]. Такая стратегия удобна для властей: выделение грантов вместо создания инфраструктуры социальной поддержки требует значительно меньших ресурсов [38, с. 760–762]. Кроме того, реальная экономическая выгода от содержания креативных индустрий представляется недоказанной [31, с. 1016]. Поскольку концентрация творческих профессионалов не делает города креативными, участники англоязычной дискуссии развивают данный концепт, предлагая свои факторы КГ.

Так, Г. Эванс [31] демонстрирует расширение семантики «культурных индустрий», являющихся новым капиталом в КГ. Изначально «культурные индустрии» осмыслялись в политических проектах 1980-х гг. как требующие государственного субсидирования традиционные сектора культуры, занимающиеся социальной интеграцией и сохранением национальной идентичности. В 1990-х гг. они трансформировались в «креативные индустрии», которые понимались как любые формы деятельности, создающие интеллектуальную собственность и рабочие места. После 2000-х гг. автор фиксирует переход «креативных индустрий» в состав «экономики знаний», подразумевающей конвергенцию различных секторов креативности для производства инноваций. Такой сдвиг от субсидируемой культуры к коммерциализированному творчеству изменил городские ландшафты, обострив вопросы джентрификации, классового неравенства, утраты аутентичности.

Несмотря на указанные сложности, говорить о современном КГ без учета экономических факторов невозможно [27, с. 11]. А.Дж. Скотт, следом за Г. Эвансом, предлагает свою концепцию — «когнитивно-культурный капитализм», объясняющую вызванные повышением ресурсного потенциала креатива урбанистические изменения [43, с. 565]. Скотт показывает, что современный постфордистский экономический строй опирается не только на высокотехнологические отрасли, бизнес-услуги и создание агломераций для распространения инноваций, но и на культурные индустрии, кастомизацию товаров и услуг, а также на рост значимости «символических аналитиков» [43, с. 569–571].

Признавая необратимые изменения в восприятии креативных индустрий, другие авторы выделяют не столько экономические, сколько социальные признаки КГ: не просто наличие культурных индустрий, но их сетевую связанность и роль культурных производителей в городском развитии [37, с. 8, 15]. Кластеризация деятельности креативных профессионалов приводит к созданию гибридных форм и «шумных сетей» (noisy networks), способствующих развитию инноваций [32, с. 58–59]. Фокус на связях креативных предпринимателей делает КГ не фабрикой производства нового типа сырья, а местом взаимодействия инноваторов, предьявляющих свое право на город [37, с. 14–17].

Эти два подхода отражаются в выявленных Л. Конг стратегиях развития КГ: «продукт-ориентированной», сосредоточенной на создании культурных проектов, и «люди-ориентированной», направленной на развитие человеческого капитала [34, с. 384]. Также выделяется «место-ориентированная» стратегия, подразумевающая постройку монументальных объектов для привлечения капиталов извне. Третья стратегия порождает еще одно направление критики КГ со стороны исследователей: брендинг территорий с помощью создания массовых разовых

мероприятий (фестивали, биеннале) или масштабных построений (парки развлечений, креативные пространства) игнорирует локальную специфику, слепо копируя удачные форматы [33, с. 195; 30, с. 3, 6; 40, с. 129–130; 46, с. 372–373].

Э. Прагг суммировал подходы к определению КГ, выделив пять смысловых рамок: гуманистическую (креативность как выражение индивидуальной творческой свободы); экономико-телеологическую («экономика знаний» как высшая стадия развития городов); инструментальную (акцент на привлечении инвестиций); социально-инклюзивную (креативность как инструмент социальной сплоченности); элитистскую (акцент на высокопрофессиональной креативности) [39, с. 14–15].

Методология систематического обзора российских статей

Для поиска релевантных российских научных публикаций были использованы базы данных Scopus и ВАК. Дополнительно применялся портал SCImago Journal, Country Rank, предоставляющий информацию по наукометрическим показателям стран. Отбор публикаций ограничивался отечественными журналами в соответствии с критериями:

- предметная область: социальные науки и экономические науки;
- категория предмета: социальные науки, социология и политология, экономика;
- страна публикации: Российская Федерация;
- индексируемость на 2023 г.

Было отобрано 322 журнала. Далее осуществлялся поиск публикаций в архивах по ключевым словам «креативность» и «город» («creative» и «city» для англоязычных материалов), поисковый запрос: «креат* и город*». В анализ включены 32 статьи, опубликованные в 2010–2024 гг., что позволило охватить как текущую академическую повестку, так и историческую глубину дискуссии.

Выбранный метод — комбинированный контент-анализ, единица анализа — отдельная публикация. Основным корпусом источников являлись названия статей, ключевые слова, аннотации и полные тексты. Тематическое кодирование позволило выделить смысловые оси, по которым в дальнейшем была выстроена концептуальная схема. Для идентификации ключевых тематических направлений и структуры семантического поля российской дискуссии о КГ был проведен библиометрический картографический анализ встречаемости ключевых слов (keywords co-occurrence analysis) с применением программного обеспечения VOSviewer. Метод основывается на построении сети терминов, совместно упоминаемых в научных публикациях, с последующей кластеризацией и визуализацией тематических полей.

Применимость концепции КГ в России

В российской академической науке концепция КГ трактуется через две теоретические модели: Р. Флориды, ориентированной на привлечение мобильного «креативного класса», и Ч. Лэндри, сосредоточенной на мобилизации внутренних

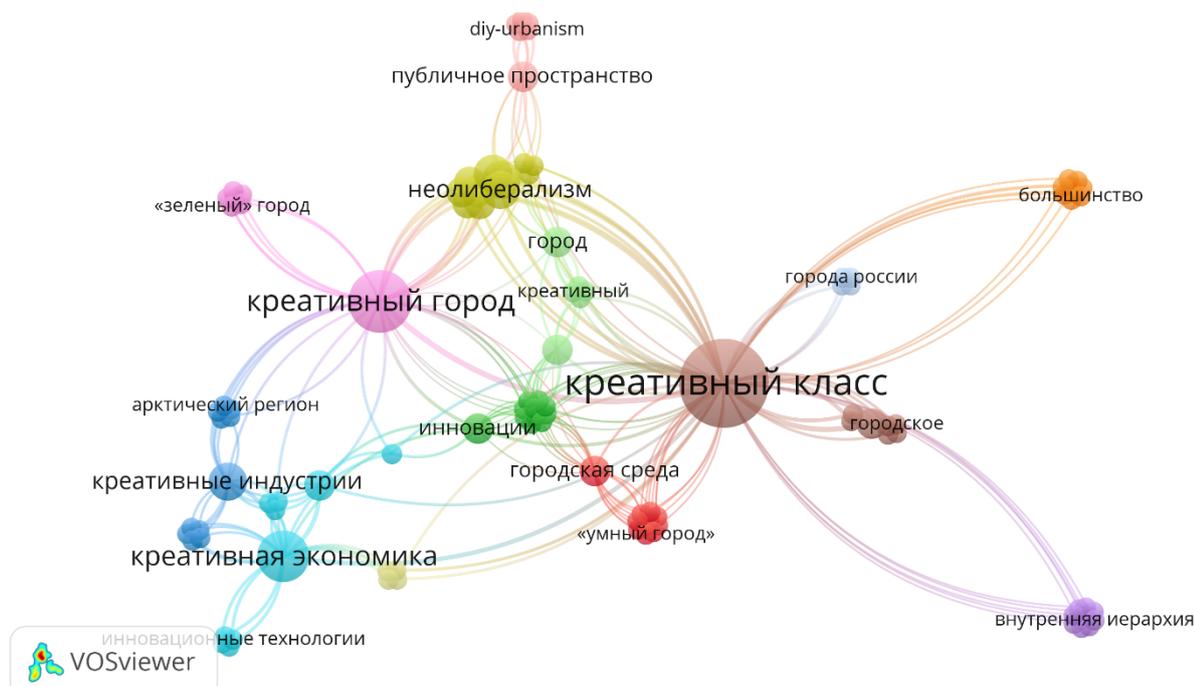
ресурсов города и местных сообществ. Концепция КГ Р. Флориды критикуется российскими исследователями как неолиберальная утопия, предоставляющая выгоды для узких групп населения [15]. Тезис подкрепляет обращение к идеям Д. Харви о «праве на город», а также к концепции прекариата Г. Стэндинга [15; 11]. Подход Ч. Лэндри оказывается более приемлемым в российских реалиях [5, с. 643; 22, с. 133]. Его акцент на местном предпринимательском и творческом потенциале, локальных традициях и ресурсах позволяет развивать КГ без массового притока специалистов извне [5; 8]. Данный подход особенно актуален для малых и средних городов, где ограничены финансовые и организационные ресурсы для привлечения внешних творческих профессионалов.

Дихотомия внутренней и внешней креативности приобретает значимость при противопоставлении регионов Москве и Санкт-Петербургу. Последние реже становятся объектом российских исследований, поскольку уже располагают устойчивым и продолжительным опытом формирования креативных кластеров [6, с. 100], обладают необходимыми экономическими и административными ресурсами, а значит, не могут являться репрезентативными примерами для других территорий страны [13; 16, с. 9]. Креативность в регионах исследуется чаще благодаря более выраженному постиндустриальному переходу: для бывших «городов-заводов» джентрификация оказывается эффективным инструментом пространственного обновления [22, с. 134; 19], а модернизация инфраструктуры — более востребованной из-за «хронического недофинансирования» в прошлом [22, с. 134]. Также региональные власти заинтересованы в сдерживании миграции ключевых социальных групп, ассоциирующихся с «креативным классом» [22, с. 135], из-за чего концепция КГ актуальна для местных программ городского развития.

Прежде чем перейти к результатам анализа концептуализации КГ в российских исследованиях, стоит отметить ограничения ее применения. В России высокая степень централизации управления подавляет автономию местных инициатив, а ввиду слабости институтов местного самоуправления не развивается самоорганизация жителей [11, с. 54–55]. Из-за значительного территориального и социально-экономического неравенства необходима адаптация концепции под местные условия [11, с. 47–49]. Тем не менее отечественные исследователи активно используют разнообразные подходы и аналитические инструменты для изучения креативности в городах, включая их социальный, экономический, политический и инновационный потенциалы [18].

Ключевые модели концептуализации КГ в России

На основе библиометрического картографического анализа встречаемости ключевых слов была построена визуализированная карта, реконструирующая семантическую структуру поля изучения «креативного города». Она демонстрирует, что российская дискуссия о КГ организована вокруг трех доминирующих узлов: «креативный город», «креативный класс» и «креативная экономика». Эти концепты образуют семантическое ядро и служат основой для теоретического осмысления и прикладных разработок. Высокая степень централизации и многочисленные связи с другими категориями — такими как «инновации», «городская среда», «публичное пространство», «жизненные стратегии» — указывают на их гегемонный статус в отечественном научном дискурсе (рис. 1).

Рис. 1. Библиометрический картографический анализ совстречаемости ключевых слов в российских публикациях о КГ

На периферии понятийного поля располагаются концепты второго порядка: «неолиберализм», «индекс креативности», «DIY-urbanism», «внутренняя иерархия», «зеленый город». Они встречаются реже, имеют ограниченное число связей и представляют собой альтернативные направления интерпретации — в критической урбанистике, устойчивом развитии и низовых формах самоорганизации. Это маргинальные, но постепенно расширяющиеся линии анализа, фокусирующиеся на локальных, этически чувствительных и критически ориентированных трактовках городского развития.

Пересечение трех центральных концептов формирует в российском дискурсе три смысловые оси.

1. *Пространство.* КГ — идея городской среды, ориентированной на творчество и инновации. Ось репрезентируется терминами «третье место», «креативное пространство», «публичное пространство», «инновации». Под креативным пространством понимается не только физическая инфраструктура, но и символические и социальные контексты для креативных практик [8; 20]. Такие пространства должны быть инклюзивными и способствовать экономическому и культурному производству среды [18, с. 45].

2. *Экономика.* Ось отражает взаимосвязь между развитием креативных индустрий и экономическим ростом территорий. Отдельное внимание уделяется институциональным условиям: программам поддержки, бизнес-инкубаторам, партнерствам государственных и частных структур. Стабильность таких проектов определяется координацией внутри локальных экосистем [9].

3. *Люди.* В центре оси — «креативный класс» как носитель человеческого капитала, продвигающий преобразования [23]. Ключевые аналитические категории: «жизненные стратегии», «сетевое взаимодействие», «слабые связи», «коллективное действие». Подчеркивается необходимость локальной адаптации концепта «креативного класса», поскольку границы между креативными и административными практиками часто размыты [11; 22].

Три оси взаимодействуют между собой и с институциональной средой, включая официальные структуры и негосударственные центры культуры и образования. Они задают параметры участия самого города в креативных трансформациях — как пространства, инфраструктурной сцены, символического ядра и институционального узла, удерживающего и координирующего акторов креативности. От степени выраженности и баланса этих осей зависит, будет ли город выступать объектом внешней инженерии или субъектом саморазвития.

Также с помощью тематического кодирования корпуса источников, отобранных для анализа, были выделены три иерархические позиции концепта КГ в структуре теоретических моделей:

1) *вложенная*. КГ рассматривается как производное или частное проявление более обширных концепций — «креативной экономики» [8; 1] или «креативных индустрий» [8; 6; 3]. Город выступает как инструмент широкой экономико-культурной стратегии;

2) *равноценная*. КГ на равных соотносится с другими концептами, например, с понятием «креативный класс» [22] или институциональной формой «опорного университета» [2]. КГ сопоставляется с другими типами городских стратегий — «умным», «зеленым», «социальным», «сервисным» или «живым» городом [9; 25; 26];

3) *доминирующая*. КГ — базовое понятие, включающее частные конструкции: креативные пространства и кластеры [12; 10; 19], публичные пространства [7], креативные акторы [4], креативные действия [21]. Город осмысляется как фрейм, конструирующий и пересобирающий разноуровневые элементы креативной динамики.

На основе анализа осей концептуализации можно выделить шесть аналитических метафор КГ, используемых для описания и изучения концепций в российских исследованиях и различающихся по двум параметрам: степени субъектности города и иерархическому статусу концепции (рис. 2).

Ось X — степени субъектности, приписываемой самому городу.

Ось Y — иерархический статус концепции «креативного города» в рамках более широкой теоретической конструкции.

Рис. 2. Концептуальная карта метафор КГ в русскоязычной дискуссии

Типология наглядно демонстрирует сдвиг от восприятия города как объекта внешнего управления к его становлению субъектом креативных преобразований, обладающим собственной агентностью, институциональной координацией и смыслообразующим потенциалом. Рассмотрим содержание каждой из выделенных аналитических метафор.

КГ как витрина для привлечения «креативного класса». Город — сцена, на которой создаются условия для привлечения высокообразованных, мобильных и экономически продуктивных групп населения. Концептуализация воспроизводит неолиберальную логику Р. Флориды, но в российских условиях сопровождается критикой. В этой модели концепция КГ занимает вложенную позицию и является инструментом стратегии экономического развития.

КГ как объект институциональной инженерии. Метафора сохраняет внешнюю субъектность, но включает город в сложные управленческие конфигурации: реализацию креативных стратегий через системы поддержки (опорные университеты, государственные программы и инкубаторы). Город мыслится как сцена, в которую можно встроить институциональные механизмы, генерирующие креативность. В соответствующих работах [2; 6] подчеркивается необходимость институциональной поддержки, особенно при слабом местном самоуправлении. Концепция КГ рассматривается как равноценная по отношению к другим.

КГ как сцена для локального действия. Метафора формируется на пересечении сетевых и институциональных логик. Город — посредник для разных типов акторов: от низовых инициатив до малых бизнесов. Ассоциированные исследования [4; 17; 21] подчеркивают важность «слабых связей» и горизонтальных форм координации, осуществляющих креативные практики при ограниченных ресурсах. Концепция КГ занимает равноценную позицию и применяется как аналитическая рамка для анализа локальных сетевых взаимодействий.

КГ как сцена конфликтов и расслоений. Здесь фокус переносится с функциональной продуктивности на социальную критику. Метафора основана на идеях Д. Харви о «праве на город» и концепции прекариата Г. Стэндинга и указывает на неравномерное распределение выгод от креативной трансформации экономики. Город — не сцена, но арена, где сталкиваются интересы социальных групп: «креативного класса», традиционного рабочего населения, студентов, предпринимателей [14]. Данная концепция КГ приобретает высокий иерархический статус, из-за чего городская политика осмысливается как форма социальной инженерии.

КГ как носитель локального культурного капитала. Метафора основана на подходе Ч. Лэндри и нацелена на выявление и развитие внутренних ресурсов территории. Здесь креативность не встраивается извне, а «прорастает» из локальных культурных кодов.

КГ как коллективный субъект саморазвития — наиболее субъектно-насыщенная метафора, где город является активным актором, координирующим и генерирующим устойчивые практики. Креативность — не внешний ресурс, а продукт внутреннего сетевого взаимодействия. Город выступает связующим звеном между микропрактиками и стратегиями устойчивого развития, генерируя инновации «снизу». В соответствующих исследованиях [7; 17] подчеркивается роль сообществ в формировании коллективной субъектности.

Заключение

Исследование систематизирует подходы к пониманию «креативного города» в англоязычном и российском контекстах. В англоязычных исследованиях выделяются как экономико-центричные модели [24; 42; 43], так и социально-ориентированные [37], при этом подчеркивается необходимость баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Важное место

занимает критика концепта, в которой акцентируются эффекты дегуманизации и воспроизводства неравенства [30; 38; 48; 49]. Эти положения задают основу, к которой обращаются отечественные исследователи, заимствуя ключевые аналитические предпосылки и адаптируя их к локальному контексту.

В российской и зарубежной концептуализации КГ выявляются следующие сходства: двойственность «креативного класса» (восприятие как элиты или прекариата), критика неолиберальной экономики, смещение фокуса с глобальных и универсальных форм креативности на локальные коллективные действия. При этом обнаруживаются отличия: бóльшая связь «креативного» и «глобального» города в зарубежном контексте, акцент на экономическом развитии территорий при социальном уклоне в отечественной литературе и более широком фокусе на территориальном неравенстве в стране.

В российском контексте особое внимание уделяется критике территориального неравенства и выявлению роли локальных сообществ как главных источников устойчивости и развития. Эти метафоры фиксируют смещение фокуса отечественной дискуссии в сторону социальных и культурных ресурсов, где город предстает не только пространством, но и субъектом коллективных действий.

Исследование подтверждает, что КГ — динамичный и многогранный концепт, который требует гибкого подхода, учитывающего глобальные тренды и локальные особенности. В российском контексте ценность приобретают модели, ориентированные на внутренние ресурсы и социальную сплоченность, что открывает новые возможности для устойчивого развития городских пространств.

Проведенный анализ концептуализаций КГ важен для дальнейших эмпирических исследований креативности в городах. Он позволит проследить развитие данного концепта в российской среде, сопоставить существующие кейсы и выделить особенности экономических и социальных последствий становления нового типа производства в российских городах.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов Дмитрий Владимирович — аспирант, стажер-исследователь, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). **Телефон:** +7 (950) 826-18-31. **Электронная почта:** ivanov.d@hse.ru

Соловьева Наталья Сергеевна — аспирант, младший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). **Телефон:** +7 (981) 690-17-91. **Электронная почта:** nchernisheva@hse.ru

---

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 3. P. 24–38. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.3.2

Research Article

DMITRY V. IVANOV¹, NATALIA S. SOLOVYOVA¹

¹ HSE University (Saint Petersburg).

55, bl. 2, Sedova str., 192148, Saint Petersburg, Russian Federation.

THE CONCEPT OF A “CREATIVE CITY”: ADAPTATION AND DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN CONTEXT

Abstract. The article presents the results of a study that conceptualizes the “creative city” within Russian urban development discourse. It reveals a shift in the semantics of cultural industries, as well as more intense problematization of the social consequences that go with developing the creative economy. Using a combined content analysis approach (bibliometric mapping of keyword co-occurrence and thematic coding), the study examines the concept’s applicability within the Russian academic environment.

The analysis of 32 Russian publications (2010–2024, from the journals “Scopus” and “Higher Attestation Commission”) revealed three conceptual axes for applying the “creative city” concept (space, economy, people) and three hierarchical positions within theoretical models (embedded, equivalent, dominant). Their combination identified six metaphors of the “creative city” in Russian literature — ranging from a “showcase for the creative class” to a “collective agent of self-development” — whose evolution demonstrates a shift in the conceptualization of a city from a managed object to an active subject participating in the creative transformation of the environment.

The study identified common features in both Russian and English-language discourses: ambivalent perceptions of the “creative class”, neoliberal critique, and a focus on unique local projects rather than universal forms of creativity. However, while international models predominantly emphasize urban economic development and global integration, Russian approaches focus on internal territorial resources and the potential for collective action.

Keywords: creative city; creative class; social theory; systematic literary review; comparative research; conceptualization.

For citation: Ivanov, D.V., Solovyova, N.S. The Concept of a “Creative City”: Adaptation and Development in the Russian Context. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 24–38. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.3.2](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.2)

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation, project 24-18-00659 “Sustainability and Creative Potential of Youth in the North Caucasus Region in the Context of Educational and Labor Migration”.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry V. Ivanov — Postgraduate student, intern researcher at the Center for Youth Studies, HSE University (Saint Petersburg). **Phone:** +7 (950) 826-18-31. **Email:** ivanov.d@hse.ru

Natalia S. Solovyova — Postgraduate student, Junior Researcher at the Center for Youth Studies, HSE University (Saint Petersburg). **Phone:** +7 (981) 690-17-91. **Email:** nchernisheva@hse.ru

---

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Антонова В.Н., Кирсанова Ю.А. Особенности ребрендинга учреждений культуры: социальные факторы и креативные тенденции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 4 [электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rebrandinga-uchrezhdeniy-kultury-sotsialnye-factory-i-kreativnye-tendentsii> EDN: SYLZXN

Antonova V.N., Kirsanova Yu.A. Features of Rebranding Cultural Institutions: Social Factors and Creative Trends. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2014. No. 4. Дата обращения 29.06.2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rebrandinga-uchrezhdeniy-kultury-sotsialnye-factory-i-kreativnye-tendentsii> (In Russ.)

2. Ашутова Т.В., Желнина З.Ю. Стратегический проект «Креативный город — территория развития» как модель взаимодействия опорного университета и региона // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3. С. 116–126. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-3-116-126](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-3-116-126) EDN: ZAZDRB

Ashutova T.V., Zhelina Z.Y. Strategic Project “Creative City — Development Territory” as a Model of Interaction Between a Supporting University and the Region // *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2019. Vol. 28. No. 3. P. 116–126. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-3-116-126](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-3-116-126) (In Russ.)

3. Байкова О.В. Концепция креативного города: возможности применения в российских условиях // Региональные исследования. 2022. № 3 (77). С. 44–52. DOI: 10.22394/1997-3196-2022-3-44-52
Baykova O.V. The Concept of the Creative City: Possibilities of Application in Russian Context. *Regional'nye issledovaniya*. 2022. No. 3 (77). P. 44–52. DOI: 10.22394/1997-3196-2022-3-44-52 (In Russ.)
4. Беспалова А.А. Ключевые акторы конструирования рекреационного пространства крупного российского города: потенциал креативности // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 21. № 5. С. 189–198 [электронный ресурс]. Дата обращения 29.06.2025. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/hsr/article/view/4662> EDN: WMMXFF
Bespalova A.A. Key Actors in the Construction of Recreational Space in a Large Russian City: The Potential of Creativity. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2016. Vol. 21. No. 5. P. 189–198. Accessed 29.06.2025. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/hsr/article/view/4662> (In Russ.)
5. Волошинская А.А., Комаров В.М. Опыт реализации концепций креативного города в России // Экономический анализ: теория и практика. 2017. № 4 (463) [электронный ресурс]. Дата обращения 29.06.2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-realizatsii-kontseptsiy-kreativnogo-goroda-v-rossii>
Voloshinskaya A.A., Komarov V.M. Experience of Implementing Creative City Concepts in Russia. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. 2017. No. 4 (463). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-realizatsii-kontseptsiy-kreativnogo-goroda-v-rossii> (In Russ.)
6. Гущина Е.Г., Тарабанова Е.В. Креативные индустрии: новые возможности для развития российских городов и регионов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. 2022. Т. 24. № 1. С. 91–104. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.1.9 EDN: LEFVJV
Gushchina E.G., Tarabanova E.V. Creative Industries: New Opportunities for the Development of Russian Cities and Regions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika*. 2022. Vol. 24. No. 1. P. 91–104. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.1.9 (In Russ.)
7. Желнина А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 2. С. 45–59. EDN: UDUWCR
Zheltnina A. Creativity in the City: Reinterpretation of Public Space. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2015. Vol. 18. No. 2. P. 45–59. (In Russ.)
8. Зотова Л.Р. Креативный город: творческие индустрии и развитие городов // Креативная экономика. 2015. Т. 9. № 11. С. 1465–1490. DOI: 10.18334/ce.9.11.2085 EDN: VGSSXX
Zotova L.R. Creative City: Creative Industries and Urban Development. *Kreativnaya ekonomika*. 2015. Vol. 9. No. 11. P. 1465–1490. DOI: 10.18334/ce.9.11.2085 (In Russ.)
9. Ишкинеева Ф.Ф., Озерова К.А., Ишкинеева Г.Ф. Образ «умного города» Иннополис: концепты и повседневность // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 143–157. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.719 EDN: HKYRKZ
Iskineeva F. F., Ozerova K. A., Ishkineeva G. F. The Image of the “Smart City” Innopolis: Concepts and Everyday Life. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 143–157 DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.719 (In Russ.)
10. Кальк А.А. Семья, фабрика, инкубатор: опыт самоорганизации креативного пространства «Место» // Мониторинг общественного мнения: экономические

- и социальные перемены. 2014. № 1. С. 123 [электронный ресурс]. Дата обращения 29.06.2025. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1420> EDN: RYFKNF
- Kalk A.A. Family, Factory, Incubator: The Experience of Self-Organization of the Creative Space “Mesto”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2014. No. 1. P. 123. Accessed 29.06.2025. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1420> (In Russ.)
11. Кочухова Е.С., Мартыанов В.С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. 2019. Т. 19. № 2. С. 45–66. DOI: [10.17506/aip.2019.19.2.4566](https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.4566) EDN: VDBLZF
- Kochukhova E.S., Martyanov V.S. Creative City or the Right to the City: Alternatives of Urban Development in the Russian Context. *Antinomii*. 2019. Vol. 19. No. 2. P. 45–66. DOI: [10.17506/aip.2019.19.2.4566](https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.4566) (In Russ.)
12. Кузинер Е.Н., Петрунина Д.С. Креативные пространства как «третьи места» в регионах России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 333–355. DOI: [10.14515/monitoring.2022.6.2316](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2316) EDN: MFDKQY.
- Kuziner E.N., Petrunina D.S. Creative Spaces as “Third Places” in Russian Regions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2022. No. 6. P. 333–355. DOI: [10.14515/monitoring.2022.6.2316](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2316). (In Russ.)
13. Лавриненко А.С. Государственная поддержка творческих индустрий в Москве // Креативная экономика. 2015. № 8 [электронный ресурс]. Дата обращения 29.06.2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-tvorcheskih-industriy-v-moskve>
- Lavrinenko A.S. State Support for Creative Industries in Moscow. *Kreativnaya ekonomika*. 2015. No. 8. Accessed 29.06.2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-tvorcheskih-industriy-v-moskve> (In Russ.)
14. Мартыанов В. Креативный класс — креативный город: реальная перспектива или утопия для избранных? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 10. С. 41–51. DOI: [10.20542/0131-2227-2016-60-10-41-51](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-10-41-51) EDN: WXDWJF
- Martyanov V. Creative Class — Creative City: A Real Perspective or a Utopia for the Chosen Few? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. Vol. 60. No. 10. P. 41–51. DOI: [10.20542/0131-2227-2016-60-10-41-51](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-10-41-51) (In Russ.)
15. Мартыанов В.С. Креативный город: урбанистическая теория неолиберализма и ее альтернативы // Социодинамика. 2016. № 7. С. 38–48. DOI: [10.7256/2409-7144.2016.7.18678](https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.7.18678) EDN: WKCMKN
- Martyanov V.S. Creative City: The Urban Theory of Neoliberalism and Its Alternatives. *Sotsiodinamika*. 2016. No. 7. P. 38–48. DOI: [10.7256/2409-7144.2016.7.18678](https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.7.18678). (In Russ.)
16. Мельниченко В.С. Креативный класс: история концепта и его роль в анализе развития регионов // Арктика и Север. 2012. № 6 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.06.2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-klass-istoriya-kontsepta-i-ego-rol-v-analize-razvitiya-regionov> EDN: NIJFVC
- Melnichenko V.S. Creative Class: History of the Concept and Its Role in the Analysis of Regional Development. *Arktika i Sever*. 2012. No. 6. Accessed 30.06.2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-klass-istoriya-kontsepta-i-ego-rol-v-analize-razvitiya-regionov> (In Russ.)
17. Панина Е.А., Леонтьева А.В., Франченко Е.С. Креативные стратегии развития современных городов: особенности, сущность понятия и подходы к их пониманию // Регионоведение. 2023. Т. 31. № 4. С. 770–787. DOI: [10.15507/2413-1407.125.031.202304.770-787](https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.770-787) EDN: HJQKTC

- Panina E.A., Leontyeva A.V., Franchenko E.S. Creative Strategies for the Development of Modern Cities: Features, Conceptual Essence and Approaches to Understanding. *Regionologiya*. 2023. Vol. 31. No. 4. P. 770–787. DOI: DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.770-787 (In Russ.)
18. Пономарева А.М., Игнатова Т.В. Разработка матрицы инновационно-креативного развития города на основе индексного метода // Вопросы регулирования экономики. 2018. Т. 9. № 3. С. 37–47. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.3.037-047 EDN: YCJSBV
Ponomareva A.M., Ignatova T.V. Design of the Innovative and Creative Development Matrix of City on the asis of Index Method. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki*. 2018. Vol. 9. No. 3. P. 37–47. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.3.037-047 (In Russ.)
19. Рассолова Е.Н., Галкин К.А. «Больше творческой энергии»: смыслы и функции креативного пространства в моногороде (кейс Набережных Челнов) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 2. С. 55–65. DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.3 EDN: LTCNBF
Rassolova E.N., Galkin K.A. “More Creative Energy”: Meanings and Functions of Creative Space in a Single-Industry Town (the Case of Naberezhnye Chelny). *Interaktsiya. Interv'yuy. Interpretatsiya*. 2022. Vol. 14. No. 2. P. 55–65. DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.3 (In Russ.)
20. Савченко И.А. Ретровизуальный метод концептуализации новизны в дискурсе города // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2024. Вып. 3 (41). С. 138–164. DOI: 10.23951/2312-7899-2024-3-138-164 EDN: IYSPKU
Savchenko I.A. The Retrovisual Method of Conceptualizing Novelty in the Urban Discourse. *PRAΞEMA. Problemy vizual'noi semiotiki*. 2024. Iss. 3 (41). P. 138–164. DOI: 10.23951/2312-7899-2024-3-138-164 (In Russ.)
21. Сапонов Д.С. Творческое действие в креативном городе // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 169–177 [электронный ресурс]. Дата обращения 29.06.2025. URL: <https://sociologica.hse.ru/2012-11-3/71219792.html> EDN: PXXBVB
Saponov D.S. Creative Action in the Creative City. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2012. Vol. 11. No. 3. P. 169–177. Accessed 29.06.2025. URL: <https://sociologica.hse.ru/2012-11-3/71219792.html> (In Russ.)
22. Стародубровская И., Лободанова Д. Креативный класс и креативный город: российское преломление // Экономическая политика. 2013. № 5. С. 127–149. EDN: RCYQEL
Starodubrovskaya I., Lobodanova D. Creative Class and Creative City: Russian Reframing. *Ekonomicheskaya politika*. 2013. No. 5. P. 127–149. (In Russ.)
23. Устинова К.А. Анализ «стимуляционного поля» творческой активности населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 268–287 DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.14 EDN: XSWATZ
Ustinova K.A. Analysis of the “Stimulation Field” of the Population’s Creative Activity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. No. 3. P. 268–287. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.14 (In Russ.)
24. Флорида Р. Креативный класс / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 384 с. Florida R. *Creative class*. Transl. from Eng. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber publ., 2017. 384 p. (In Russ.)
25. Фролов Д.П., Соловьева И.А. Современные модели городского развития: от противопоставления — к комбинированию // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 151–171. DOI: 10.14530/se.2016.3.151-171 EDN: WMRCQZ
Frolov D.P., Solovyeva I.A. Contemporary Models of Urban Development: From Opposition to Combination. *Prostranstvennaya ekonomika*. 2016. No. 3. P. 151–171. DOI: 10.14530/se.2016.3.151-171 (In Russ.)

26. Шербинин А.И. От «живых лабораторий» к «живому городу»: социальное пространство и миссия университета в эпоху умных городов // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2020. Вып. 1 (23). С. 208–220. DOI: [10.23951/2312-7899-2020-1-208-220](https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-1-208-220) EDN: BZHEOI
Shcherbinin A.I. From “Living Labs” to “Living City”: Social Space and the Mission of the University in the Era of Smart Cities. *PRAΞEMA. Problemy vizual'noi semiotiki*. 2020. Iss. 1 (23). P. 208–220. DOI: [10.23951/2312-7899-2020-1-208-220](https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-1-208-220) (In Russ.)
27. Çetindamar D., Günsel A. Measuring the Creativity of a City. A Proposal and an Application. *European Planning Studies*. 2012. Vol. 20. No. 8. P. 1301–1318. DOI: [10.1080/09654313.2012.680583](https://doi.org/10.1080/09654313.2012.680583)
28. Cohendet P., Grandadam D., Simon L. The anatomy of the creative city. *Industry and Innovation*. 2010. Vol. 7. No. 1. P. 91–111. DOI: [10.1080/13662710903573869](https://doi.org/10.1080/13662710903573869)
29. Currid E. New York as a global creative hub: a competitive analysis of four theories on world cities. *Economic Development Quarterly*. 2006. Vol. 20. No. 4. P. 330–350. DOI: [10.1177/0891242406292708](https://doi.org/10.1177/0891242406292708)
30. D'Ovidio M., Cossu A. Culture is reclaiming the creative city: The case of Macao in Milan, Italy. *City, Culture and Society*. 2017. Vol. 8. P. 7–12. DOI: [10.1016/j.ccs.2016.04.001](https://doi.org/10.1016/j.ccs.2016.04.001)
31. Evans G. Creative cities, creative spaces and urban policy. *Urban Studies*. 2009. Vol. 46. No. 5–6. P. 1003–1040. DOI: [10.1177/0042098009103853](https://doi.org/10.1177/0042098009103853)
32. Foord J. The new boomtown? Creative city to Tech City in east London. *Cities*. 2013. Vol. 33. P. 51–60. DOI: [10.1016/j.cities.2012.08.009](https://doi.org/10.1016/j.cities.2012.08.009)
33. Jakob D. Constructing the creative neighborhood: Hopes and limitations of creative city policies in Berlin. *City Culture and Society*. 2010. Vol. 1. No. 4. P. 193–198. DOI: [10.1016/j.ccs.2011.01.005](https://doi.org/10.1016/j.ccs.2011.01.005)
34. Kong L. Cultural icons and urban development in Asia: Economic imperative, national identity, and global city status. *Political Geography*. 2007. Vol. 26. No. 4. P. 383–404. DOI: [10.1016/j.polgeo.2006.11.007](https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2006.11.007)
35. Luckman S., Gibson C., Lea T. Mosquitoes in the mix: How transferable is creative city thinking? *Singapore Journal of Tropical Geography*. 2009. Vol. 30. No. 1. P. 70–85. DOI: [10.1111/j.1467-9493.2008.00348.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9493.2008.00348.x)
36. Nathan M. After Florida: Towards an economics of diversity. *European Urban and Regional Studies*. 2015. Vol. 22. No. 1. P. 3–19. DOI: [10.1177/096977641246337](https://doi.org/10.1177/096977641246337)
37. Novy J., Colomb C. Struggling for the right to the (Creative) city in Berlin and Hamburg: new urban social movements, new ‘Spaces of hope’? *International Journal of Urban and Regional Research*. 2012. Vol. 37. No. 5. P. 1816–1838. DOI: [10.1111/j.1468-2427.2012.01115.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2012.01115.x)
38. Peck J. Struggling with the Creative Class. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2005. Vol. 29. No. 4. P. 740–770. DOI: [10.1111/j.1468-2427.2005.00620.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2005.00620.x)
39. Pratt A.C. Creative cities: Tensions within and between social, cultural and economic development. *City Culture and Society*. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 13–20. DOI: [10.1016/j.ccs.2010.04.001](https://doi.org/10.1016/j.ccs.2010.04.001)
40. Pratt A.C. The cultural contradictions of the creative city. *City Culture and Society*. 2011. Vol. 2. No. 3. P. 123–130. DOI: [10.1016/j.ccs.2011.08.002](https://doi.org/10.1016/j.ccs.2011.08.002)
41. Rodrigues M., Franco M. Networks and performance of creative cities. A bibliometric analysis. *City, Culture and Society*. 2020. Vol. 20. P. 1–11. DOI: [10.1016/j.ccs.2019.100326](https://doi.org/10.1016/j.ccs.2019.100326)
42. Scott A.J. Creative Cities: conceptual issues and policy questions. *Journal of Urban Affairs*. 2006. Vol. 28. No. 1. P. 1–17. DOI: [10.1111/j.0735-2166.2006.00256.x](https://doi.org/10.1111/j.0735-2166.2006.00256.x)

43. Scott A.J. Beyond the Creative City: Cognitive-Cultural capitalism and the new urbanism. *Regional Studies*. 2014. Vol. 48. No. 4. P. 565–578. DOI: [10.1080/00343404.2014.891010](https://doi.org/10.1080/00343404.2014.891010)
44. Stevenson D. “CIVIC GOLD” RUSH: Cultural planning and the politics of the Third Way. *International Journal of Cultural Policy*. 2004. Vol. 10. No. 1. P. 119–131. DOI: [10.1080/1028663042000212364](https://doi.org/10.1080/1028663042000212364)
45. Syrett S., Sepulveda L. Urban governance and economic development in the diverse city. *European Urban and Regional Studies*. 2012. Vol. 19. No. 3. P. 238–253. DOI: [10.1177/0969776411430287](https://doi.org/10.1177/0969776411430287)
46. Vanolo A. The image of the creative city: Some reflections on urban branding in Turin. *Cities*. 2008. Vol. 25. No. 6. P. 70–382. DOI: [10.1016/j.cities.2008.08.001](https://doi.org/10.1016/j.cities.2008.08.001)
47. Vanolo A. The image of the creative city, eight years later: Turin, urban branding and the economic crisis taboo. *Cities*. 2015. Vol. 46. P. 1–7. DOI: [10.1016/j.cities.2015.04.004](https://doi.org/10.1016/j.cities.2015.04.004)
48. Vivant E. Creatives in the city: Urban contradictions of the creative city. *City Culture and Society*. 2013. Vol. 4. No. 2. P. 57–63. DOI: [10.1016/j.ccs.2013.02.003](https://doi.org/10.1016/j.ccs.2013.02.003)
49. Wohl H. Innovation and creativity in creative industries. *Sociology Compass*. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 1–11. DOI: [10.1111/soc4.12956](https://doi.org/10.1111/soc4.12956)

Статья поступила в редакцию: 11.07.2025; поступила после рецензирования и доработки: 09.09.2025; принята к публикации: 12.09.2025.

Received: 11.07.2025; revised after review: 09.09.2025; accepted for publication: 12.09.2025.

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.3

EDN: FBJUUP

А.В. АНДРЕЕНКОВА¹, Н.С. ВОРОНИНА^{1,2}

¹ Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ).

107031, Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 20.

² Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ЖИЗНЕННОМ ПУТИ РОССИЯН¹

Аннотация. Географическая мобильность имеет важные социальные последствия, но также влияет на индивидуальные жизненные траектории, может служить каналом социальной мобильности. Вместе с тем ее осуществление может быть сопряжено с различными рисками. Насколько оправдываются надежды и ожидания людей? Каковы долгосрочные последствия географической мобильности? Для ответа на эти фундаментальные вопросы используются данные нового масштабного исследования «Геомобильность поколений», проведенного ЦЕССИ в рамках проекта «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е» осенью 2023 г. — весной 2024 г. по национальной случайной вероятностной выборке старших поколений россиян 1973 г. рождения и старше. Основным методом анализа является статистическая оценка различий между группами мобильных и немобильных респондентов. Параметры для сравнения представлены в виде концептуальной схемы, включающей условия мобильности, факторы мобильности и последствия в разных сферах. Результаты показали, что географическая мобильность как жизненная стратегия не может быть оценена как бесспорно выигрышная или бесспорно проигрышная. Среди долгосрочных последствий географической мобильности — влияние на самооценку здоровья, широту социальных связей и образовательную межгенерационную мобильность. Исследование не выявило связи между географической мобильностью, субъективным благополучием и удовлетворенностью своим жизненным путем на его завершающем этапе. Также неочевидно влияние географической мобильности на материальное положение в долгосрочной перспективе. Географическая мобильность определенно способствует восходящей межгенерационной образовательной мобильности, но не оказывает значимого влияния на межгенерационную профессиональную мобильность и субъективную оценку расположения на социальной лестнице.

Ключевые слова: географическая мобильность; социальные последствия; жизненный путь; мотивация; социальная мобильность; межгенерационная мобильность.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е» («Путь-90»). Грант РФФ 23-18-00635.

Для цитирования: Андреенкова А.В., Воронина Н.С. Социальные последствия географической мобильности в жизненном пути россиян // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 39–62. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.3.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.3) EDN: FBJUUP

Введение

Одним из важных событийных элементов жизненного пути человека является географическая мобильность. Причины, мотивы и цели этой мобильности разнообразны. Перемена места редко кому дается легко, барьеров для переезда у людей немало, и многие на него не решаются, нереализованный потенциал мобильности довольно высок. Какое влияние оказывает географическая мобильность на разные аспекты жизни людей? Насколько эффективна эта стратегия для реализации жизненных целей в разное историческое время? Эти вопросы пока мало изучены, на них хотя бы частично постараемся ответить в данном исследовании.

Понятие «географическая мобильность» было введено в социологический словарь более 100 лет назад в рамках изучения социальной мобильности. В частности, П. Сорокин рассматривал географическую мобильность как один из видов горизонтальной социальной мобильности, напрямую не связанный с изменением социального статуса, но также как способ осуществления социальной мобильности [34, р. 367]. В отечественных исследованиях Л.Л. Рыбаковский, Д.П. Маевский, Н.И. Кожевникова подробно описали эволюцию изучения данных понятий различными авторами [7]. Так, еще в 1978 г. Т.И. Заславская определила миграцию как фактическое перемещение, а мобильность — как психологическую готовность к перемещению [6], такого же мнения придерживаются и многие другие исследователи, например С.В. Рязанцев [8, с. 18].

После публикаций Дж. Урри мобильность стала рассматриваться как «реальные и потенциальные перемещения в их связи с социальными отношениями в пространстве и времени» [11, с. 21]. С точки зрения Урри, географическая мобильность «относится к переезду... в поисках “лучшей жизни” или ради спасения от засухи, преследования, войны, голода и т. п.». При анализе социетальных (экономических, демографических, социальных) последствий географических перемещений ключевым является понятие «миграция». Например, измеряют миграционный прирост на фоне COVID-19, а также в контексте демографического кризиса (Ю.Ф. Флоринская, Н.В. Мкртчян [12]).

Исследования географической мобильности, которые стали все более популярными в социологической науке в последние два десятилетия, в основном отвечают на вопрос о мобильности на индивидуальном уровне, рассматривая мотивы переездов, их агентность, адаптацию после переезда. Вопрос о долговременных последствиях географической мобильности на жизненном пути является одним из наиболее актуальных и пока малоизученных [2]. В исследованиях географической мобильности перемещающийся индивид рассматривается как элемент социальной структуры, его перемещения связываются с наличием определенных ресурсов (например, высокого дохода). Таким образом, географическая мобильность и ее последствия для жизненного пути изучаются в связи с социальным неравенством [11, с. 343].

Терминологическое разнообразие в определении процесса перемещения людей в пространстве отражает как сложность и многоаспектность этого процесса, так и междисциплинарность в его изучении.

Если о социально-экономических последствиях внутристрановой мобильности известно довольно много, то о последствиях такой мобильности для построения жизненного пути и общего благополучия людей — гораздо меньше. Под *социальными последствиями* географической мобильности будем понимать «ожидаемые, планируемые или незапланированные, стихийно возникающие результаты преобразований в обществе, сказывающиеся на социальных отношениях групп, общностей, индивидов» [10]. Эмпирических исследований влияния географической мобильности на жизненные пути людей пока немного, поскольку речь идет об одновременном влиянии большого количества факторов. Принимая во внимание эти ограничения, П. Блау и Д. Данкин отмечают, что единственно возможным методом анализа выявления последствий географической мобильности «является сравнение различий между мигрантами и немигрантами» [17, р. 274].

В исследованиях социальных последствий мобильности на индивидуальном уровне основное внимание уделялось краткосрочным последствиям — географической мобильности непосредственно после переезда или в ближайшее к нему время. В исследовании, осуществленном в рамках проекта «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е» («Путь-90»), мы обращаемся к долгосрочным последствиям, опираясь на концепцию жизненного пути. Методической особенностью такого подхода является изучение долговременных последствий географической мобильности — рассмотрение всего жизненного пути человека или хотя бы его значительной части [2].

Последствия географической мобильности: результаты анализа отечественных и зарубежных исследований

В научной литературе был выдвинут ряд гипотез о том, какие последствия имеет географическая мобильность на индивидуальном уровне. Однако лишь немногие из них были проверены эмпирически, а то, что было сделано в этом плане, касалось отдельных стран и определенного социально-исторического контекста. Исследования причин и последствий географической мобильности для жизненного пути человека начали проводить в США в 1950-х гг. [32]. Основные вопросы касались мотивов и последствий мобильности для получения образования, трудоустройства и построения карьеры, а также для социального продвижения [33] и увеличения жизненных шансов [27]. Второе направление исследований — мобильность как способ улучшения качества жизни, расширения доступа к качественной инфраструктуре. Третье направление связано с изучением влияния географической мобильности на семью — ее создание, стабильность и качество брачных отношений, репродуктивные планы, распределение гендерных ролей в семье.

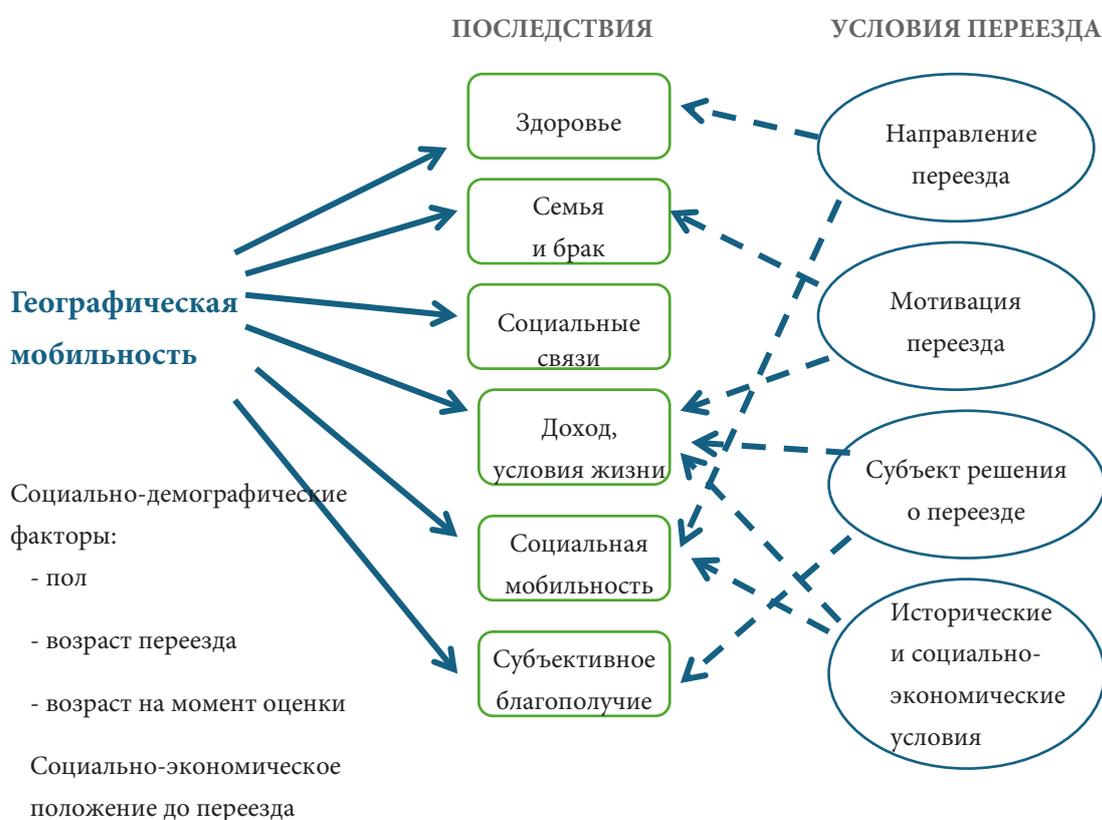
В рамках демографии и экономики изучались причины принятия решений о переездах [16]. Мобильность рассматривалась как инвестиция в более выгодные условия для дальнейшей жизни, но сопровождающаяся высокими рисками. Наряду с положительными отмечались и выраженные в разных группах отрицательные последствия, в том числе семейные кризисы, разводы, разрушение социальных связей, ощущение одиночества, ухудшение материального положения, здоровья, качества жизни и удовлетворенности ею.

Исследователи жизненного пути связывали причины и последствия перемещений с изменениями в семейном и социально-экономическом положении людей. На ранних этапах изучались широкие категории переездов, в том числе жилищные,

а также межгородские, межрегиональные и международные. Однако мотивация и последствия переездов разного типа неодинаковы, поэтому требуют отдельного рассмотрения. Методологические основы изучения географической мобильности на протяжении жизненного пути были заложены в работе В.В. Семеновой, М.Ф. Черныша и их коллег, где были проанализированы «миграционные биографии» россиян, раскрыты факторы, способствующие и препятствующие географической мобильности [9].

В современной научной литературе основными сферами, на которые может повлиять географическая мобильность, называются социальная мобильность, социальное благополучие (удовлетворенность жизнью), семья, здоровье, доход и социальное окружение. Последствия могут совпадать, а могут и не совпадать с целями и мотивами географической мобильности. При этом различия в возникающих последствиях могут зависеть от социально-исторических условий, социальных групп и мотивов переезда.

Мы предлагаем рассматривать последствия географической мобильности в связи с социально-демографическими характеристиками людей и условий переезда, включая направление (горизонтальное и вертикальное), мотивы переезда и субъекта принятия соответствующего решения (индивидуальный выбор, «связанная жизнь» или вынужденный переезд²) (рис. 1). Возможные последствия географической мобильности отнесены к шести сферам: здоровье, семья и брак, социальные связи, доход, экономическое положение (доход и условия жизни), социальная мобильность и общее субъективное благополучие.

Рис. 1. Географическая мобильность и ее последствия для жизненного пути

² По субъекту принятия решения были выделены переезды по личному решению, связанные с другими людьми и вынужденные (под влиянием внешних обстоятельств).

Здоровье

Наиболее изученным является влияние географической мобильности на здоровье непосредственно после переезда и в период адаптации из-за высокого уровня стресса, изменения привычного образа жизни, оторванности от семьи [28; 29], а также самого состояния здоровья как условия переезда, особенно в старшем возрасте [14]. Такая связь может быть более глубокой. На нее могут влиять направление переезда (из менее благоприятной в более благоприятную среду или наоборот) и жизненный этап, на котором происходит переезд. Основным мотивом переезда может быть забота о здоровье — поддержание здоровья, лечение, улучшение качества жизни посредством изменения климатических условий и экологической обстановки. Такие переезды осуществляются в более благоприятные для здоровья места, регионы с более мягким, морским климатом либо, наоборот, горным или сухим, а также в сельскую местность или более спокойные и экологически чистые районы, чем мегаполисы. Вероятность положительного влияния таких переездов на состояние здоровья довольно велика.

Семейно-брачные отношения

Поддерживание семейных отношений, создание семьи или воссоединение поколений выделяются среди главных мотивационных аспектов географической мобильности. При этом последствия проявляются в профессиональных траекториях и материальной сфере. Например, ряд исследований показали, что при переезде после вступления в брак вероятность устроиться на работу у женщин снижается, как и их личный доход, так как переезд осуществляется в основном для реализации профессиональных интересов мужчин [19]. В случае одиноких переездов вероятность успешного трудоустройства для женщин выше [18]. Влияние переезда на семейные отношения изучено гораздо меньше, и результаты исследований довольно противоречивы. В некоторых странах географическая мобильность способствовала увеличению числа заключенных браков и формирований семей за счет улучшения материального положения после переезда (пример Португалии 1960–1970-х гг. приведен в работе [36]). Иногда географическая мобильность приводит к проблемам в семейной жизни, к разрушению семей или к отказу от заключения брака [15]. В последние годы исследователи говорят о том, что в целом геомобильность способствует увеличению разнообразия форм семейной жизни (гостевой брак, одинокое родительство и др.), что не касается традиционного брака, роста индивидуальной автономии, эгалитарности гендерных ролей, изменения времени демографических событий (более позднее время заключения брака и первого родительства). Однако главные доказательства приводятся на основе исследований о международной мобильности (о переездах в другие страны).

Социальные связи и окружение

Среди последствий географического переезда для социальных связей негативные встречаются чаще позитивных — это нарушение социальных связей, разлука с семьей или друзьями, изменение привычного круга знакомств, ощущение одиночества [22]. Сравнительное исследование геомобильности 1994–2001 гг. в 15 европейских странах показало, что наличие большого количества близких

друзей и крепкие социальные связи являются барьерами для географической мобильности [23]. Однако основные доказательства и аргументы относятся лишь к краткосрочным последствиям переезда. В долгосрочной перспективе возможно восстановление или даже увеличение числа таких связей благодаря более высокой ценности, потребности в них, выходу мобильных групп за пределы своего сообщества и более широким возможностям для социальных контактов.

Экономическое положение, доход и условия жизни

Влияние географической мобильности на экономическое положение людей оценивается неоднозначно. Сам переезд является довольно дорогостоящей инвестицией, и оценить, окупается ли он, непросто. Анализ панельных данных 1999–2005 гг. в США не показал значимых различий между группами переехавших и не переезжавших, но выявил социальную дифференцированность влияния географической мобильности на доход и увеличение неравенства: «мобильность связана с уменьшением шансов на достижение высокого дохода среди бедных семей и ухудшением доходов среди богатых семей» [26]. Похожие результаты были получены на панельных данных в Италии при изучении последствий географической мобильности с юга на север страны [31]. В долгосрочной перспективе причинно-следственные связи между доходом и географической мобильностью на индивидуальном уровне установить сложно из-за одновременного влияния большого количества разнообразных факторов. Можно предположить, что эта связь зависит не только от факторов переезда (низкодоходные или высокодоходные переезжают), но и от мотива, а также от исторических и социально-экономических условий переезда (например, различия в состоянии рынка труда и размере заработка в разных регионах). Переезд может влиять не только на материальное положение, но и на условия жизни — жилищные, инфраструктурные, а также на культурное окружение. При этом экономическая составляющая и условия жизни могут быть разнонаправленными. Например, при переезде в северные регионы заработок может существенно увеличиться, а условия жизни — ухудшиться, при переезде в сельскую местность или пригород заработок может уменьшиться, а условия жизни — улучшиться.

Социальная мобильность

Географическую мобильность часто называют важным каналом социальной мобильности. Восходящая социальная мобильность связывается с процессом переезда из сельской местности и малых городов в большие, что характерно для всего XX в. как в России, так и во многих других странах. В ходе таких перемещений повышаются шансы получить образование либо сам переезд диктуется желанием получить образование, доступ к культурной жизни и более широкому рынку труда. В рамках профессиональной жизни географическая мобильность может способствовать продвижению по карьерной лестнице или предоставлять новые возможности для увеличения заработка. Вместе с тем возможен и более сложный процесс нисходящей статусной мобильности при неудачном переезде либо при переезде с целью заработка (трудовая миграция) без учета профессии (берутся за любую работу). В исторических условиях радикальных социальных изменений, как

в России в 1990-х гг., географическая мобильность может способствовать поддержанию социального статуса и экономического положения, служить адаптационной стратегией, препятствовать нисходящей социальной мобильности. Ряд исследований в западных странах показали, что улучшение социального положения является мотивом для многих переездов [21]. Однако реализуемость таких мотивов и желаний в разных социетальных и исторических условиях, а также с учетом индивидуальных факторов не всегда предсказуема. В ряде стран географический переезд способствовал профессиональному продвижению на индивидуальном уровне (пример Нидерландов в работе [30]). Но возможности успешного трудоустройства и продвижения по социальной лестнице в новой среде могут оказаться более ограниченными, чем ожидается. Групповой характер переезда (перемещается вся семья) нередко приводит к диспропорциям ожиданий и реализации или к систематическому увеличению неравенства. В частности, большое количество семейных переездов происходит по причинам или с учетом профессиональных целей и интересов мужчины, при этом положение других членов семьи, особенно женщин, может ухудшиться (женщина может не найти работу на новом месте и стать домохозяйкой) [20]. Важную роль в определении последствий географической мобильности для социальной мобильности могут играть направления переезда и мотивы. В России З. Голенкова и П. Сушко на основе данных опроса «Человек, семья, общество» 2013 г. показали, что при образовательном переезде рост уровня образования детей у мигрантов выше, чем у немигрантов [5]. Социальное продвижение может проявляться как на индивидуальном, так и на межгенерационном уровне: как образовательная межгенерационная мобильность (разница между достигнутым во взрослом возрасте уровнем образования респондента и уровнем образования родителей) и как профессиональная межгенерационная мобильность (разница между профессиональным положением респондента и положением его родителей в профессиональной иерархии).

Субъективное благополучие

Конечной целью большинства географических переездов является достижение большего жизненного благополучия — качества и условий жизни, благосостояния, общего жизненного климата. Предположительно географическая мобильность должна приводить к большей удовлетворенности жизнью в целом. Такая связь на близких после переезда отрезках времени была обнаружена в США еще в 1980-х гг. [35], но только для отдельных типов переездов [25; 20]. Например, при климатическом переезде (к морю или в другой район, более благоприятный по климату, чем предыдущий) в краткосрочной перспективе удовлетворенность жизнью повышается [19], но для других типов переездов такой связи обнаружено не было. Изменение удовлетворенности жизнью после переезда также может быть неодинаково среди разных социально-демографических групп. Исследование географической мобильности в Таиланде показало, что переезд привел к значительному уменьшению удовлетворенности жизнью в группах с низким уровнем образования, но не в группе с высоким уровнем [24]. Причины слабой или необнаруженной связи между этими показателями могут быть как содержательными, так и методическими. Так, можно предположить, что изменения должны иметь не аб-

солютный, а относительный характер: переезжать могут те, кто меньше удовлетворен жизнью на предыдущем месте. Результирующие значения удовлетворенности между мобильными и немобильными группами могут оказаться одинаковыми, но индивидуальные изменения — большими. Например, А. Спир показал, что удовлетворенность жизнью после переезда увеличивалась в случае неудовлетворенности жильем до переезда [35]. Предположительно на такую связь влияют добровольный или вынужденный характер переезда и уровень рациональности решения о переезде [4]. Невыясненным пока остается вопрос, насколько долговременно влияние переезда на оценку субъективного благополучия. Можно предположить, что такое влияние, позитивное или негативное, имеет краткосрочный характер, как любое существенное жизненное изменение, но затем возвращается к среднему для каждого человека уровню. Однако, возможно, со временем исчезают связанные с переездом проблемы, жизнь «налаживается», а люди, имея склонность оправдывать свои решения, считают, что переезд улучшил их положение.

Межгрупповые различия в последствиях географической мобильности и условия переезда

Последствия географической мобильности, как и ее причины, неодинаковы для разных социально-демографических групп. Ряд исследований говорят о том, что географический переезд более благоприятен для мужчин, чем для женщин, менее выигрышен для людей из низших социальных страт [31]. Субъективные представления человека об успешности или неуспешности переезда в значительной мере зависят от возраста (осуществление самого переезда, его проживание и постмиграционная рефлексия), а также от психологического типа личности респондента и восприятия им факта миграции, длины ретроспективного воспоминания [3].

Географическая мобильность ведет к разным последствиям в зависимости от траектории переезда — стартовой точки и места переезда в конкретных исторических условиях. Например, при переезде из сельских населенных пунктов и малых городов в крупные города вероятность осуществления восходящей мобильности была очень велика в первой половине XX в., затем несколько сократилась, но осталась значимой в дальнейшем. Переезды из центральной части России в сибирские и дальневосточные регионы в 1950–1980-х гг. довольно часто были связаны с улучшением материального положения [1].

Методология исследования

Последствия географической мобильности в России проанализированы на данных опроса ЦЕССИ «Геомобильность поколений», проведенного осенью 2023 г. — весной 2024 г. Опрос построен на случайной вероятностной выборке населения Российской Федерации 1973 г. рождения и старше, прошедшего основные этапы жизненного пути, методом личных интервью по месту жительства. Структура выборки отражает генеральную совокупность по всем базовым социально-демо-

графическим и географическим параметрам. Исключения из выборки — институционализированное население (больницы, дома престарелых, тюрьмы, военные поселения). Выборка включала только наличное на момент опроса население. Таким образом, в него не входили люди, конечной точкой мобильности которых на данный момент стала другая страна (что может привести к недооценке общего уровня мобильности), но входили те, кто приехал в Россию из других стран (что означает переоценку общего уровня мобильности для этой возрастной когорты в стране).

Размер выборки составил 2000 интервью в основной выборке и 326 в довыборке мобильных респондентов (довыборка была проведена для увеличения размера группы мобильных в выборке и достижения сопоставимого размера с группой немобильных). В результате в базе данных до применения веса включены 1300 немобильных и 1026 мобильных респондентов (Приложение 1). Интервью включало 30 вопросов о географической мобильности по каждому переезду: возраст респондента на момент переезда, направление (откуда и куда), мотив переезда, субъект принятия решения, оценка последствий переезда. Для оценки *потенциальных перемещений* использовался вопрос: возникали ли у респондента желание/план переехать жить в другой населенный пункт? В данной статье мы анализируем лишь реальные перемещения.

Респондентам задавались вопросы о первом и последнем переездах в другой населенный пункт: исходная точка, направление, мотив (цели) переезда, субъект принятия решения и субъективная оценка непосредственных и долгосрочных последствий переезда. В данной статье мы ограничились рассмотрением только первого переезда. В целях анализа все случаи переездов были сгруппированы в три мотивационных типа: *образовательный и профессиональный* (цели: получение образования, поиск работы, смена работы, новая должность), *семейный* (создание семьи, связанные с необходимым переездом члена семьи, воссоединение многопоколенной семьи) и *другие типы переездов* (включая климатический, вынужденный, переезд для улучшения качества жизни и др.)³. По направлению переезда были образованы три группы: 1) восходящее — перемещение происходит из населенного пункта меньшего размера в больший; 2) нисходящее — перемещение из более крупного по размеру населения пункта в меньший; 3) горизонтальное — начальная и конечная точки относятся к одному и тому же интервалу численности населения.

Результаты

Субъективная оценка последствий географической мобильности

Влияние географической мобильности на жизненный путь измеряется с помощью субъективной оценки самих респондентов и независимого моделирования последствий. В первом случае респонденты выступают в качестве экспертов в отношении собственной жизни, и, хотя их оценки могут быть смещенными или необъективными, никто лучше них самих не сможет оценить кумулятивный эффект от переезда на все аспекты жизни в целом. Для оценки субъективного влияния географической мобильности респондентам предлагалось ответить на два вопроса:

³ Подробнее о выделении данных типов см. работу [2].

о кратковременном влиянии («Насколько трудно или легко Вам было привыкнуть к жизни на новом месте и наладить отношения с людьми вокруг?») и долговременном («Как этот переезд отразился на Вашей жизни?», шкала от 1 до 6).

Общее направление оценок географической мобильности — позитивное (табл. 1). Почти три четверти респондентов считают, что переезд прошел для них «довольно легко» (47%) или «очень легко и быстро» (26%). Трудности после переезда испытали 20% опрошенных. Большинство мобильных респондентов оценили долгосрочные последствия переезда как очень позитивные (46%) или довольно позитивные (25%) для их жизни. Негативно переезд отразился на жизни 7%, еще для 10% он не оказал влияния на жизнь в целом, 2% видят как позитивные, так и негативные последствия, а 8% не смогли дать оценку.

Что касается краткосрочных последствий, трудности испытал примерно каждый пятый переехавший во всех мотивационных группах. Но если респонденты, пережившие образовательный/профессиональный или семейный переезд, преимущественно оценивали его как легкий и непроблемный, то для переехавших по другим причинам (включая вынужденный, климатический переезд и др.) позитивных оценок меньше, а больше неопределенных или смешанных.

Таблица 1

Субъективная оценка последствий географической мобильности — первый переезд,
% по столбцам

Влияние географической мобильности	Все мобильные	Мотивационный тип геомобильности		
		Образовательный/ профессиональный	Семейный	Другие типы
Краткосрочное влияние — трудности после переезда				
Очень трудно	5	6	5	6
Довольно трудно	16	15	17	22
Довольно легко	47	51	51	42
Очень легко и быстро	26	28	26	28
Нет информации	6	0	1	2
Долгосрочный результат				
Важное позитивное значение	46	55	44	51
Некоторое позитивное	25	26	29	21
Некоторое негативное	5	5	6	4
Большое негативное	3	2	2	8
Практически никакого значения	11	8	13	10
Сложные последствия — часть позитивные, а часть негативные	2	3	2	6
Отказ от ответа	8	1	4	-

В отношении долгосрочных последствий наиболее позитивно оценивается образовательный/профессиональный тип переезда (более 80% позитивных оценок). Переезды по другим мотивам также оцениваются скорее позитивно, чем негативно (более 70%).

Таким образом, по субъективным оценкам, географический переезд — довольно позитивное и перспективное жизненное событие, которое оказывает в основном положительное влияние как краткосрочного, так и долгосрочного характера. Риски значительно меньше, чем выгода от переезда. Однако нельзя исключать, что такие положительные оценки являются результатом не только реальных позитивных последствий, но и склонности оправдывать свои решения и невозможности провести сравнение с альтернативным сценарием (остаться на месте). Нельзя не принимать во внимание возможное влияние жизненного цикла: в среднем первый переезд приходится на 25 лет, а нашу выборку составляют россияне 50 лет и старше, которые, вероятно, могут оценивать события прошлого в связи с воспоминаниями о молодости.

Оценка последствий переезда путем сравнения мобильных и немобильных групп

Для более детального изучения последствий географической мобильности проведено сравнение мобильных и немобильных групп по результирующим параметрам с применением дискриминантного анализа. Все параметры фиксировались на момент опроса, а не на момент переезда. В большинстве случаев временная дистанция между переездом (более 60% всех переездов были в молодости респондентов) и моментом оценки составила несколько десятилетий. Параметры сравнения отбирались в соответствии с теоретической схемой (рис. 1): социально-демографический состав двух групп (пол, возраст), самооценка здоровья, семейное положение, наличие близких людей, субъективная оценка дохода, наличие своего жилья, образовательная межпоколенческая мобильность, профессиональная межпоколенческая мобильность⁴ и удовлетворенность жизнью в целом.

В таблице 2 приведены значения коэффициента R , характеризующего отношение между дискриминируемой функцией и каждой из независимых переменных. Чем больше значение этого коэффициента, тем больше дискриминируемое влияние независимой переменной. Положительные значения R говорят о наличии или увеличении признака в сторону группы мобильных, отрицательные — в сторону группы немобильных. Анализ также проведен отдельно по условиям геомобильности (направление переезда, мотивация переезда и субъект принятия решений о переезде).

Дискриминантный анализ показал довольно существенные различия между группами мобильных и немобильных россиян по ряду структурных параметров. Мобильные респонденты отличаются более высоким уровнем образования, чаще проживают в больших городах, но не в Москве и Санкт-Петербурге. Они оценивают свое положение на социальной лестнице ниже, чем немобильные группы. Мобильные группы значимо отличаются от немобильных по возрасту (в старших поколениях мобильность существенно выше, чем в младших). Различия в уровне географической мобильности для гендерных групп оказались статистически незначимыми.

⁴ Подробнее о том, что понимается под данными терминами, см. в разделе «Географическая мобильность и социальная мобильность».

Таблица 2

**Последствия географической мобильности —
дискриминантный анализ по группе мобильных и немобильных**

Факторы-последствия	Категории факторов	R (дискрим. эффект)
Пол	Мужчины (дихотомическая)	–0,06
Возраст (на момент опроса)	Непрерывная переменная	0,539*
Образование	Средняя школа и меньше	–0,144*
	Начальное профессиональное образование	0,019
	Среднее профессиональное образование	–0,01
	Высшее образование	0,113
Положение на социальной лестнице	Непрерывная переменная, 0–10	–0,18*
Место проживания	Москва — Санкт-Петербург	–0,30*
	Большие города (500 тыс. и больше)	0,165*
	Средние города (100–500 тыс.)	–0,026
	Сельские населенные пункты и малые города	0,068
Самооценка здоровья	Хорошее (отличное, очень хорошее)	–0,311*
	Удовлетворительное	0,269*
	Плохое	0,051
Семейное положение	В браке (официальном или гражданском)	–0,054
	Развод (разошлись)	–0,054
	Вдовец/вдова	0,232*
	Никогда не состояли в браке и не живете с партнером	–0,163*
Близкие люди	Нет близких людей	–0,353*
	1–3 человека	0,072
	4 человека и больше	0,469*
Субъективная оценка дохода	Жить на такой доход:	
	Очень трудно	0,001
	Довольно трудно	–0,103
	Довольно легко	0,006
	Очень легко	0,175*
Жилье свое	Есть (дихотомическая)	–0,312*

Продолжение таблицы 2

Факторы-последствия	Категории факторов	R (дискрим. эффект)
Образовательная межгенерационная мобильность	Восходящая	0,312*
	Нисходящая	–0,145*
	Не изменилась	–0,155*
Профессиональная межгенерационная мобильность	Восходящая	0,010
	Нисходящая	0,034
	Не изменилась	0,045
Профессиональное положение	Управленческие должности, специалисты	–0,01
	Средний технический персонал	0,199*
	Офисные и административные работники	–0,034
	Работники сферы услуг и рабочие профессии	–0,121*
	Низкоквалифицированные работы	0,066
Удовлетворенность жизнью в целом	Непрерывная переменная, 0–10	0,002

Примечание. Знаком * отмечены статистически значимые различия на уровне $p < 0,05$. Параметры модели проверены на отсутствие мультиколлинеарности (коэффициент корреляции Пирсона $r < 0,6$). В итоговой модели 79,9% исходных сгруппированных наблюдений классифицированы правильно, проведена кросс-проверка на обучающей выборке, рассчитаны доверительные интервалы, которые пересеклись. Результаты можно рассматривать как устойчивые и стабильные.

Анализ показал значимую связь географической мобильности и *состояния здоровья*. Респонденты, которые прошли через переезд, дают своему здоровью более негативную оценку, чем те, кто не переезжал. При этом такая связь обнаружена практически по всем типам геомобильности (Приложение 2). Причины таких различий могут быть самые разные — от структурных до образа жизни и экологической среды в местах массовых переездов. Более глубокий анализ этой обнаруженной связи предстоит провести в дальнейшем.

Связь географической мобильности и *создания/сохранения семьи* довольно противоречивая. Мобильные группы чаще прошли через вдовство, а немобильные — остаются одинокими и не вступают в брак или отношения. Что касается брака и распада союза, различия между группами оказались статистически незначимыми. Однако такая связь проявляется лишь в случае семейной мобильности, но не образовательной и других типов (см. Приложение 2).

Географическая мобильность положительным образом связана с наличием широких *социальных связей*: мобильные респонденты чаще устанавливают близкие отношения с большим количеством людей, в то время как немобильные,

как правило, оказываются вообще без близких. Различия в силе связи по направлениям мобильности обнаружены не были. Такая ситуация может быть связана как с мобильностью для воссоединения межпоколенческой семьи, так и с более широкими возможностями для установления социальных связей при контактах с разными людьми при переезде, а также с большей потребностью в социальных связях и поддержке, большей открытости мобильных групп.

Географическая мобильность показывает небольшую, но значимую связь с доходом: среди мобильных групп тех, кто получает доход, достаточный для комфортной жизни, больше, чем среди немобильных, хотя по остальным категориям различия минимальны. Таким образом, географический переезд в некоторых случаях ведет к существенному улучшению материального положения в долгосрочной перспективе, помогает перейти на новую экономическую ступень, но в остальных случаях не оказывает существенного влияния на материальное положение людей в России. Последствия для экономического положения людей с разными мотивациями значимо различаются: при образовательной/профессиональной мобильности менее вероятно оказаться в самой низшей по доходу категории, то есть она помогает избежать бедности. Семейный переезд в меньшей степени влияет на уровень благосостояния людей в низко- и среднедоходных категориях, но возможность оказаться на самой высокой ступени по материальному благополучию в случае такого переезда выше, чем в других группах. В качестве показателя условий жизни использовался вопрос о наличии собственного жилья. Мобильные группы значимо чаще оказываются в менее выгодном положении в отношении жилья, чем немобильные. Такие различия особенно проявляются при переездах из малых городов в более крупные, но не в столичные.

Сравнение мобильных и немобильных групп по удовлетворенности жизнью в целом показало, что различия между ними статистически незначимы. Более того, не было обнаружено значимых различий ни по разным мотивационным типам мобильности, ни по направлениям мобильности, ни по субъектам принятия решений.

Географическая мобильность и социальная мобильность

Для оценки связи социального продвижения и географической мобильности использовались три параметра: образовательная межпоколенческая мобильность, профессиональная межпоколенческая мобильность и достигнутое профессиональное положение.

Образовательная межпоколенческая мобильность определялась как разница между достигнутым уровнем образования респондента и уровнем образования его родителя. Дискриминантный анализ показал значимую связь географической и образовательной мобильностей: мобильные группы в большей степени продвинулись по образовательной лестнице по сравнению с их родителями, чем немобильные. Нисходящая образовательная мобильность в группе мобильных ниже, чем среди немобильных. Географическая мобильность помогает не только повысить свой уровень образования по сравнению с родительским, но и удержаться на нем.

Повышению образовательной мобильности способствуют все виды географической мобильности, в том числе не связанные по мотивам с образованием. Даже вынужденный и семейный переезды дают преимущества в образовательной мобиль-

ности. Но переезд по образовательным мотивам оказывает наибольшее влияние на достигнутый уровень образования — на 25% выше по сравнению с немобильными группами и на 15% выше по сравнению с мобильными группами с другой мотивацией.

Профессиональная межгенерационная мобильность определялась как разница между профессиональным положением респондента на момент опроса и его родителя с наиболее высоким профессиональным положением. Профессии были сгруппированы в три категории: 1) руководители высшего и среднего звена и специалисты с высшим образованием; 2) средний технический персонал, специалисты сферы услуг и безопасности; 3) рабочие специальности и рядовые работники сферы услуг. Прямой связи между географической и профессиональной мобильностями обнаружено не было — различия между двумя группами статистически незначимы. Профессиональная межгенерационная мобильность имеет значимую связь с одним видом географической мобильности — образовательной. Влияние других видов мобильности, например семейной, не обнаружено. Направление мобильности не оказывает существенного влияния на профессиональную мобильность.

Сравнение мобильных и немобильных групп по достигнутому профессиональному уровню показывает значимые межгрупповые различия в середине профессиональной иерархии. Мобильные респонденты чаще достигали уровня средних технических работников, немобильные чаще оказываются в группе работников сферы услуг и квалифицированных рабочих. Для достижения уровня управленцев или профессионалов с высокой квалификацией или для работы по профессиям с низкой квалификацией мобильность существенной роли не играет. Наибольшую связь с восходящей внутригенерационной профессиональной мобильностью показывает образовательная мобильность. Семейная мобильность имеет довольно противоречивые последствия для профессии: в большей степени связана с низкоквалифицированной работой, но присутствует также в среднепрофессиональном сегменте. Более высокие профессиональные позиции занимают люди, осуществившие переезд в столицы, в отношении переезда в другие большие города такой связи не обнаружено.

Географическая мобильность связана с восходящей образовательной мобильностью между поколениями: у мобильных респондентов больше шансов получить более высокое образование, чем у немобильных, независимо от направления геомобильности или ее мотивов. В отношении профессиональной мобильности между поколениями географические переезды играют значительно меньшую роль, у немобильных почти такие же шансы на восходящую профессиональную мобильность, как и у мобильных. Исключение составляет образовательная геомобильность — в этом случае шансы на профессиональную мобильность увеличиваются. Влияние географической мобильности на внутрипоколенческую профессиональную мобильность статистически значимо и велико, особенно среди группы людей, переехавших по образовательным мотивам.

Заключение

Люди решаются на такой нелегкий и часто рискованный шаг, как переезд, в надежде на изменения к лучшему. Насколько оправданы такие надежды и ожидания в долгосрочной перспективе? Исследование показало, что географическая

мобильность имеет различные последствия для жизненного пути — как положительные, так и отрицательные. Географическая мобильность как жизненная стратегия не может быть оценена как бесспорно выигрышная или проигрышная, по крайней мере в отношении старших поколений россиян.

Мобильные и немобильные группы различаются по социально-демографической структуре. В мобильной группе выше доля людей самых старших возрастов, что согласуется с ранее полученными данными о замедлении мобильности в позднесоветское время [13]. В некоторых странах исследователи обнаруживали гендерные различия в географической мобильности, однако в России в исследуемых поколениях такие различия минимальные. В целом географическая мобильность в России в исследуемый период — многосторонний процесс, включающий разные мотивационные типы и направления мобильности, ни один/одно из которых не является доминирующим, как в некоторых других странах (например, с юга на север в Италии). Но, несмотря на такое разнообразие, выделяются ряд общих долгосрочных последствий такой мобильности.

Среди долгосрочных последствий географической мобильности — влияние на самооценку здоровья, широту социальных связей и образовательную межгенерационную и внутригенерационную профессиональную мобильность. Исследование не выявило связи между географической мобильностью и субъективным благополучием, удовлетворенностью жизненным путем на его завершающем этапе. Также неочевидно влияние географической мобильности на материальное положение в долгосрочной перспективе, хотя есть определенные основания предполагать, что в результате геомобильности снижается вероятность бедности и увеличиваются шансы оказаться в группе с наибольшим достатком. Но экономическое положение средних слоев мобильных и немобильных групп примерно одинаково.

В сфере семейно-брачных отношений влияние географической мобильности проявляется в более высоких шансах найти партнера и заключить брачный союз. В немобильных группах вероятность остаться без партнера выше. Влияние географической мобильности на прочность и долговечность брачных союзов не проявилось — доля респондентов с распавшимися союзами в двух группах практически одинакова.

Предположение, что географическая мобильность является эффективным каналом социальной мобильности, подтвердилось лишь отчасти. Географическая мобильность определенно способствует межгенерационной образовательной мобильности: представители мобильных групп значимо чаще превышают образовательный уровень своих родителей, чем немобильных, и это относится ко всем типам мобильности независимо от целей и мотивации. Такой вывод подтверждает результаты З. Голенковой и П. Сушко о значительном влиянии миграционных перемещений на межгенерационную социальную мобильность [5]. Связи геомобильности с межгенерационной профессиональной мобильностью обнаружено не было. В отношении внутригенерационной мобильности такая связь существует, но различается по типам и направлениям мобильности: высокая — при образовательной мобильности и переездах в столичные города, но незначимая в отношении других видов мобильности.

Причины долгосрочного отрицательного влияния геомобильности на здоровье, по крайней мере в отношении субъективной оценки здоровья, пока до конца неясны. Негативное влияние переезда на здоровье непосредственно после него было зафиксировано в ряде исследований в разных странах, но в отношении долгосрочного воздействия основные предположения связаны с положительным влиянием (улучшение инфраструктуры и расширение возможностей для поддержания здоровья).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Структура выборки исследования «Геомобильность старших поколений россиян»

Параметры	Мобильные респонденты	Немобильные респонденты
Количество опрошенных, человек	1026	1300
Доля после применения веса, %	89	11
Пол, %:		
мужчины	38	40
женщины	62	60
Возрастная когорта, %:		
1949 г. и раньше	23	14
1950–1959 гг.	38	35
1960–1973 гг.	38	51
Образование, %:		
незаконченное среднее	6	5
законченное среднее общее	9	14
начальное профессиональное (ПТУ, ФЗУ, ФЗО)	10	10
среднее профессиональное (техникум, училище)	37	37
законченное высшее или больше	37	34
Место проживания, %:		
Москва или Санкт-Петербург	9	15
столица области/края/республики	31	26
город (от 100 до 500 тыс. жителей)	10	10
малый город или поселок городского типа (менее 100 тыс. жителей)	26	23
сельский населенный пункт	25	25
Количество переездов на протяжении жизни:		
1 переезд	63	
2 переезда	21	
3 переезда	7	
4 переезда или больше	7	
затруднились назвать количество переездов	2	

Примечание: Доля в % по столбцам по каждому параметру приведена после применения веса по мобильности.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Дискриминантный анализ по группам условий мобильности
(целевая группа по сравнению с респондентами, не относящимися к этой группе)

Зависимая (переменная)	Мотивационный тип мобильности			Направление мобильности			Решение о мобильности		
	Образовательная/ профессиональная мобильность	Семейная мобильность	Другие виды мобильности	Вертикальная мобильность в столицы или областные центры	Вертикальная мобильность в другие большие города	Другие направления мобильности	Личное	Семейное	Вынужденное
Количество респондентов в целевой группе, человек	485	546	158	407	201	484	549	450	167
Пол:									
мужчины	0,034	-0,253*	0,268*	-0,009	0,019	-0,078	0,004	-0,208*	0,125
женщины	-0,034	0,253*	-0,268*	0,009	-0,019	0,078	-0,004	0,208*	-0,125
Возраст (непрерывная)	0,403*	0,465*	0,222	0,125*	0,432*	0,305*	0,296*	0,586*	0,2
Образование:									
средняя школа и меньше	-0,324*	0,028	0,009	-0,149*	-0,006	0,007	-0,184*	-0,025	-0,259*
начальное профессиональное	-0,042	0,014	0,096	-0,111*	0,199*	0,081	-0,025	-0,004	-0,14
среднее профессиональное	-0,201*	0,083	0,308*	-0,096*	-0,004	0,102	-0,029	0,076	-0,181
высшее или больше	0,492*	-0,115	-0,379*	0,288*	-0,117	-0,16*	0,192*	-0,054	0,478*
Место жительства:									
Москва — Санкт- Петербург	-0,145*	-0,367*	0,014	0,198*	-0,363*	-0,452*	-0,298*	-0,318*	-0,161
большие города (500 тыс. жителей и больше)	0,164*	0,136	-0,088	0,773*	-0,327*	-0,509*	0,238*	-0,019	0,095
средние города (100–500 тыс. жителей)	0,066	-0,134	-0,126	-0,204*	0,412*	0,032	0,027	-0,069	0,085
сельские и малые города	-0,089	0,204*	0,146	-0,697*	0,291*	0,757*	-0,029	0,273*	-0,028
Расположение на социальной лестнице — субъективное (шкала 0–10)	-0,144*	-0,22*	0,08	-0,056	-0,246*	-0,052		-0,166	-0,051

Продолжение Приложения 2

Зависимая (переменная)	Мотивационный тип мобильности			Направление мобильности			Решение о мобильности		
	Образовательная/ профессиональная мобильность	Семейная мобильность	Другие виды мобильности	Вертикальная мобильность в столицы или областные центры	Вертикальная мобильность в другие большие города	Другие направления мобильности	Личное	Семейное	Вынужденное
Здоровье:									
хорошее	–0,229*	–0,302*	–0,033	–0,101*	–0,343*	–0,114*	–0,281*	–0,279*	–0,261*
удовлетворительное	0,199*	0,285*	0,004	0,105*	0,287*	0,096	0,305*	0,225*	0,11
плохое	0,03	0,016	0,053	–0,015	0,071	0,027	–0,048	0,064	0,236
Семейное положение:									
в браке (официальном или гражданском)	0,096	–0,085	–0,219	–0,028	0,065	–0,049	–0,081	0,117	–0,091
в разводе	–0,106	–0,062	0,187	0,047	–0,035	–0,092	0,016	–0,192*	0,109
вдовец/вдова	0,056	0,303*	0,135	0,035	0,093	0,182*	0,119	0,252*	0,097
никогда не состояли в браке	–0,071	–0,212*	–0,097	–0,086*	–0,164	–0,038	–0,068	–0,287*	–0,099
Сколько близких людей:									
нет близких людей	–0,336*	–0,381*	0,044	–0,172*	–0,214*	–0,124*	–0,485*	–0,364*	–0,026
1–3 человека	0,09	0,136	–0,115	0,063	–0,011	0,024	0,208*	0,106	–0,02
4 человека и больше	0,407*	0,403*	0,128	0,179*	0,38*	0,167*	0,45*	0,427*	0,078
Субъективная оценка дохода:									
с трудом удается свести концы с концами	–0,211*	0,148	0,168	–0,033	–0,068	0,091	–0,058	–0,045	0,134
жить на такой доход довольно трудно	–0,041	–0,064	–0,104	0,032	0,044	–0,169*	–0,041	–0,13	–0,127
жить на такой доход довольно легко	0,114	–0,128	–0,071	–0,033	0,011	0,025	–0,01	0,118	–0,134
вообще не испытывают материальных затруднений	0,094	0,187*	0,088	0,019	0,014	0,17*	0,07	0,159*	0,178
Жилищные условия:									
есть свое жилье	–0,145*	–0,193*	–0,548*	–0,052	–0,202*	–0,233*	–0,221*	–0,243*	–0,207
нет своего жилья	0,173*	0,208*	0,464*	0,033	0,237*	0,251*	0,2*	0,257*	0,221

Окончание Приложения 2

Зависимая (переменная)	Мотивационный тип мобильности			Направление мобильности			Решение о мобильности		
	Образовательная/ профессиональная мобильность	Семейная мобильность	Другие виды мобильности	Вертикальная мобильность в столицы или областные центры	Вертикальная мобильность в другие большие города	Другие направления мобильности	Личное	Семейное	Вынужденное
Образовательная межгенерационная мобильность:									
восходящая	0,373*	0,322*	-0,283*	0,119*	0,315*	0,114*	0,344*	0,238*	0,209
нисходящая	-0,236*	-0,101	0,208	-0,082*	-0,084	-0,027	-0,102	-0,072	-0,221
без изменений	-0,175*	-0,152*	0,111	-0,015	-0,238*	-0,104	-0,204*	-0,179*	-0,033
Профессиональная межгенерационная мобильность:									
восходящая	0,201*	-0,022	-0,401*	0,007	0,02	0,01	-0,063	0,125	0,104
нисходящая	-0,016	0,055	0,174	0,074	-0,092	-0,002	-0,001	-0,074	0,181
без изменений	-0,092	0,098	0,185	-0,023	0,015	0,046	0,087	0,076	-0,13
Профессиональное положение:									
управленческие должности, специалисты	0,175*	-0,12	-0,168	0,123*	-0,157	-0,117*	0,017	0,073	-0,014
средний технический персонал	0,245*	0,16*	-0,179	0,078*	0,007	0,158*	0,173*	0,135	0,203
офисные и административные работники	-0,023	-0,036	-0,064	0,005	0,026	-0,04	-0,162	0,017	0,093
работники сферы услуг, рабочие профессии	-0,135*	-0,124	0,138	-0,083*	-0,015	-0,059	0,039	-0,197*	-0,212
низкоквали- фицированные работы	-0,175*	0,234*	0,262*	-0,072	0,077	0,128*	-0,032	0,117	-0,004
Удовлетворенность жизнью (шкала 0–10)	0,037	-0,007	-0,003	-0,026	-0,161	0,096	-0,05	0,034	-0,11

* Отмечены статистически значимые различия на уровне $p < 0,05$.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреевкова Анна Владимировна — доктор социологических наук, заместитель директора, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). **Телефон:** +7 (495) 629-15-06. **Электронная почта:** anna.andreenkova@cessi.ru

Воронина Наталья Сергеевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). **Телефон:** +7 (499) 125-00-60. **Электронная почта:** navor@bk.ru

---

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 39–62. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.3

Research Article

ANNA V. ANDREENKOVA¹, NATALIA S. VORONINA^{1,2}

¹ Institute of Comparative Social Research (CESSI).

20, Bolshaya Dmitrovka str., 107031, Moscow, Russian Federation

² Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

SOCIAL CONSEQUENCES OF GEOGRAPHIC MOBILITY FOR CONSTRUCTING A LIFE COURSE

Abstract. Geographical mobility has important social consequences, but also seriously impacts individual life trajectories, serving as a channel for social mobility. But any sort of geographic mobility is also related to serious risks. To what extent are people's hopes and expectations justified, what are the long-term consequences of geographic mobility? To answer these fundamental questions, we use data from a new large-scale study titled "Geomobility of Generations", conducted by CESSI as part of the project "Life Course, Values, Expectations of the Generation That Grew up in the 1990's" from the fall of 2023 and through the spring of 2024 based on a national random probability sample of older generations of Russians born before and up to 1973. The main method of analysis is statistical assessment of differences between groups of mobile and non-mobile respondents. The parameters for comparison are presented in the form of a conceptual scheme, including conditions of mobility, factors of mobility and consequences in different spheres. The results showed that geographic mobility as a life strategy cannot be considered an indisputably winning or an indisputably losing one. Some of the long-term consequences of geographic mobility include the impact on self-assessment of health, the scope of social connections and educational intergenerational mobility. The study did not find any connection between geographic mobility and subjective well-being and satisfaction with one's life path at the final stage of one's life path. The impact of geographic mobility on one's financial situation in the long term is also uncertain. Geographic mobility definitely contributes to upward intergenerational educational mobility, but it does not have a significant impact on intergenerational professional mobility or subjective assessment of one's position on the social ladder.

Keywords: geographic mobility; social consequences; life course; motivation; social mobility; intergenerational mobility.

For citation: Andreenkova, A.V., Voronina, N.S. Social Consequences of Geographic Mobility for Constructing a Life Course. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 39–62. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.3

Acknowledgment. The research was carried under support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00635 "Life course, values, expectations of the generation entering the adult life in 1990-s, — longitudinal survey after 30 years".

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Andreenkova — Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director, Institute of Institute of Comparative Social Research (CESSI). **Phone:** +7 (495) 629-15-06. **Email:** anna.andreenkova@cessi.ru

Natalia S. Voronina — Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Leading Researcher, Institute of Institute of Comparative Social Research (CESSI). **Phone:** +7 (499) 125-00-60. **Email:** navor@bk.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л., Махрова А.Г., Медведев А.А., Неретин А.С., Нefeldова Т.Г., Трейвиш А.И.* Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нefeldовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. — 504 с.
Averkiewa K.V., Antonov E.V., Kirillov P.L., Makhrova A.G., Medvedev A.A., Neretin A.S., Nefedova T.G., Treivish A.I. *Between home... and home. Return spatial mobility of the population of Russia*. Ed. by T.G. Nefedova, K.V. Averkiewa, A.G. Terry. Moscow: New Chronograph publ., 2016. 504 p. (In Russ.)
2. *Андрееенкова А.В.* Исследования жизненного пути — концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 6–24. DOI: [10.19181/snsp.2024.12.1.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1) EDN: [ADRPHA](https://www.edn.ru/ADRPHA)
Andreenkova A.V. Life Course Research — Conceptual and Methodological Approaches and Solutions. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2024. No. 12 (1). P. 6–24. DOI: [10.19181/snsp.2024.12.1.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1) (In Russ.)
3. *Андрееенкова А.В., Воронина Н.С.* Долгосрочная географическая мобильность в жизненном пути разных поколений россиян: уровень, направление, мотивация, потенциал // Мир России. 2025. Т. 34. № 2. С. 143–165. DOI: [10.17323/1811-038X-2025-34-2-143-165](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-143-165) EDN: [YOYVDK](https://www.edn.ru/YOYVDK)
Andreenkova A.V., Voronina N.S. Long-term Geographic Mobility in the Life Path of Different Generations of Russians: Level, Direction, Motivation, Potential. *Mir Rossii*. 2025. Vol. 34. No. 2. P. 143–165. DOI: [10.17323/1811-038X-2025-34-2-143-165](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-143-165) (In Russ.)
4. *Андрееенкова А.В.* Жизненные выборы на разных этапах жизненного пути — автобиографии одного поколения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 88–113. DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2538](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2538) EDN: [SQDGCM](https://www.edn.ru/SQDGCM)
Andreenkova A.V. Life Choices at Different Stages of Life's Journey—Autobiographies of One Generation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2024. No. 3. P. 88–113. DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2538](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2538) (In Russ.)
5. *Голенкова З.Т., Сушко П.Е.* Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 95–104. EDN: [XGVSIK](https://www.edn.ru/XGVSIK)
Golenkova Z.T., Sushko P.E. Social Mobility in the Context of Migration Biographies of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016. No. 12. P. 95–104. (In Russ.)
6. *Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л.* Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 56–66. EDN: [VYRWBH](https://www.edn.ru/VYRWBH)
Zaslavskaya T.I., Rybakovsky L.L. Migration processes and their regulation in a socialist society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1978. No. 1. P. 56–66. (In Russ.)
7. *Рыбаковский Л.Л., Маевский Д.П., Кожевникова Н.И.* Миграционная подвижность населения и ее измерение // Демография: вопросы теории и практики. 2019. № 2. С. 4–16. DOI: [10.19181/1561-7785-2019-00011](https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00011)

- Rybakovsky L.L., Maevsky D.P., Kozhevnikova N.I. Migration mobility of the population and its measurement. *Demografiya: voprosy teorii i praktiki*. 2019. No. 2. P. 4–16. DOI: [10.19181/1561-7785-2019-00011](https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00011) (In Russ.)
8. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. — 572 с. EDN: [QSOKDX](https://elibrary.ru/qsokdx)
Ryazantsev S.V. *Labor migration in the CIS and Baltic Countries: Trends, Consequences, Regulation*. Moscow: Formula prava publ., 2007. 572 p. (In Russ.)
9. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / Отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. — 512 с.
Social Mobility in an Increasingly Complex Society: Objective and Subjective Aspects. Ed. by V.V. Semenova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow: FNISC RAS publ., 2019. 512 p. (In Russ.)
10. Социальные последствия // Энциклопедия социологии. Atanizi. 2009 [электронный ресурс]. Дата обращения 24.03.25. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/2941/%D0%9F%D0%9E%D0%A1%D0%9B%D0%95%D0%94%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%98%D0%AF>
Social Consequences. *Encyclopedia of Sociology*. Atanizi. 2009. Accessed 24.03.25. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/2941/%D0%9F%D0%9E%D0%A1%D0%9B%D0%95%D0%94%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%98%D0%AF> (In Russ.)
11. Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. ст. Н.А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. — 576 с.
Urry J. *Mobility*. Translated from English by A.V. Lazarev, introduction by N.A. Kharlamov. Moscow: Publishing and Consulting Group “Praxis” publ., 2012. 576 p.
12. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1. С. 50–54. EDN: [ELLGMD](https://elibrary.ru/ellgmd)
Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V. Migration to Russia: The Lowest Level in a Decade. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii*. 2021. Vol. 28. No. 1. P. 50–54.
13. Ястребов Г.А. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть II // Мир России. 2016. Т. 2. № 25. С. 6–36.
Yastrebov G.A. Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: New Quantitative Estimates Based on Representative Surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part II. *Mir Rossii*. 2016. Vol. 2. No. 25. P. 6–36. (In Russ.)
14. Artamonova A., Gillespie B.G., Brandén M. Geographic Mobility Among Older People and Their Adult Children: The Role of Parents’ Health Issues and Family Ties. *Population Space Place*. 2020. Vol. 26. No. 8. DOI: [10.1002/psp.2371](https://doi.org/10.1002/psp.2371) EDN: [BEUXAP](https://elibrary.ru/beuxap)
15. Beck U. Living Your Own Life in a Runaway World: Individualization, Globalization, and Politics. *Global Capitalism*. Ed. by A. Giddens. N.Y.: The New Press, 2000. P. 164–174.
16. Bernard A., Bell M. Educational Selectivity of Internal Migrants: A Global Assessment. *Demographic Research*. 2018. Vol. 39. No. 29. P. 835–854. DOI: [10.4054/DemRes.2018.39.29](https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.29)
17. Blau P.M., Duncan O.D. *The American Occupation Structure*. L., N.Y., Sidney: John Wiley & Sons, Inc., 1967. 520 p.
18. Boyle P., Cooke T.J., Halfacree K., Smith D. A Cross-National Comparison of the Impact of Family Migration on Women’s Employment Status. *Demography*. 2001. Vol. 38. P. 201–213. DOI: [10.1353/dem.2001.0012](https://doi.org/10.1353/dem.2001.0012)

19. Clark W.A.V., Huang Y. The Life Course and Residential Mobility in British Housing Markets. *Environment and Planning*. 2003. Vol. 35. No. 2. P. 323–339. DOI: [10.1068/a3542](https://doi.org/10.1068/a3542)
20. Cooke T.J., Boyle P., Couch K., Feijten P. A Longitudinal Analysis of Family Migration and the Gender Gap in Earnings in the United States and Great Britain. *Demography*. 2009. Vol. 46. No. 1. P. 147–167. DOI: [10.1353/dem.0.0036](https://doi.org/10.1353/dem.0.0036)
21. Corak M. The Canadian Geography of Intergenerational Income Mobility. *The Economic Journal*. 2020. Vol. 130. No. 631. P. 2134–2174. DOI: [10.1093/ej/uez019](https://doi.org/10.1093/ej/uez019)
22. DaVanzo J. Repeat Migration, Information Costs, and Location-Specific Capital. *Population and Environment*. 1981. Vol. 4. No. 1. P. 45–73. DOI: [10.1007/BF01362575](https://doi.org/10.1007/BF01362575)
23. David Q., Janiak A., Wasmer E. Local Social Capital and Geographical Mobility. *Journal of Urban Economics*. 2010. Vol. 68. No. 2. P. 191–204. DOI: [10.1016/j.jue.2010.04.003](https://doi.org/10.1016/j.jue.2010.04.003)
24. De Jong G.F., Chamrathirong A., Quynh-Giang T. For Better, for Worse: Life Satisfaction Consequences of Migration. *International Migration Review*. 2002. Vol. 36. No. 3. P. 838–863. DOI: [10.1111/j.1747-7379.2002.tb00106.x](https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2002.tb00106.x)
25. Fang Y. Residential Satisfaction, Moving Intentions and Moving Behaviours: A Study of Redeveloped Neighbourhoods in Inner-city Beijing. *Housing Studies*. 2006. Vol. 21. P. 671–694. DOI: [10.1080/02673030600807217](https://doi.org/10.1080/02673030600807217)
26. Geist C., McManus P.A. Geographical Mobility over the Life Course: Motivations and Implications. *Population, Space and Place*. 2008. Vol. 14. No. 4. P. 283–303 DOI: [10.1002/psp.508](https://doi.org/10.1002/psp.508)
27. Huinink J., Vidal S., Kley S. Individuals' Openness to Migrate and Job Mobility. *Social Science Research*. 2014. Vol. 44. P. 1–14. DOI: [10.1016/j.ssresearch.2013.10.006](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.10.006)
28. Lassetter J.H., Callister L.C. The Impact of Migration on the Health of Voluntary Migrants in Western Societies. A Review of the Literature. *Journal of Transcultural Nursing*. 2009. Vol. 20. No. 1. P. 93–104. DOI: [10.1177/1043659608325841](https://doi.org/10.1177/1043659608325841)
29. Li X., Stanton B., Chen X., Hong Y., Fang X., Lin D., Mao R., Wang J. Health Indicators and Geographic Mobility among Young Rural-to-Urban Migrants in China. *World Health Population*. 2006. Vol. 8. No. 2. P. 5–21. DOI: [10.12927/whp.2006.18148](https://doi.org/10.12927/whp.2006.18148)
30. Mulder C., Van Ham M. Migration Histories and Occupational Achievement. *Population, Space and Place*. 2005. Vol. 11. No. 3. P. 173–186. DOI: [10.1002/psp.365](https://doi.org/10.1002/psp.365)
31. Panichella N., Cantalini S. Is Geographical Mobility Beneficial? The Impact of the South-to-North Internal Migration on Occupational Achievement in Italy. *Population Research and Policy Review*. 2023. Vol. 42. No. 78. P. 1–22. DOI: [10.1007/s11113-023-09824-9](https://doi.org/10.1007/s11113-023-09824-9)
32. Rossi P. *Why Families Move*. Glencoe, IL: Free Press, 1955. 220 p.
33. Savage M. 'The missing link? The Relationship Between Spatial Mobility and Social Mobility'. *British Journal of Sociology*. 1988. Vol. 39. P. 554–577. DOI: [10.2307/590501](https://doi.org/10.2307/590501)
34. Sorokin P. *Social Mobility*. N.Y.: Harper & Brothers, 1972. 559 p.
35. Speare A. A Cost-Benefit Model of Rural to Urban Migration in Taiwan. *Population Studies*. 1971. Vol. 25. P. 117–130. DOI: [10.1080/00324728.1971.10405788](https://doi.org/10.1080/00324728.1971.10405788)
36. Wall K., Aboim S., Ramos V., Nunes C. Geographical Mobility and Family Life: Comparing Generations from a Life Course Perspective. *Comparative Population Studies*. 2013. Vol. 38. No. 2. P. 341–370. DOI: [10.12765/CPoS-2013-11](https://doi.org/10.12765/CPoS-2013-11)

Статья поступила в редакцию: 29.03.2025; поступила после рецензирования и доработки: 24.06.2025; принята к публикации: 27.06.2025.

Received: 29.03.2025; revised after review: 24.06.2025; accepted for publication: 27.06.2025.

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.4
EDN: FVRQVW

А.Ю. КАРПОВА¹, А.О. САВЕЛЬЕВ¹, Д.А. ТРЕТЬЯКОВ¹

¹ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский Томский политехнический университет.
634050, Томск, пр. Ленина, д. 30.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ СКУЛШУТЕРОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ МАРКЕРОВ ПРЕДУПРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ¹

Аннотация. Представлены результаты междисциплинарного исследования по выявлению маркеров предупреждающего поведения скулшутеров на основе анализа их письменной коммуникации с применением методов компьютерной лингвистики. Характерными особенностями текстов скулшутеров являются наличие признаков когнитивного искажения «персонализация», а также таких эмоций, как «гнев» и «печаль». В текстах скулшутеров наряду с асоциальными и деструктивными намерениями значительное место занимают намерения с явной положительной коннотацией. Приведены результаты сравнительного анализа значимых маркеров предупреждающего поведения, характерных для письменной коммуникации скулшутеров, и результатов обработки открытых наборов текстовых данных, не имеющих прямого отношения к теме скулшутинга, таких как: текстовые данные с платформ Reddit, Twitter (с 2023 г. — X); наборы текстов из блогов, посвященных криминальной тематике; коллекции новостных текстов BBC, статьи с платформы Medium; коллекция эссе студентов-психологов с 1993 по 1996 г.; коллекция произведений литературы, представленных на проекте Gutenberg, и др. Акцентированы значимые особенности и характерные отличия текстов. Предложены направления дальнейших исследований в рамках решения задачи выявления маркеров предупреждающего поведения с применением предварительно обученных моделей анализа естественного языка.

Ключевые слова: скулшутинг; скулшутер; предупреждающее поведение; письменная коммуникация; компьютерная лингвистика; анализ естественного языка.

Для цитирования: Карпова А.Ю., Савельев А.О., Третьяков Д.А. Междисциплинарный опыт исследования письменной коммуникации скулшутеров для выявления маркеров предупреждающего поведения // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 63–86. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.4 EDN: FVRQVW

Введение

Исследования, посвященные скулшутингу (феномен насильственных инцидентов с расстрелами школьников или стрельбой в школах; англ. *school shooting*), в активной форме ведутся с начала 2000-х гг. Всплеск исследований в мировой науке связан с волной инцидентов скулшутинга, последовавших после преступле-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01153).

ния, совершенного 20 апреля 1999 г. в старшей школе «Колумбайн» (США) [14]. Феномен экспоненциального роста скулшутинга получил название «эффект “Колумбайн”», суть которого в том, что в результате широкого освещения в СМИ массовые расстрелы в учебных учреждениях имеют ярко выраженный эффект подражания. Об эффекте подражания знали и сами колумбайнеры. Один из них, Эрик Харрис, писал в своем дневнике: «Вот вам плохая новость... все являются последователями! Все, кто говорит, что они не последователи, а потом одеваются по-другому или ведут себя по-другому... они взяли это из чего-то, что видели по телевизору, в кино или в жизни. Никакой оригинальности»².

Скулшутинг за последние два десятилетия стал предметом серьезной озабоченности для государственной власти во многих странах мира. Но за ближайшие годы его значение как нерешенной социальной проблемы заметно возросло. Скулшутинг имеет ощутимые последствия как на индивидуальном, групповом, так и на массовом уровне. Значимыми являются физические, психические, политические последствия, вызывающие моральную панику, усиливающие страх в обществе. Политики, правоохранительные органы пытаются предложить различные решения для предотвращения инцидентов скулшутинга [10]. Американские исследователи констатируют, что в 2021–2022 гг. количество инцидентов резко возросло [29; 33]. Разработчики открытой американской базы данных K-12, которые фиксируют и анализируют случаи скулшутинга в школах США с 1966 г., отмечают: (1) в 1966 г. зафиксировано 9 случаев; (2) с 2010 по 2023 г. произошел экспоненциальный рост числа случаев; (3) в 2023 г. наблюдался пик — 349 случаев; (4) в 2024 г. было всего на 19 случаев меньше исторического максимума за 2023 г.³ Всплеск инцидентов исследователи связывают с широким освещением событий в СМИ, которое провоцирует эффект подражания. Скулшутинг как опасное социальное явление вызывает общественное беспокойство в странах Европы с начала XXI в., поскольку именно волна подражающих инцидентов получила распространение в разных странах после «Колумбайна», широко освещенного в международных СМИ. Инциденты скулшутинга отмечаются в Канаде, Финляндии, Норвегии, Германии, Швеции, Чехии, Великобритании, Бразилии, Китае [1]. В России проблема скулшутинга стала актуальной с 2014 г.⁴ Широкий общественный резонанс и значительное внимание со стороны государства актуализировались после керченского (2018), казанского и пермского (2021) инцидентов. Многие исследователи отмечают, что журналистское освещение приобрело беспрецедентный размах, фактически создавая эффект исключительной медиатизации этого деструктивного явления и популяризации скулшутинга как глобальной молодежной субкультуры⁵ [7; 15; 17; 20; 23; 24; 27; 30; 32]. Концепция глобальной молодежной

² “Well here is a fuckin’ news flash for you stupid shits, everyone is a follower! Everyone who says they aren’t followers and then dresses different or acts different...they got that from something they saw on TV or in film or in life. No originality”// SchoolShooters.info. — URL: <https://schoolshooters.info/eric-harris> (дата обращения 13.03.2025).

³ K-12 School Shooting Database. — URL: <https://k12ssdb.org/> (дата обращения 19.03.2025).

⁴ Инцидент скулшутинга 03.02.2014, Москва. Героизация преступника за счет широкого освещения в СМИ.

⁵ GOSSS (global online school shooting subculture) — концепция глобальной молодежной субкультуры скулшутинга обоснована в 2018 г. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0002764218755835> (дата обращения 19.03.2025).

онлайн-субкультуры скулшутинга обоснована в 2022 г. социологами. Фундамент концепции — теория социального напряжения (*Across Strain*) Роберта Мертона. Механизм распространения этой деструктивной субкультуры — подражание. Технологические возможности для реализации механизма подражания открывает «цифровое посредничество», объединяющее эффекты фолксономии, рекомендательных алгоритмов, структуры гиперссылок [23].

Механизм подражания в случаях совершения инцидента скулшутинга исследователи во всем мире активно изучают последние 20 лет. Накопленные эмпирические данные позволяют утверждать, что действие механизма подражания подтверждается значительным количеством как прямых, так и косвенных доказательств. Фактически можно утверждать, что механизм подражания является эмерджентным свойством процесса вирусного распространения «культурных сценариев» и ролевых моделей поведения скулшутеров [14; 15; 20; 36]. С учетом роли СМИ в распространении и воспроизводстве ролевых моделей подражания ученым необходимо более детально выявить и изучить маркеры предупреждающих сигналов, которые скулшутеры транслируют на этапе подготовки, до совершения инцидента [16; 21; 28]. Сходство механизмов подражания скулшутеров с синдромом подражающих самоубийств было обосновано еще в самых ранних публикациях (начала 2000-х гг.), и изучение данной темы не утратило своей актуальности [11; 14; 36]. Но суицидальные мысли редко являются единственным или основным мотивом при совершении инцидентов скулшутинга. Суицидальные мысли чаще встречаются в сочетании с другими мотивами и вторичны по отношению к ним. Это доказано результатами анализа многочисленных случаев скулшутинга, акцентировано в отчетах Национального центра оценки угроз за 2019 г. [5].

Изучение механизмов подражания — одно из направлений исследований в предметной области изучения феномена скулшутинга, которая является междисциплинарной. Эта предметная область привлекла внимание таких специалистов, как социологи, психологи, лингвисты, криминологи, специалисты data science. Направления исследований этой области подробно представлены в публикациях [1–3; 13; 19]. Подчеркнем, что изучение механизма подражания неразрывно связано с исследованием предупреждающего поведения, поскольку самое сложное в обнаружении потенциального скулшутера — это выявление на ранней стадии (прогнозирования и предотвращения) различных сигналов о планировании нападения, а также сигналов, связанных с суицидальными мотивами, намерениями.

Такого рода сигналы содержатся в письменных сообщениях, которые скулшутеры оставляют как в онлайн-, так и в офлайн-коммуникации. Письменные сообщения — это дневники, манифесты, заявления, предсмертные записки, сообщения в социальных сетях/мессенджерах, комментарии о героизированных персонах, описания и комментарии к значимым датам/событиям и др. Сигналы могут быть как слабыми, так и сильными. В качестве слабых сигналов можно рассматривать высказывания с признаками радикальных или крайне радикальных убеждений, выражение ненависти или злости (в отношении отдельного человека или группы). Сильными сигналами можно считать информацию о приобретении огнестрельного оружия, о том, как собрать взрывное устройство, маркеры «репетиции» нападения, сообщения о конкретном плане/дате/месте нападения. Сигналы могут быть конкретными или, напротив, неопределенными, распознавать и ин-

терпретировать которые — трудоемкая задача для сотрудников образовательных организаций, правоохранительных органов. Критически важны как слабые, так и сильные сигналы, поскольку каждый из них является проявлением одной из форм предупреждающего поведения, указывающего на то, что потенциальный скулшутер намеревается совершить целенаправленный акт насилия [4; 12].

Исследования, посвященные выявлению сигналов предупреждающего поведения, актуализировались в последнее десятилетие благодаря значительным достижениям в области вычислительных социальных наук (*computational social science*), созданию новых и адаптации уже имеющихся методов и инструментов *data science*. Все это позволило в короткие сроки и на большом объеме данных производить сбор, обработку и анализ сигналов предупреждающего поведения, которые могут выступать индикаторами для прогнозирования риска совершения инцидента скулшутинга. Определение предупреждающего поведения было предложено в 2012 г. международной группой исследователей, в составе которой ученые из США, Германии, Швейцарии, Великобритании. Исследователи дают следующее определение: «Предупреждающее поведение — это действия, которые свидетельствуют о возрастающем или ускоряющемся риске насилия. Это острые, динамичные и особенно токсичные изменения в паттернах поведения, которые могут помочь специалисту сделать вывод о том, что вызывающий опасение человек теперь представляет угрозу, независимо от того, идентифицирована конкретная жертва или нет. Такое поведение требует оперативного реагирования» [22]. Авторы ссылаются на работы других исследователей, которые используют схожие концепции под разными названиями, например: поведение, «сигнализирующее об атаке» (*signaling the attack*), — действия, которые предшествуют нападению и могут быть замечены окружающими [37; 34]; «тревожные признаки», или «индикаторы высокого риска» (*tell-tale behaviors, high risk indicators*) — ключевые маркеры, указывающие на потенциальную опасность [6]; «сигналы перед атакой» (*pre-attack signals*) — предвестники насильственных действий, часто наблюдаемые у лиц с психическими расстройствами [8]; «поведение на пути к насилию» (*behaviors on a pathway to violence*) — действия, связанные с планированием и подготовкой нападения [6; 9]. Эти термины объединены авторами в единую концепцию предупреждающего поведения и типологизируют такое поведение, которое сигнализирует о возрастающем риске насилия. Критически важно знать, что сигналы предупреждающего поведения являются основой для создания протоколов по оценке угроз и протоколов по управлению угрозой — алгоритмы реагирования на угрозу (эскалация вмешательства). Такого рода протоколы составляют основу системы предотвращения скулшутинга, а выявленные маркеры внедряются в практику через стандартизированные протоколы. Практика создания как самих протоколов по оценке угроз, так и систем в целом появилась в США сразу после инцидента в школе «Колумбайн». В Европе такая практика появилась позднее, во втором десятилетии XXI в., она во многом ориентирована на применение и адаптацию уже сложившейся в США системы. Научно обоснованная система оценки угроз базируется на комплексном анализе ситуации угрозы с учетом ситуативного контекста, психологических особенностей злоумышленников, маркеров предупреждающего поведения [1]. Особо отметим, что значимость выявления контекстуальных факторов подчеркнули социологи из научной группы Кэтрин Ньюман, одни из первых

ученых, включившихся в научное изучение скулшутинга в начале 2000-х гг., после инцидента в школе «Колумбайн» [21]. Пятифакторная теория Ньюман, опубликованная в 2004 г., фактически открыла перспективы для формирования и развития исследовательского направления, связанного с изучением предупреждающего поведения. В самом общем виде предупреждающее поведение — это маркеры эскалации угрозы, но сама угроза (например, ее мотив, цель или контекст) изучается и анализируется отдельно. Маркеры помогают структурировать наблюдаемые действия, которые могут указывать на переход от угрозы к реализации насилия. То есть автоматизация исследований письменной коммуникации скулшутеров направлена на выявление и классификацию предупреждающих поведенческих паттернов, а не типов угроз. Это методика и инструмент для оценки риска, но не для категоризации угроз как таковых.

В данной работе мы сосредоточились на эксперименте с кейсами письменных сообщений идентифицированных известных скулшутеров для выявления предупреждающего поведения. Цель работы — выявить сигналы предупреждающего поведения скулшутеров, используя подходы машинного обучения, инструменты анализа текста путем сравнительного анализа значимых маркеров предупреждающего поведения скулшутеров, характерных для их письменной коммуникации, и результатов обработки открытых наборов текстовых данных, не имеющих прямого отношения к теме скулшутинга. Мы считаем, что результаты такого анализа являются основой конвейера обработки данных для обнаружения сигналов предупреждающего поведения в письменной коммуникации и методы компьютерной лингвистики могут послужить для оценки предупреждающего поведения. Выбор англоязычных текстов письменной коммуникации скулшутеров (совершивших инцидент и идентифицированных как скулшутеры) продиктован следующими обстоятельствами: (1) доступность данных (открытые отчеты, открытые базы данных, судебные документы, медиаинтервью, дневники и манифесты скулшутеров); (2) систематизация опыта: зарубежные исследователи скулшутинга опираются на обширную эмпирическую базу, сотни детально документированных случаев, стандартизированные базы данных. Исследования в России характеризуются ограниченной выборкой случаев, отсутствием централизованных систем сбора данных, подобная систематизация находится на начальной стадии формирования эмпирических данных. Кроме того, в открытых источниках отсутствуют тексты письменной коммуникации российских скулшутеров. Это определяет методологическую целесообразность обращения к англоязычным верифицированным кейсам как к базе для выявления универсальных паттернов предупреждающего поведения с последующей адаптацией инструментов и методики, а также верификации релевантности их применения к русскоязычным текстам письменной коммуникации скулшутеров. (3) Международные исследователи (Дж. Хоффманн, Б. Воссекуил, Дж.Р. Мэлой, А. Ланкфорд, Дж. Силва, Л. Каати и др.) доказали, что «ядро» предупреждающего поведения универсально, но «оболочка» зависит от контекста. (4) Скулшутинг — это глобальный, системный феномен, что делает выявление универсальных паттернов предупреждающего поведения методологически оправданным. Однако мы считаем, что их проявление, возможно, опосредуется специфическими факторами, такими как коммуникативные практики (особенности выражения в русскоязычной среде) и медийные практики (степень освещения

и характер репрезентации случаев в СМИ). Поэтому при адаптации диагностических моделей к русскоязычным текстам исследователи должны избегать как некритичного заимствования, так и игнорирования доказанных закономерностей.

В рамках анализа англоязычных текстов письменной коммуникации лиц, совершивших нападения в учебных заведениях, необходимо учитывать существующие в западной научной традиции дефиниции скулшутинга. Следует отметить, что в современной исследовательской практике отсутствует консенсусное определение скулшутинга — различные научные коллективы и создатели баз данных предлагают собственные операционализации этого понятия. Объединяющим критерием выступает правовая квалификация подобных инцидентов в США и странах Европы как преднамеренных массовых убийств (*mass shootings*) с соответствующими видами наказания за такого рода преступления. В США определение скулшутинга было опубликовано в 2002 г. в официальном отчете Секретной службы США и Министерства образования США: *«Инцидент целенаправленного школьного насилия был определен как любой инцидент, когда (i) нынешний ученик или недавний бывший ученик напал на кого-либо в своей школе с применением смертельных средств (например, пистолета или ножа); и (ii) когда нападавший ученик намеренно выбрал свою школу в качестве места нападения. В соответствии с этим определением инциденты, которые были связаны исключительно с деятельностью банды или торговлей наркотиками или с жестоким взаимодействием между людьми, которое просто произошло в школе, не были включены»* [37]. Первое академическое определение скулшутинга было предложено социологом Кэтрин Ньюман и членами ее научной группы в 2004 г. и дополнено в 2009 г. Именно эта формулировка наиболее часто используется исследователями в разных странах мира: *«Место инцидента — “общественная сцена” либо на территории школы, либо на соответствующем школьном событии или мероприятии. Стрелявшие должны быть нынешними или бывшими учениками школы. Должно быть несколько жертв (хотя травмы не обязательно должны быть смертельными) или, по крайней мере, несколько целей; ...некоторые жертвы могут быть выбраны специально, потому что они навредили стрелку, обычно есть и другие, которых выбирают только из-за их символической значимости или наугад... Скулшутинг ближе по форме к инцидентам на рабочем месте, где есть случайный элемент в жертвах нападения»* [25].

Методология и методы исследования

Выявление маркеров предупреждающего поведения скулшутеров методами компьютерной лингвистики включает три основных этапа:

1. Формирование набора данных — коллекции текстов за авторством известных скулшутеров. Наборы данных собирают социологи из открытых источников, среди которых базы данных, такие как SSDB K-12, SSS-School Shooting Database, Angels of Columbine. Violence In Our Schools, School Shooters.info, Mass-Shooter-Threats⁶.

⁶ Открытые базы данных: SSDB K-12. — URL: <https://k12ssdb.org/>; SSS-School Shooting Database. — URL: <https://schoolshootingdatabase.com/databases>; Angels of Columbine. Violence In Our Schools. — URL: http://www.columbine-angels.com/School_Violence_Prior_to_August_1980.htm; School Shooters.info. — URL: www.schoolshooters.info; Mass-Shooter-Threats. — URL: <https://github.com/JSSpaulding/Mass-Shooter-Threats> (дата обращения 23.03.2025).

2. Применение предварительно обученных моделей анализа данных для определения характерных когнитивных, эмоциональных и поведенческих признаков.

3. Сравнение результатов компьютерного анализа текстов скулшутеров с аналогичными результатами анализа текстов, извлеченных из таких источников, как социальные сети, эссе, художественная литература.

Все использованные в рамках исследования наборы данных и предварительно обученные модели размещены в открытом доступе.

Формирование набора данных

Исходный набор данных был сформирован ранее [4] на основе открытых текстов сайта SchoolShooters.info — проекта Питера Лангмана, ведущего исследователя феномена скулшутинга, а также материалов базы SSDB К-12 (Центр внутренней обороны и безопасности Военно-морской аспирантуры, США). Основным критерием для включения данных о стрелке в анализируемую выборку являлось наличие текстов его авторства. По этому критерию были отобраны данные о 48 стрелках, однако после исключения нераспознаваемых скан-образов рукописных текстов осталось 37 наборов, сгруппированных по исполнителям. Дополнительно проведена верификация случаев скулшутинга по указанным базам данных. На финальном этапе отсеяны тексты объемом менее 10 предложений. Таким образом, итоговая анализируемая выборка включает 33 набора текстов общим объемом от 16 до 29 617 предложений в каждом. Детализированное описание итоговых наборов данных приведено в таблице 1.

Таблица 1

Описание анализируемых наборов данных по стрелкам

№ п/п	Стрелок	Кол-во предложений в наборе данных	Типы текстов	Характеристика содержания
1	Алваро Кастилло	75	Дневник	Имеющиеся страницы личного дневника
2	Себастьян Боссе	938	Дневник, онлайн-дневник, онлайн-текст	Записи личного дневника с 10.08.2006 по 20.11.2006. Содержание LiveJournal-страницы стрелка с 2.09.2004 по 15.08.2005. Содержание личного веб-сайта стрелка с описанием его убеждений. Стенограмма видеозаписи речи стрелка
3	Джеффри Уиз	16	Онлайн-текст	Копии онлайн-записей стрелка, включая дневниковые и художественные тексты
4	Марк Лепин	61	Предсмертная записка	Содержание предсмертной записки на французском языке и ее перевод на английский
5	Пекка-Эрик Аувинен	183	Онлайн-текст	Документы, выложенные в сеть стрелком, описывающие его симпатии, антипатии, мотивацию к совершению атаки. Тексты перекликаются с текстами Эрика Харриса, хотя сам он не упоминается. Стенограмма видеозаписей речи стрелка

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Стрелок	Кол-во предложений в наборе данных	Типы текстов	Характеристика содержания
6	Аарон Ибарра	62	Дневник	Имеющиеся страницы личного дневника
7	Адам Ланца	29617	Онлайн-текст	Множество текстов, включая стенограммы речей стрелка, документированные стрелком данные об убийцах, данные с форумов, сочинения, дневниковые записи
8	Алекс Грибал	28	Письмо	Текст написанного стрелком за три дня до совершения инцидента письма, в котором упоминаются другие стрелки и ряд известных политических деятелей
9	Брайан Оливер	298	Онлайн-текст	Размещенная стрелком в сети (июнь 2012) история молодого человека по имени Демиан в виде фрагментированной хроники его жизни
10	Брендан О'Рурк	2241	Свидетельства	Тексты свидетельств, описывающих взаимодействие со стрелком, включая примеры его речи
11	Ган Лу	193	Письмо, манифест	Содержание письма стрелка, адресованного его сестре. Манифест стрелка
12	Джон Романо	170	Письма	Содержание нескольких писем стрелка, в том числе написанных в день атаки и после нее
13	Дуэйн Моррисон	147	Предсмертная записка	Содержание предсмертной записки
14	Итан Крамбли	15	Дневник	Имеющиеся страницы личного дневника
15	Карл Пирсон	98	Дневник	Имеющиеся страницы личного дневника
16	Кимвир Джилл	630	Онлайн-текст	Содержание онлайн-постов стрелка
17	Кип Кинкель	181	Дневник, письмо	Имеющиеся страницы личного дневника. Содержание письма стрелка, адресованного сестре
18	Крис Харпер-Мерсер	240	Онлайн-текст, манифест	Содержание манифеста стрелка. Копии записей блога стрелка
19	Люк Вудхэм	130	Дневник	Имеющиеся страницы личного дневника и фрагменты школьных сочинений

Окончание таблицы 1

№ п/п	Стрелок	Кол-во предложений в наборе данных	Типы текстов	Характеристика содержания
20	Майкл Слободян	10	Предсмертная записка	Содержание предсмертной записки
21	Майрон Мэй	652	Дневник	Фрагменты различных записей стрелка, включая дневниковые, содержание электронных писем и иных подобных материалов
22	Николас Круз	47	Онлайн-текст	Фрагменты текстовых сообщений стрелка, стенограмм выступлений, онлайн-текстов
23	Роберт Флорес	406	Письмо	Текст письма, написанного непосредственно перед совершением атаки
24	Скай Буш	177	Интервью	Стенограмма интервью стрелка
25	Сын Хи Чо	152	Манифест, письма	Содержание манифеста стрелка. Электронные письма семье
26	Ти Джей Лейн	48	Онлайн-текст	Содержание постов стрелка в социальных сетях
27	Уильям Атчисон	1573	Онлайн-текст, интервью	Размещенные стрелком в сети тексты (личный блог, комментарии). Стенограмма интервью стрелка
28	Хосе Рейес	17	Письмо	Фрагменты двух написанных стрелком писем
29	Чарльз Уитмен	89	Письмо	Фрагменты написанных стрелком писем членам семьи
30	Эван Рэмси	28	Предсмертные записки	Содержание двух предсмертных записок
31	Эллиот Роджер	6630	Дневник, автобиография	Имеющиеся страницы личного дневника и содержание автобиографии “My Twisted World” («Мой запутанный мир»)
32	Эрик Харрис	4117	Дневник, онлайн-текст	Имеющиеся страницы личного дневника стрелка. Размещенные стрелком в сети тексты
33	Эрик Хейнсток	142	Письма	Содержание нескольких писем стрелка, адресованных журналистам и написанных после совершения атаки во время тюремного заключения

Применение предварительно обученных моделей

В рамках исследования для обработки текстовых данных были использованы следующие предварительно обученные модели анализа естественного языка:

- Bert Tiny Cognitive Bias⁷ (<https://huggingface.co/amedvedev/bert-tiny-cognitive-bias>) — модель предназначена для классификации предложений по наличию или отсутствию в них признаков таких когнитивных искажений, как «навешивание ярлыков» (*labeling*), персонализация (*personalization*), долженствование (*should statement*), эмоциональное рассуждение (*emotional reasoning*), свержение обобщения (*overgeneralizing*), катастрофизация (*catastrophizing*) и заблуждение о вознаграждении (*reward fallacy*). Модель основана на BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers) — нейросети для предварительного обучения языковых представлений для различных задач обработки естественного языка;
- Emotion English DistilRoBERTa-base⁸ — модель выявления в предложениях признаков таких эмоций, как гнев, отвращение, страх, радость, печаль и удивление, основанная на нейросети RoBERTa (Robustly Optimized BERT Pretraining Approach), являющейся развитием BERT [18];
- T5-base fine-tuned on event2Mind⁹ — модель на основе трансферного обучения, которая преобразует каждое предложение в конструкцию вида *to be <intent>*, отражающую высказанное в предложении намерение [31];
- WikiNEuRal Multilingual NER¹⁰ — мультиязыковая модель для извлечения из текста упоминаемых в нем именованных сущностей (людей, мест, дат), настроенная на наборе данных WikiNEuRal языковой модели mBERT [35].

Результаты обработки набора данных, который содержит письменную коммуникацию скулшутеров, указанными моделями представлены в работе [4]. В настоящей статье для целей сравнительного анализа значимых маркеров предупреждающего поведения аналогичной обработке был подвергнут набор данных, составленный из текстов, не имеющих отношения к тематике скулшутинга и массовых убийств.

Наш выбор предварительно обученных моделей анализа естественного языка, таких как выявление когнитивных искажений, эмоций, намерений и именованных сущностей, продиктован следующими соображениями.

- Накопленные в мировой практике данные по результатам эмпирических исследований феномена скулшутинга позволяют утверждать, что у скулшутеров имеются когнитивные искажения — когнитивные ошибки восприятия окружающей реальности, на основе которых они создают свою картину представлений и выбирают возможный вариант решения своей проблемы. Когнитивные ошибки восприятия связаны с личными обидами, проблемами, индивидуальными обстоятельствами, восприятием этих обстоятельств и жизненным опытом самого скулшутера. Совершение насильственного инцидента оценивается скулшутерами как единственно

---

⁷ Bert Tiny Cognitive Bias. — URL: <https://huggingface.co/amedvedev/bert-tiny-cognitive-bias> (дата обращения 19.03.2025).

⁸ Emotion English DistilRoBERTa-base. — URL: <https://huggingface.co/j-hartmann/emotion-english-distilroberta-base> (дата обращения 19.03.2025).

⁹ T5-base fine-tuned on event2Mind. — URL: <https://huggingface.co/mrm8488/t5-base-finetuned-e2m-intent> (дата обращения 19.03.2025).

¹⁰ WikiNEuRal Multilingual NER. — URL: <https://huggingface.co/Babelscape/wikineural-multilingual-ner> (дата обращения 19.03.2025).

- возможный способ решения проблемы. Когнитивные искажения — это социальный и психологический процесс, постепенно переживаемая приверженность (тяготение) идее насилия, который характеризуется прежде всего возникновением иллюзии быстрого решения проблемы.
- Скулшутинг — это проблемно-мотивированное насилие. Скулшутер мотивирован одной проблемой или идеей, а не твердыми идеологическими убеждениями, идейной позицией. Обнаружение эмоциональных маркеров, свидетельствующих о том, что скулшутер все больше убежден в оправданности насильственного способа как единственно возможного средства достижения цели, проявляется через: крайне эмоциональное восприятие личной проблемы и отношение к жизненной ситуации в целом; психическое состояние фрустрации и переживание негативных эмоций (например, ощущение относительной депривации, отчуждение / социальная изоляция, презрение окружающих, чувство незащищенности); интроверсию — фокус на внутреннюю психическую активность. Скулшутеры испытывают социальный стресс, связанный, например, с негативной жизненной ситуацией, в которой они находятся, конфликтом с социальным окружением и/или проблемой в отношениях с другими людьми или конкретным человеком. Согласно когнитивной теории эмоций, социальный стресс возникает, когда человек интерпретирует событие, ситуацию на эмоциональном уровне когнитивных оценок других, чужого поведения применительно к себе, своим потребностям, интересам, ценностям. Поскольку именно когнитивные оценки определяют качество и силу переживаемых эмоций, постольку в ситуации социального стресса потенциальный злоумышленник приходит к убеждению, что у него нет ресурсов, чтобы справиться с конкретной, тупиковой по его мнению, ситуацией. И с этого момента он начинает поиск выхода из этого тупика.
  - Маркеры намерений характеризуются выражением идеи насильственного способа решения проблемы как единственно возможного. Такого рода маркеры фиксируются исследователями как сильные сигналы предупреждающего поведения. Проявляются такого рода сигналы как в онлайн-, так и в офлайн-среде, в письменной или в устной коммуникации. Важно, что эти сигналы были у всех скулшутеров, но окружение (онлайн/офлайн) не обратило на них внимания или посчитало несущественной, мнимой угрозой. Конкретизируются намерения через описание, например, места совершения инцидента, даты, времени, конкретных персон.
  - Маркеры именованных существей — это отсылка к конкретным персонам, процесс идентификации с образцом для подражания, героизация преступников, совершивших инциденты, изучение их историй, отождествление себя с «идеальной моделью» предшественника (скулшутера или массового убийцы). За последние годы в мировой практике изучения данного феномена идея о скулшутинге как глобальной молодежной субкультуре получила значительные эмпирические доказательства. Основа субкультуры скулшутинга — общность «культурных сценариев», а выявление специфических маркеров таких «сценариев» — насущная задача для прогнозирования ролевых моделей поведения скулшутеров. Эти модели разнообразны: формируется целый «пантеон героев», ими вдохновляются, их имитируют и им подражают.

С учетом значительной разницы в объемах наборов текстов стрелков полученные результаты были нормированы на общее количество предложений в наборе, что позволило выполнить сравнительный анализ.

Сравнение результатов обработки текстов стрелков с иными текстами различной природы

Чтобы отделить значимые маркеры предупреждающего поведения от характерных для письменной коммуникации черт были также обработаны открытые наборы текстовых данных, не имеющие прямого отношения к теме скулшутинга. Вследствие значительных объемов таких наборов данных часть из них была обработана выборочно, данные для обработки отобраны на основе случайного сэмплирования (см. табл. 2).

Таблица 2

Описание наборов данных, проанализированных для сравнения с текстами скулшутеров

Краткое обозначение набора данных	Набор данных	Описание	Доля обработанных текстов, %	Источник набора данных
SM.R.1	HuggingFaceGECLM/REDDIT_comments	Коллекция комментариев с платформы Reddit	5	HuggingFace
SM.R.2	SocialGrep/one-million-reddit-confessions	Миллион конфессиональных сообщений с платформы Reddit	20	HuggingFace
SM.T.1	enryu43/twitter100m_tweets	Набор включает 100 миллионов сообщений с платформы Twitter ¹¹	20	HuggingFace
SM.T.2	Top 20 most followed users in Twitter	Набор, объединяющий твиты пользователей с наибольшим количеством подписчиков на платформе Twitter	100	Kaggle
SM.B.1	Serial Killer Blog Dataset	Набор текстов из блогов, посвященных криминальной тематике	100	Kaggle
SM.B.2	Sample Blog Corpus	Разнообразные тексты блогов, используемые для анализа авторского стиля и тематического содержания	20	Kaggle
SM.B.3	GigaOM WordPress Challenge	Набор данных, предоставленный для соревнования по предсказанию популярных блогов на платформе WordPress	20	Kaggle
SM.M.1	Medium Stories	Коллекция заголовков статей с платформы Medium	100	Kaggle

¹¹ Устаревшее название, современное название X (принадлежит Meta, признанной экстремистской организацией Тверским районным судом в марте 2022 г.).

Окончание таблицы 2

Краткое обозначение набора данных	Набор данных	Описание	Доля обработанных текстов, %	Источник набора данных
SM.M.2	190k+ Medium Articles	Более 190 тысяч статей различной тематики с платформы Medium	100	Kaggle
News.1	SetFit/20_newsgroups	Статьи различных тематик из 20 различных новостных источников	100	HuggingFace
News.2	RealTimeData/bbc_news_alltime	Коллекция новостей BBC за значительный период времени	100	HuggingFace
News.3	fancyzhx/ag_news	Набор новостных текстов	100	HuggingFace
Essay.1	Ivypandaqwedsacf/ivypan-da-essays	Коллекция эссе для анализа академического письма	20	HuggingFace
Essay.2	Psychology students 1993 and 1996	Коллекция эссе студентов-психологов с 1993 по 1996 г.	100	GitHub
Lit.1	manu/project_gutenberg (en split)	Коллекция произведений литературы, представленных на проекте Gutenberg	5	HuggingFace

Результаты анализа текстов скулшутеров методами компьютерной лингвистики

Наличие признаков когнитивных искажений

Наиболее значимые виды выявленных когнитивных искажений — это «навешивание ярлыков» (то есть оценивание себя или других людей в целом на основе небольшой выборки случаев или опыта) со средним значением по выборке 0,179 [4] и «персонализация» (принятие всего происходящего на личный счет; присвоение себе вины за ситуации, когда на это нет оснований; обвинение других людей за то, как сложилась своя жизнь) — 0,135 [4]. Например, следующее предложение получило высокую оценку по метрике «навешивание ярлыков»: “*Marriage is not love: marriage is hatred*” («Брак — это не любовь: брак — это ненависть»). Предложение “*Did I successfully murder my twin personality?*” («Удалось ли мне убить свою вторую личность?») получило высокую оценку по метрике «персонализация».

Эмоциональная окраска предложений

Доминирующими эмоциями из выявленных выступают *гнев* и *печаль*, со средними долями относительно всего объема анализируемых данных равными 0,16 и 0,14 соответственно [4]. К примерам предложений с признаками гнева относятся такие, как: “*Unless you’re eating something really, really crunchy, you better not make a fucking sound... Even then, shut the fuck up. I fucking hate the sound of people breathing*” («Если только ты не ешь что-то очень-очень хрустящее, тебе лучше не издавать

ни звука... Даже тогда заткнись. Я, б**ь, ненавижу звук человеческого дыхания») и “*You’re just bitter because I beat you to death with a smoke grenade*” («Ты просто озлоблен, потому что я забил тебя до смерти дымовой гранатой»). Отметим, что из-за вычислительной ошибки соответствующий результат в предыдущей работе [4] содержал неверную оценку признаков эмоции *страх* (должно быть 0,084). Это не оказывает существенного влияния на итоговые выводы, так как *страх* не вошел в число явно доминирующих эмоций в текстах скулшутеров.

Выявление намерений

Каждое предложение анализируемых наборов данных с помощью модели было сведено к формулировке намерения (в виде конструкции *to be <intent>*). Затем намерения были сгруппированы и отсортированы по частоте встречаемости (по убыванию). Для каждого из стрелков были отобраны пять наиболее часто встречающихся намерений с соответствующими значениями частоты. Намерения с частотой встречаемости менее двух были исключены из рассмотрения, равно как и намерение *to be a good friend* (быть хорошим другом), присутствовавшее в результатах [4], которое также является значением по умолчанию. На рисунке 1 приведено облако слов, отражающее значимость выявленных намерений для всей выборки данных. Наиболее часто встречаются классы намерений *to be a mean* (быть подлым) с частотой 19, *to be helpful* (быть полезным) (14), *to be nice* (быть милым) (12) и *to be alone* (быть одиноким) (11).

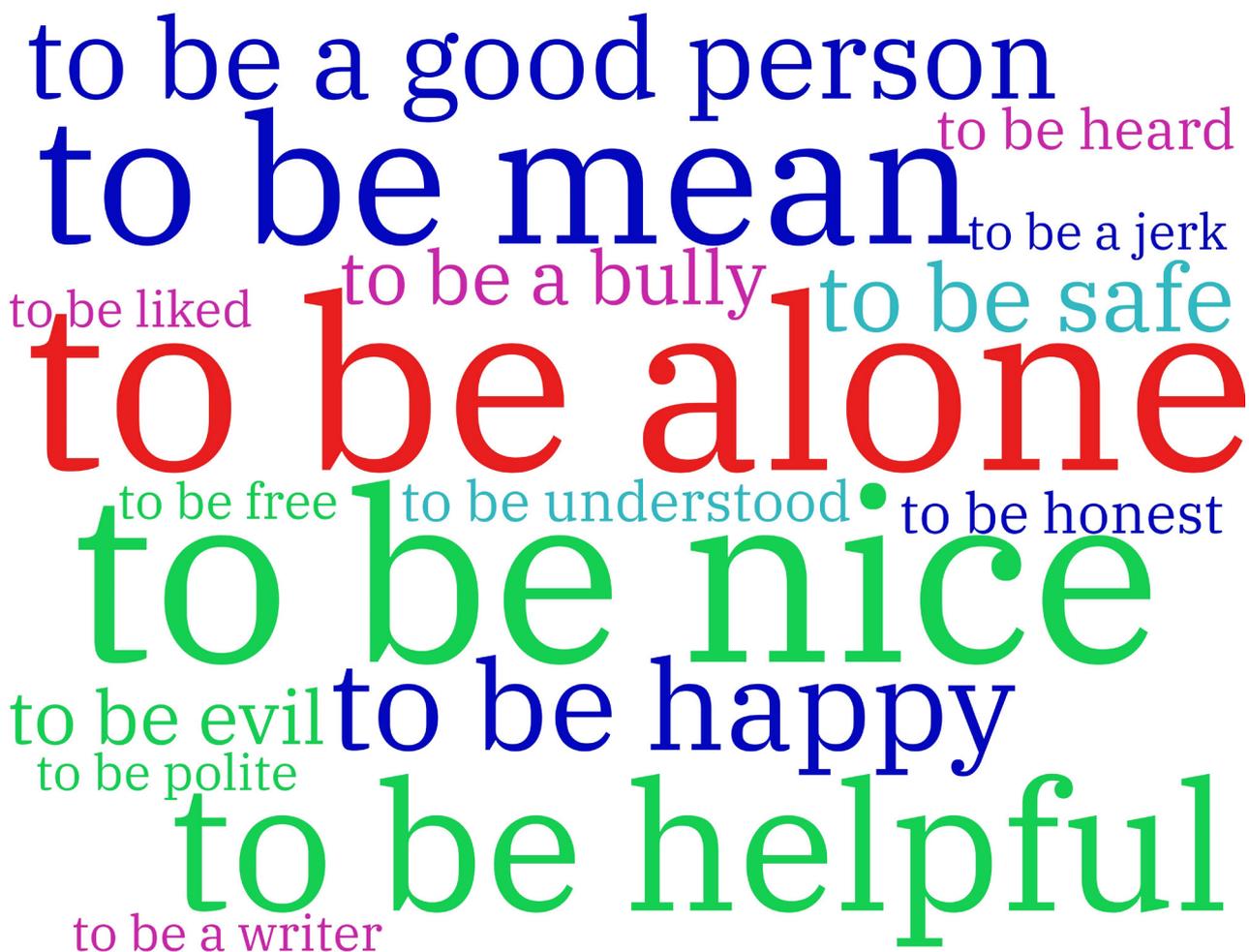

Рис. 1. Облако намерений, выявленных в текстах скулшутеров

Намерения с явной негативной окраской (*to be mean*) может указывать на наличие агрессивных и деструктивных мыслей, глубоких психологических проблем. Однако присутствие среди наиболее часто встречающихся таких намерений, как *to be helpful* и *to be nice* с явной положительной коннотацией, может указывать на внутреннюю борьбу стрелка за моральное и социальное принятие, на попытку найти свое место в обществе. Намерение *to be alone* свидетельствует о социальном эскапизме. В целом, полагаем, можно говорить о психологической неустойчивости личности, одновременно противостоящей социуму и стремящейся оправдать свою позицию.

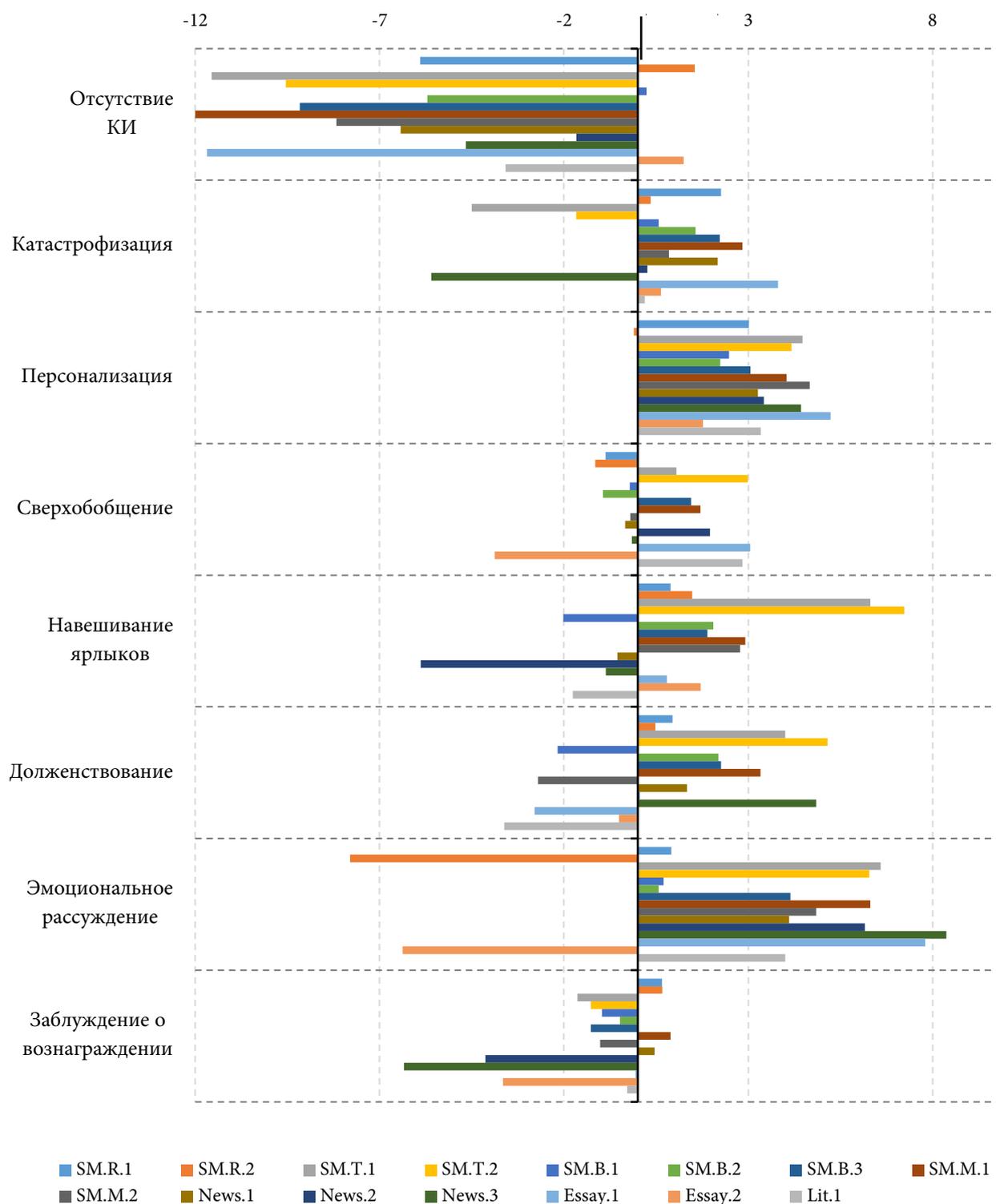
Выявление именованных сущностей

Выявление именованных сущностей по всем наборам текстов стрелков позволило установить только один значимый класс упоминаемых людей — известные массовые убийцы. Имена и прозвища известных стрелков на первом месте из пяти наиболее часто упоминаемых сущностей (21% упоминаний) [4]. Чаще всего встречаются различные формы имен Эрика Харриса и Дилана Клиболда. В частности, они упоминаются в текстах Адама Ланца, Себастьяна Боссе, Уильяма Атчисона и др. На втором месте по частоте упоминаний находятся собственные местоимения (6%) [4], что может быть обусловлено «жанром» текстов, а именно наличием дневниковых записей, манифестов и т. п. Оставшуюся долю именованных сущностей составляют неоднородные объекты: собственные имена; имена известных актеров, поэтов, политиков; прочие местоимения. Например, в текстах Алекса Грибала и Марка Лепина упоминается Юлий Цезарь, Кимвир Джилл называет таких известных музыкантов, как Оззи Осборн, Элис Купер, Мэрилин Мэнсон [4]. Отметим, что упоминание известных личностей, в том числе обладающих скандальной и противоречивой репутацией, не является значимым маркером предупреждающего поведения, в отличие от упоминания известных стрелков.

Сравнение результатов анализа текстов скулшутеров с иными наборами текстов

Для оценки значимости маркеров, общих для текстов скулшутеров, было выполнено сравнение с результатами аналогичной обработки наборов текстов, не связанных с тематикой скулшутинга.

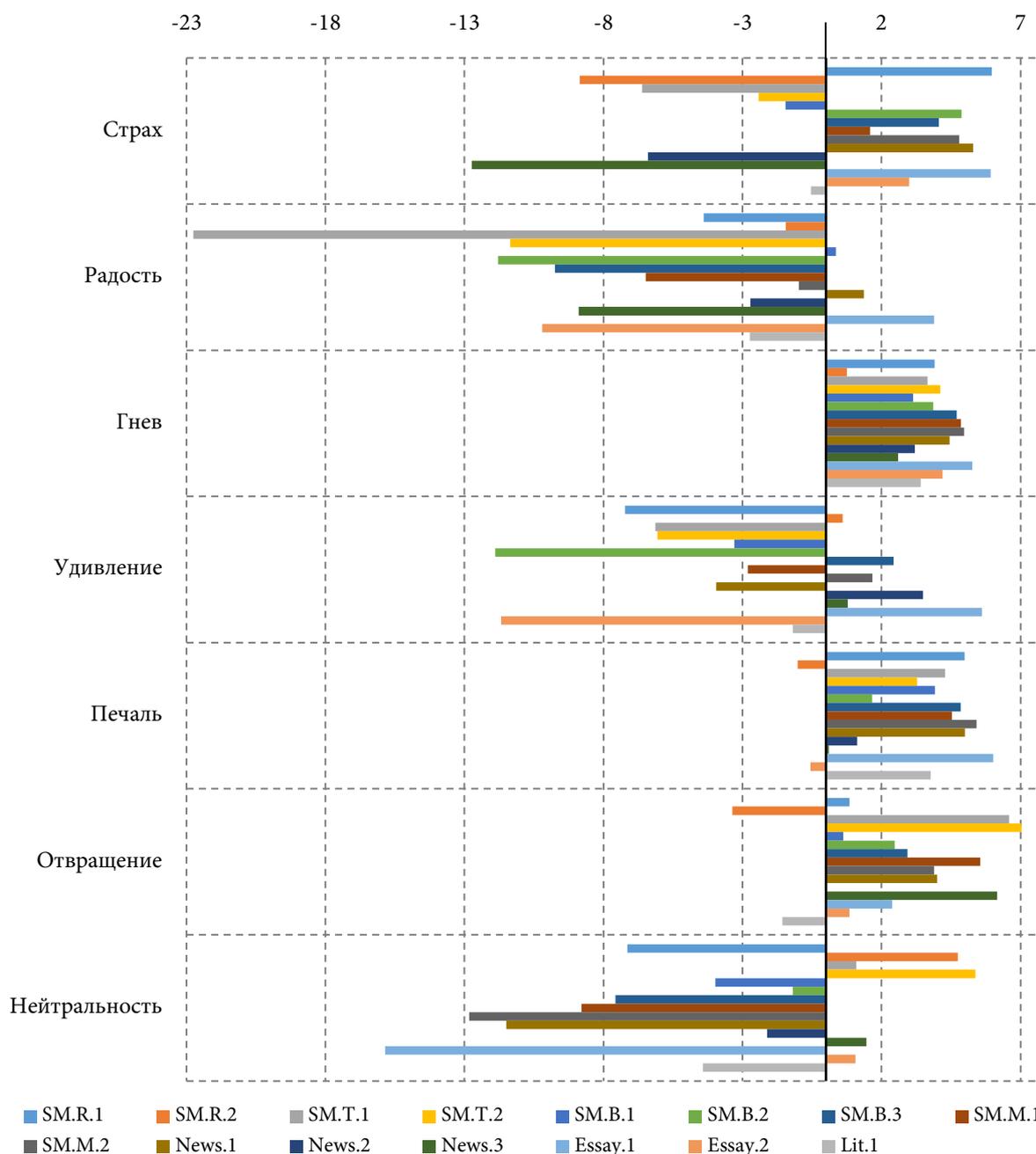
Для сравнения результатов классификации предложений по наличию признаков когнитивных искажений и различных эмоций был проведен *t*-тест (статистический метод для проверки гипотезы о равенстве средних значений двух выборок). На рисунке 2 приведен график сравнения текстов скулшутеров с иными наборами текстов по наличию признаков когнитивных искажений. Различными цветами отмечены наборы текстов. Обозначения наборов текстов соответствуют указанным в таблице 1. Положительное значение следует трактовать как преобладание в текстах скулшутеров признаков соответствующего когнитивного искажения по сравнению с иными наборами текстов.

Рис. 2. Результаты сравнения текстов скулшутеров с иными текстами по наличию признаков когнитивных искажений

Анализ графика показывает, что персонализация у скулшутеров выражена сильнее по сравнению с другими авторами, кроме анонимных комментаторов с Reddit. Другие категории когнитивных искажений не демонстрируют значительных отличий. Таким образом, к маркерам предупреждающего поведения может быть отнесено преобладание признаков персонализации.

На рисунке 3 приведен график сравнения текстов склуштуров с иными наборами текстов по наличию признаков различных эмоций. Из графика следует, что в текстах стрелков значительно больше признаков гнева, чем в прочих текстах. Признаки печали также присутствуют в основном именно в наборах текстов стрелков, хотя в сравнении с некоторыми наборами текстов из социальных медиа различия незначительны (например, SM.R.2).

Рис. 3. Результаты сравнения текстов склуштуров с иными текстами по наличию различных эмоций

На рисунке 4 приведен график, иллюстрирующий аномальные значения встречаемости перечисленных намерений в текстах склуштуров по сравнению со средней частотой по всему анализируемому корпусу данных. Значение по умолча-

нию (*to be a good friend*) было исключено из рассмотрения. Выявленные отличия, в частности в намерении *to be mean*, могут указывать на повышенное внимание к агрессивным и антисоциальным темам в текстах стрелков.

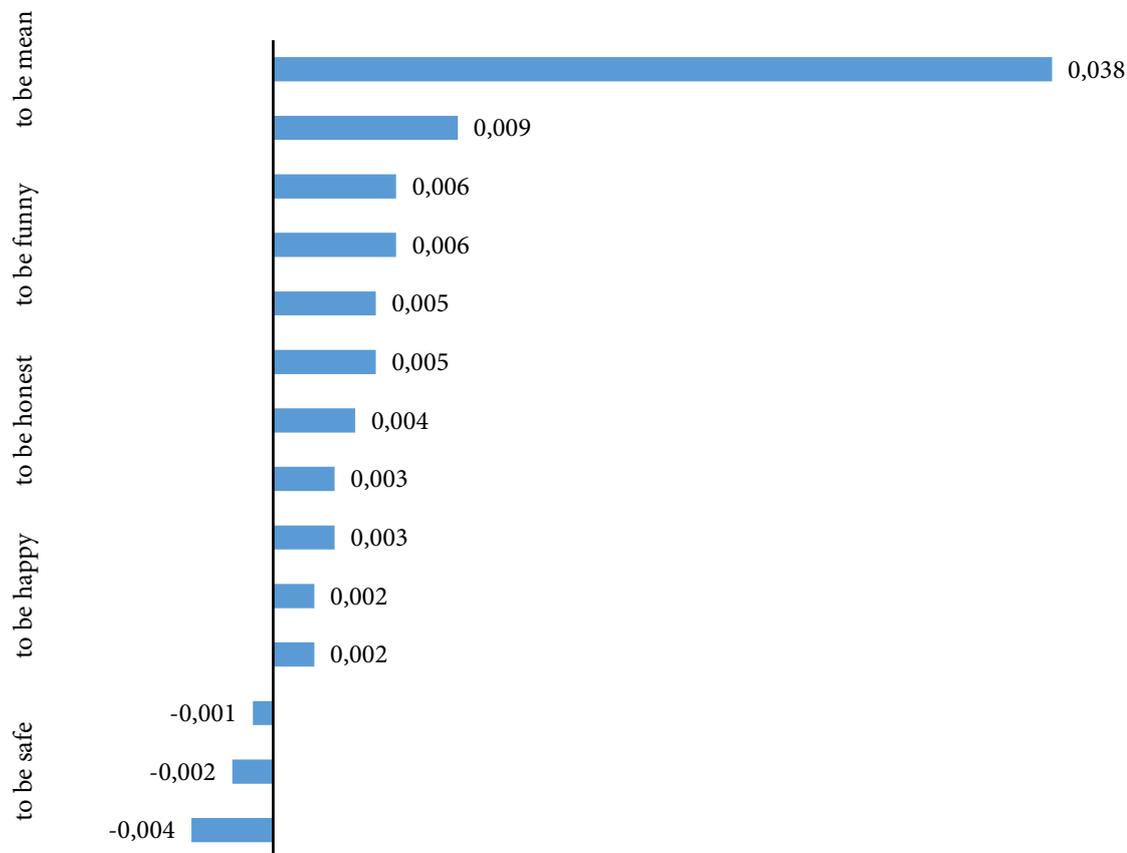

Рис. 4. Выявленные аномалии намерений в текстах скулшутеров (отклонение от среднего)

Обсуждение результатов

Следует отметить ограничения предложенной методики анализа текстов скулшутеров для выявления маркеров предупреждающего поведения. К техническим ограничениям можно отнести снижение точности отдельных моделей компьютерной лингвистики при обработке значительных объемов данных. Это может быть вызвано, с одной стороны, необходимостью оптимизации самих моделей, а с другой — использованием случайных выборок данных для оценки значимости выявленных маркеров предупреждающего поведения. Перспективным для дальнейшего изучения маркеров предупреждающего поведения мы видим дополнительный анализ контекста, в котором употребляются те или иные маркеры, характерные для текстов стрелков. Без анализа контекста качественная интерпретация отдельных результатов (например, высказанных в текстах намерений) затруднительна.

Также считаем важным отметить, что прямое сравнение таких наборов данных, как тексты скулшутеров, с наборами текстов, не имеющих прямого отношения к теме скулшутинга, представляется не до конца корректным. Наборы текстов новостей, постов в социальных сетях и литературных произведений явным

образом не выступают примерами письменной коммуникации социальных групп, к которым относятся стрелки. Тем не менее именно разнородность происхождения этих текстов и выявленные отличия позволяют утверждать, что в текстах стрелков присутствуют значимые признаки, которые не являются общепринятыми для письменной коммуникации и, таким образом, выступают маркерами предупреждающего поведения.

Заключение

Результаты исследования письменной коммуникации скулшутеров и текстов, не имеющих отношения к скулшутингу, позволили провести сравнение и выявить следующие характерные особенности, которые являются маркерами предупреждающего поведения скулшутеров:

Во-первых, анализ наличия признаков когнитивных искажений позволяет сделать вывод, что тексты стрелков обладают значительно более выраженной персонализацией по сравнению с корпусом текстов, не имеющих прямого отношения к теме скулшутинга. Наличие признаков «навешивания ярлыков» характерно не только для текстов стрелков, но также для таких наборов, как SM.R.2 (коллекция сообщений Reddit) и Essay.2 (коллекция эссе), что ограничивает применимость этой отличительной черты как маркера предупреждающего поведения. В качестве перспективы для дальнейшего изучения видится выявление в тексте признаков, которые помогают понять, как происходят экстремальная переоценка убеждений скулшутерами и последующая нормализация идеи достижения цели насильственным способом.

Во-вторых, тексты скулшутеров содержат значительное количество признаков таких эмоций, как гнев и печаль. Исключением являются тексты анонимных признаний с платформы Reddit, в которых количество признаков гнева было сопоставимым. В иных наборах текстов социальных медиа и новостей признаков гнева было значительно меньше. Перспективным расширением наших знаний об эмоциональных переживаниях, которые влекут за собой совершение преступных действий, может служить изучение экзистенциальной озабоченности скулшутеров, воплощенной в смысловых конструкциях текстов. Мы полагаем возможным операционализировать и формализовать экзистенциальные проблемы, затем при помощи кодирования применить предварительно обученные модели анализа естественного языка для исследования текстов скулшутеров.

В-третьих, анализ намерений позволяет говорить о том, что в текстах стрелков наряду с асоциальными и деструктивными значительное место занимают намерения с явной положительной коннотацией. Наличие маркера такого противоречия в намерениях подтверждает гипотезу исследователей о социальном напряжении, которое скулшутеры испытывают на этапе планирования, соответственно применяя стратегии преодоления, выражающиеся в намерениях. Фактически превращение в скулшутера не происходит в одночасье, накапливается социальное напряжение, активизируется поиск способов его снять. Противоречие, которое мы выявили, усиливает актуальность поиска: (1) факторов, способствующих возникновению напряжения; (2) маркеров специфической предрасположенности

к делинквентному поведению в качестве механизма преодоления напряжения; (3) маркеров предрасположенности к самоконтролю в форме торможения — контролю над эмоциональными импульсами. Таким образом, выделим конструктивное направление для дальнейших исследований, в которых сосредоточимся на операционализации и формализации разработанных Р. Мертоном типов реакций на социальное напряжение. Полагаем, что это позволит разработать или адаптировать уже имеющиеся предварительно обученные модели анализа естественного языка для выявления факторов напряжения как предикторов социального напряжения и маркеров реакций на само напряжение.

Наконец, хотелось бы подчеркнуть, что для дальнейших исследований маркеров предупреждающего поведения необходимо расширить контент, собрать нетекстовый контент, такой как видео, аудио, фото, рисунки и т. п. Такое углубленное изучение сигналов предупреждающего поведения скулшутеров будет иметь высокую практическую объяснительную ценность, а также послужит основой для более глубокого исследования механизмов радикализации стрелков, в том числе с точки зрения их криминальной мотивации и социальной психологии.

Особо отметим, что маркеры предупреждающего поведения критически важны как для оценки угроз и разработки мер реагирования, так и для осуществления профилактики скулшутинга. В настоящий момент единые, унифицированные и эффективные профилактические методики и подходы отсутствуют. На уровне отдельных образовательных организаций и региональных департаментов образования имеются памятки, как правило, содержащие общую информацию о необходимости создания безопасной среды для обучающихся. Полученные в данном исследовании результаты имеют практическую значимость для предупреждения и профилактики скулшутинга, в том числе через анализ письменной коммуникации. Выявленные особенности письменной коммуникации, характерные для скулшутеров, могут послужить при разработке и выборе методов оценки психологического состояния обучающихся, памяток для родителей и самих учеников, а также в качестве основы для курсов повышения квалификации педагогического и административного персонала. В конечном итоге это будет способствовать лучшему пониманию механизмов, приводящих к скулшутингу, и разработке эффективных мер противодействия, соответствующих значимости угрозы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпова Анна Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, отделение социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский Томский политехнический университет. **Телефон:** +7 (3822) 701-777 (доб. 3713). **Электронная почта:** belts@tpu.ru

Савельев Алексей Олегович — кандидат технических наук, доцент, отделение информационных технологий, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский Томский политехнический университет. **Телефон:** +7 (3822) 701-777 (доб. 4413). **Электронная почта:** sava@tpu.ru

Третьяков Дмитрий Андреевич — магистрант, отделение информационных технологий, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский Томский политехнический университет. **Телефон:** +7 (3822) 701-777 (доб. 4413). **Электронная почта:** dat32@tpu.ru

---

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 3. P. 63–86. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.3.4

Research Article

ANNA YU. KARPOVA¹, ALEKSEI O. SAVELEV¹, DMITRI A. TRETYAKOV¹

¹ Tomsk Polytechnic University.

30, Lenin Avenue, 634050, Tomsk, Russian Federation.

AN INTERDISCIPLINARY EXPERIENCE IN THE STUDY OF SCHOOL SHOOTERS' WRITTEN COMMUNICATION TO IDENTIFY MARKERS OF WARNING BEHAVIOR

Abstract. The paper presents the results of an interdisciplinary study that aims to identify markers of warning behavior of school shooters' based on analyzing their written communication using computer linguistics methods. Characteristic features of school shooters' texts include the presence of signs of cognitive distortion – “personalization” – as well as such emotions as “anger” and “sadness”. In the texts of shooters, along with asocial and destructive intentions, intentions with a clear positive connotation also occupy a significant place. Provided in the study are the results of comparative analysis of significant markers of warning behavior of school shooters that are intrinsic to their written communication, as well as the results of processing open text data sets that are not directly related to the topic of school shooting, such as: text data from Reddit, Twitter; sets of texts from blogs devoted to criminal topics; collections of BBC news texts, articles from Medium's website; a collection of essays of psychology students from 1993 to 1996; a collection of works of literature presented on the Gutenberg project, etc. Significant features of the texts and inherent differences are emphasized. Directions are proposed for further research as part of solving the problem of identifying markers of warning behavior, using pre-trained models of natural language analysis.

Keywords: school shooting; school shooter; warning behavior; written communication; computational linguistics; natural language analysis.

For citation: Karpova, A.Yu., Savelev, A.O., Tretyakov, D.A. An Interdisciplinary Experience in the Study of School Shooters' Written Communication to Identify Markers of Warning Behavior. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 63–86. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.4

Acknowledgements. The research was supported by RSF (project No. 25-28-01153).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna Yu. Karpova — Doctor of Sociological Sciences, Profeccor, Tomsk Polytechnic University. **Phone:** +7 (3822) 701-777* 3713. **Email:** belts@tpu.ru

Aleksei O. Savelev — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Tomsk Polytechnic University. **Phone:** +7 (3822) 701-777* 4413. **Email:** sava@tpu.ru

Dmitri A. Tretyakov — postgraduate student, Tomsk Polytechnic University. **Phone:** +7 (3822) 701-777* 4413. **Email:** dat32@tpu.ru

---

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Карпова А.Ю. Проактивная система предотвращения инцидентов скулшутинга: что имеет значение? // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. № 2. С. 83–98. DOI: 10.19181/nko.2024.30.2.6 EDN: AKJJCVC

Karpova A.Yu. A proactive school shooting incident prevention system: what matters? *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 83–98. DOI: 10.19181/nko.2024.30.2.6 (In Russ.)

2. Карпова А.Ю., Чайковский Д.В. «Пост-Колумбайн эффект»: стохастический терроризм // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. Т. 22. № 2. С. 45–53.
Karpova A.Yu., Chaikovskii D.V. The “post-Columbine effect”: stochastic terrorism. *Vestnik Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta*. 2019. Vol. 22. No. 2. P. 45–53. (In Russ.)
3. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 93–108. DOI: [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920) EDN: [QLQYTP](https://elibrary.ru/qlqytp)
Karpova A.Yu., Maksimova N.G. School shooting in Russia: what matters? *Vlast'*. 2021. Vol. 29. No. 1. P. 93–108. DOI: [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920) (In Russ.)
4. Савельев А.О., Карпова А.Ю., Третьяков Д.А., Максимова Н.Г. Методы анализа письменной коммуникации скулшутеров для прогнозирования предупреждающего поведения // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2024): Труды Семнадцатой международной конференции. М.: Ин-т проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2024. С. 1399–1405. DOI: [10.1109/MLSD61779.2024.10739582](https://doi.org/10.1109/MLSD61779.2024.10739582) EDN: [OTFGVP](https://elibrary.ru/otfgvp)
Savelev A.O., Karpova A.Yu., Tretyakov D.A., Maksimova N.G. Methods for Analyzing School Shooter's Written Communication to Predict Warning Behavior. *Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnykh sistem (MLSD'2024): Trudy Semnadtsatoi mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow: Institute of Control Sciences of RAS publ., 2024. P. 1399–1405. DOI: [10.1109/MLSD61779.2024.10739582](https://doi.org/10.1109/MLSD61779.2024.10739582) (In Russ.)
5. *Averting Targeted School Violence*. Accessed 22.04.2025. URL: <https://www.secretservice.gov/sites/default/files/reports/2021-03/USSS%20Averting%20Targeted%20School%20Violence.2021.03.pdf>
6. Calhoun T., Weston S. *Contemporary Threat Management: A Practical Guide for Identifying, Assessing, and Managing Individuals of Violent Intent*. San Diego: Specialized Training Services, 2003. 280 p.
7. Chyi H.I., McCombs M. Media salience and the process of framing: Coverage of the Columbine school shootings. *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2004. Vol. 81 (1). P. 22–35. DOI: [10.1177/107769900408100103](https://doi.org/10.1177/107769900408100103)
8. Dietz P.E., Martell D. Commentary: approaching and stalking public figures — a prerequisite to attack. *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2010. No. 38. P. 341–348.
9. Fein R., Vossekuil B., Holden G. *Threat assessment: An approach to prevent targeted violence*. Accessed 22.04.2025. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles/threat.pdf>
10. Gaudette T., Petrie E.S., Chermak S.M., Freilich J.D. Media Coverage of School Shootings: A Distortion Analysis of Incident and Perpetrator Characteristics. *Crime & Delinquency*. 2023. DOI: [10.1177/00111287231211263](https://doi.org/10.1177/00111287231211263) EDN: [ELBTMR](https://elibrary.ru/elbtmr)
11. Hofmann D.C. How “Alone” are Lone-Actors? Exploring the Ideological, Signaling, and Support Networks of Lone-Actor Terrorists. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2020. Vol. 43. No. 7. P. 657–678. DOI: [10.1080/1057610X.2018.1493833](https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1493833)
12. Kaati L., Shrestha A., Sardella T. Identifying Warning Behaviors of Violent Lone Offenders in Written Communication. *2016 IEEE 16th International Conference on Data Mining Workshops (ICDMW)*. Barcelona: IEEE, 2016. P. 1053–1060. DOI: [10.1109/ICDMW.2016.0152](https://doi.org/10.1109/ICDMW.2016.0152)
13. Karpova A., Savelev A., Maksimova N. Modeling the Process of School Shooters Radicalization (Russian Case). *Social Sciences*. 2021. Vol. 10. No. 12. Article 477. DOI: [10.3390/socsci10120477](https://doi.org/10.3390/socsci10120477)

14. Kostinsky S., Bixler E.O., Kettl P.A. Threats of School Violence in Pennsylvania After Media Coverage of the Columbine High School Massacre. *Archives of pediatrics & adolescent medicine*. 2001. Vol. 155. No. 9. P. 994. DOI: [10.1001/archpedi.155.9.994](https://doi.org/10.1001/archpedi.155.9.994)
15. Langman P. Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders. *American Behavioral Scientist*. 2018. Vol. 62. No. 2. P. 210–228. DOI: [10.1177/0002764217739663](https://doi.org/10.1177/0002764217739663)
16. Langman P. *Warning signs: Identifying school shooters before they strike*. Allentown: Langman Psychological Associates, LLC, 2022. 242 p.
17. Lankford A., Madfis E. Media coverage of mass killers: Content, consequences, and solutions. *American Behavioral Scientist*. 2018. Vol. 62 (2). P. 151–162. DOI: [10.1177/0002764218763476](https://doi.org/10.1177/0002764218763476)
18. Liu Y., et al. RoBERTa: A Robustly Optimized BERT Pretraining Approach. *Arxiv*. Accessed 22.04.2025. URL: <https://arxiv.org/abs/1907.11692>
19. Maksimova N. Databases as an effective tool for analyzing and preventing school shooting incidents. *Science. Culture. Society*. 2022. Vol. 28. No. 4. P. 44–55. DOI: [10.19181/nko.2022.28.4.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.4)
20. Meindl J.N., Ivy J.W. Mass Shootings: The Role of the Media in Promoting Generalized Imitation. *American Journal of Public Health*. 2017. Vol. 107. No. 3. P. 368–370. DOI: [10.2105/AJPH.2016.303611](https://doi.org/10.2105/AJPH.2016.303611)
21. Meloy J.R., Hoffmann J., Roshd K., Guldimann A. Some warning behaviors discriminate between school shooters and other students of concern. *Journal of Threat Assessment and Management*. 2014. Vol. 1 (3). P. 203–211. DOI: [10.1037/tam0000020](https://doi.org/10.1037/tam0000020)
22. Meloy J.R., Hoffmann J., Guldimann A., James D. The Role of Warning Behaviors in Threat Assessment: An Exploration and Suggested Typology. *Behavioral Sciences and the Law*. 2012. Vol. 30 (3). P. 256–279. DOI: [10.1002/bsl.999](https://doi.org/10.1002/bsl.999)
23. Mizrahi-Werner J., et al. (2022). Pathways to School Shooting Subculture: Re-thinking Theory Across Strain, Imitation, and Digital Mediation. *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2022. No. 30. P. 21–38. DOI: [10.1007/s10610-022-09513-x](https://doi.org/10.1007/s10610-022-09513-x)
24. Muschert G.W. Research in school shootings. *Sociology Compass*. 2007. Vol. 1 (1). P. 60–80. DOI: [10.1111/j.1751-9020.2007.00008.x](https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2007.00008.x)
25. Newman K., Fox C. Repeat tragedy: Rampage shootings in American high school and college settings, 2002–2008. *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52 (9). P. 1286–1308. DOI: [10.1177/0002764209332546](https://doi.org/10.1177/0002764209332546)
26. Newman K.S., Fox C., Roth W., Mehta J., Harding D. *Rampage: the social roots of school shootings*. N.Y.: Basic Books, 2004. 432 p.
27. Paton N. Media participation of school shooters and their fans. Navigating between self-distinction and imitation to achieve individuation. 2012. *Emerald insight*. DOI: [10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007014](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007014)
28. Paton N., Figeac J. Expressive Violence: The Performative Effects of Subversive Participatory Media Uses. *ESSACHESS — Journal for Communication Studies*. 2015. No. 8. P. 231–256.
29. Peterson J., et al. An exploration of K-12 school shooting threats in the United States. *Journal of Threat Assessment and Management*. 2024. Vol. 11 (2). P. 106–120. DOI: [10.1037/tam0000215](https://doi.org/10.1037/tam0000215)
30. Peterson J., Densley J., Spaulding J., Higgins S. How mass public shooters use social media: Exploring themes and future directions. *Social Media + Society*. 2023. Vol. 9 (1). DOI: [10.1177/20563051231155101](https://doi.org/10.1177/20563051231155101)

31. Raffel C., et al. Exploring the Limits of Transfer Learning with a Unified Text-to-Text Transformer. *Journal of Machine Learning Research*. 2020. No. 21. P. 1–67.
32. Raitanen J., Oksanen A. Global online subculture surrounding school shootings. *American Behavioral Scientist*. 2018. Vol. 62 (2). P. 195–209. DOI: [10.1177/0002764218755835](https://doi.org/10.1177/0002764218755835)
33. Riedman D. Incidents per year 1970–2022. *K-12 school shooting database*. Accessed 22.04.2025. URL: <https://k12ssdb.org>
34. Safe school initiative: An interim report on the prevention of targeted violence in schools. *U.S. Department of Justice*. Accessed 22.04.2025. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/safe-school-initiative-interim-report-prevention-targeted-violence>
35. Tedeschi S., et al. WikiNEuRal: Combined Neural and Knowledge-based Silver Data Creation for Multilingual NER. *Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2021*. Stroudsburg: Association for Computational Linguistics, 2021. P. 2521–2533.
36. Towers S., et al. Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS One*. 2015. Vol. 10. No. 7. DOI: [10.1371/journal.pone.0117259](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0117259)
37. Vossekui B., Fein R., Reddy M., Borum R., Modzeleski W. Final Report and Findings of the Safe School Initiative: Implications for the Prevention of School Attacks in the United States. *U.S. Department of Justice*. Accessed 22.04.2025. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/final-report-and-findings-safe-school-initiative-implications>

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025; поступила после рецензирования и доработки: 08.07.2025; принята к публикации: 11.07.2025.

Received: 15.02.2025; revised after review: 08.07.2025; accepted for publication: 11.07.2025.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.5
EDN: JTLPND

Памяти Л.М. Дробижевой

Ю.В. ПОПКОВ¹

¹ Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН). 630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ: ОСМЫСЛЯ ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ Л.М. ДРОБИЖЕВОЙ

Аннотация. Представлен анализ личностного вклада Л.М. Дробижевой, одного из основоположников этносоциологии, в осмысление ее современных проблем, в том числе в русле общественно значимой проекции в сфере государственной национальной политики. В частности, актуализируются идеи Дробижевой о необходимости более четкой фиксации предмета этносоциологии; несоответствии нового, заимствованного в постсоветский период на Западе, терминологического аппарата традициям словоупотребления в отечественной науке, политической и повседневной практике; о полипарадигмальности в этносоциологии и множественности применения методологических средств как условия эффективной исследовательской деятельности; о невысоком статусе этносоциологии на фоне доминирующей ныне антропологии; важности структурирования и более глубокого изучения идентификационного пространства России; о нереализуемости установки на «деполитизацию этничности» в России; о повышении ответственности власти за решение фундаментальных социальных проблем, формирование и поддержание общенационального единства. По итогам проведенного анализа делается вывод о необходимости сохранения, а в некоторых случаях и возрождения позитивных отечественных научных традиций в этносоциологии; в частности, целесообразным представляется возвращение к понятиям «этносоциальные процессы», «сознание» и «самосознание» при обосновании и категоризации ее базового предметного поля. Важной является также ориентация на использование разных методологических ресурсов, которые нельзя ни абсолютизировать, ни противопоставлять. Развитие этносоциологии как относительно самостоятельного научного направления с особой предметной определенностью и концептуализация выделенных проблем могут способствовать укреплению позиций данного направления в системе социологических и этнологических знаний и служить лучшей памятью о Л.М. Дробижевой.

Ключевые слова: этносоциология; этносоциальные процессы; национальная политика; этносоциологическая школа Л.М. Дробижевой; новосибирская научная этносоциологическая школа.

Для цитирования: Попков Ю.В. Об актуальных проблемах этносоциологии: осмысляя идейное наследие Л.М. Дробижевой // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 87–99. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.5 EDN: JTLPND

Введение

Ситуация в этносоциологии, как и в других отраслях общественных наук, подчиняется действию определенных закономерностей, характеризующих, с одной стороны, внутреннюю динамику развития самой дисциплины, а с другой — подвижность той социальной реальности, которую она изучает. Кроме этого, важным представляется учет личностного фактора развития науки, позволяющего оценить вклад конкретного ученого в формирование ее потенциала и значимых достижений. В этносоциологии к выдающимся личностям, безусловно, принадлежат ее основатели, в том числе Л.М. Дробижева, которая ушла в 2021 г. — последней из их когорты.

Идеи, теоретико-методологические и практико-ориентированные выводы Леокадии Михайловны имеют прямое отношение к диагностике современного состояния этносоциологии, определению перспектив ее возможного развития и значимых политических проекций. Л.М. Дробижева была прямой ученицей и соратницей Ю.В. Арутюняна, но в то же время создала свою собственную этносоциологическую школу, имеет серьезные личные заслуги перед этносоциологией¹. Принципиально важно также, что знаменитый этносоциолог являлась не «кабинетным ученым», не абстрактным мечтателем, а неутомимым «полевиком», хорошо знавшим реальную жизнь людей, страны, ее народов, что весьма существенно для адекватного понимания происходящих в обществе сложных и неоднозначных этносоциальных процессов.

Л.М. Дробижева в последнее время проявляла особую обеспокоенность положением дел в родной для нее области научного знания, высказывала значимые оценки, фиксировала существующие здесь острые проблемы. Именно анализу таких вопросов, которые она фиксировала и которые составляли предмет ее озабоченности, посвящена настоящая статья. Насколько нам известно, такая задача не ставилась ранее применительно к анализу идейного наследия Леокадии Михайловны. Это представляется важным для диагностики современного состояния и определения перспектив этносоциологии как относительно самостоятельного научного направления. В двух предыдущих публикациях в журнале «Социологические исследования» [13; 14] мы обращались к идеям Л.М. Дробижевой, в данной статье представляем их развитие и обозначаем дополнительные акценты, значимые для проблематизации и актуализации дискурсивного поля этносоциологии, одновременно представляя и наше видение по существу выделенных вопросов.

¹ Из последних работ, в которых дается общий обзор научного наследия Л.М. Дробижевой, см.: [17; 18]. См. также ее собственное видеоинтервью: *Дробижева Л.М. О социологических школах.* — URL: <https://yandex.ru/video/preview/3518544145105760783> (дата обращения 25.05.2025).

Л.М. Дробижева о современных проблемах этносоциологии

Прежде всего следует сказать, что в одной из своих последних статей Леокадия Михайловна ставила предельно актуальную, на наш взгляд, проблему, суть которой четко обозначена во второй части ее названия «Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой» [4]. Несмотря на то что она исходно фиксирует внимание на проблеме деполитизации этничности, более фундаментальным является вопрос о степени соответствия произошедших в стране за последние 35 лет существенных изменений «в институциональном пространстве и теоретических представлениях об этническом» тому положению дел, которое существует в социальной реальности, в представлениях и терминологическом арсенале самих людей [4, с. 205].

В частности, Дробижева ведет речь о несоответствии нового понятийного аппарата (в рамках которого используются понятия «этничность», «идентификация», «категоризация» и др.), заимствованного у Запада после развала СССР, языку реальной научной, политической и повседневной практики («народ», «нация» — в этническом значении, «этническая общность» и др.) [4, с. 211]. В этой ситуации справедливо поставить вопросы: если в жизни люди говорят иным языком, то какова ценность новомодных теорий и соответствующих понятий? Насколько они являются адекватными для диагностики существующей реальности? А если фундаментальные идеи в рамках новых интеллектуальных конструкторов заложены в качестве парадигмальных оснований стратегических документов власти, то какова эффективность государственной политики, руководствующейся данными конструкторами? Эта проблема касается и основополагающего — также привнесённого — понятия «российская нация». На самом деле следует поддержать верную, на наш взгляд, позицию: «Навязать сверху наименование общности нереально. Можно формировать, утверждать что-то, если для этого есть основания, и лучше, чтобы это были привычные, понимаемые паттерны» [10, с. 10].

Что же касается собственно проблемы «деполитизации этничности», которая выражает проекцию этнической тематики на политическую сферу, то Леокадия Михайловна приводит аргументы, свидетельствующие о нереализуемости установки на «деполитизацию этничности» применительно к России, несмотря на соответствующие активные попытки влиятельных научных и политических деятелей. Об этом, в частности, свидетельствуют текст «Стратегии государственной национальной политики», а также внесенные в 2020 г. изменения в Конституцию Российской Федерации: в этих документах понятия «национальный» и «народ» употребляются не только в гражданском, но и в этническом (этнокультурном) смысле. Для характеристики противоречивости и неоднозначности (по своим последствиям) таких попыток Леокадия Михайловна вводит понятие «турбулентность деполитизации этничности», отмечая ее волнообразное проявление [4].

Л.М. Дробижева была озабочена судьбой этносоциологии, подчеркивая ее важное место среди других смежных дисциплин, каждая из которых вносит свой вклад в изучение этнической проблематики. При этом ученый фиксирует определенные сложности в отношениях представителей этих дисциплин, о чем свидетельствует следующая ее важная оценка: «Можно понять этнологов, которые с горечью пишут о кризисе в антропологии, примеряя на себя западные оценки состояния

науки, и их, может быть, досаду от того, что, помимо социально-культурной антропологии, есть этносоциология (она появилась раньше, на рубеже 1960-х – 1970-х гг.), этнодемография, этноэкология, этнопедagogика и еще 17 “субдисциплинарных кентавров”, как пишет В.А. Тишков. Удивительно только, почему к ним не отнесена этнополитика, учебник по которой издал Валерий Александрович» [4, с. 215]. Таким образом, можно сделать вывод, что этносоциология, как и многие другие направления, в названии которых присутствует терминологическая основа «этно-», не в чести у доминирующих ныне антропологов (социально-культурных антропологов).

Другая проблема, волновавшая Л.М. Дробижеву, — степень эффективности методологического арсенала этносоциологии, ее констатация господства социального конструктивизма: «Конструктивизм теперь — общая парадигма социальных наук, в той или иной мере разделяется большинством социологов, этнологов, этнополитологов» [4, с. 209]. При этом ученый выступает против упрощенного представления разработанной П. Бергером и Т. Лукманом концепции конструктивизма, в которой синтезированы идеи многих известных мыслителей: Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера и др. [4, с. 206]. Одновременно известно, что Леокадия Михайловна придерживалась, не отвергая конструктивизм и используя его в своих исследованиях, более системного и комплексного взгляда относительно методологических оснований этносоциологии, была активным сторонником полипарадигмальности, признавая, в частности, значимость других методологических средств познания, прежде всего примордиализма (опять же выступая против его примитивизации) и инструментализма, как их до сих пор принято обозначать в отечественной науке (см., например: [8]).

Один из фундаментальных для этносоциологии вопросов, который также волновал Дробижеву, касается предметной определенности. В свое время Леокадия Михайловна подчеркивала растущую актуальность данной проблемы следующим образом: «...сейчас, когда идут острые споры вокруг понимания этничности, этносоциологам важно четче позиционировать себя, в том числе для определения предмета своих исследований» [8, с. 17]. К настоящему времени ситуация с этим вопросом еще больше обострилась, что во многом связано с наступлением антропоцентризма в отечественном этнологическом дискурсе и с возникшими для этносоциологии реальными вызовами и угрозами (см. специальную статью с подробным анализом данной проблемы: [13]).

Что касается представлений Леокадии Михайловны, а также Ю.В. Арутюняна, Ю.В. Бромлея и О.И. Шкаратана о предмете этносоциологии, то они хорошо известны специалистам (см., например, соответствующий обзор: [2]), поэтому не будем на этом останавливаться. Отметим только, что этот предмет видится ими сквозь призму социологического взгляда на этнический феномен и в самом общем виде определяется как социальные процессы в этнических средах и этнические процессы в социальных группах. Еще более краткую формулу приводит С.В. Рыжова: «В работе Л.М. Дробижевой неизменно придерживалась основного принципа Юрия Вартановича: искать “этническое в социальном и социальное в этническом”» [17, с. 37]. Видимо, в русле такого представления организованные ФНИСЦ РАН в 2023 г. Дробижевские чтения имели название: «Этническое и социальное измерения». Это название сохранилось и для чтений 2025 г.

Определение предмета этносоциологии остается открытой фундаментальной проблемой, от решения которой, на наш взгляд, будет во много зависеть будущее данного научного направления (см. об этом подробно: [14]). Важно при этом отметить, что Л.М. Дробижева, фиксируя, как и некоторые другие авторы [2], дрейф этносоциологии «из междисциплинарного направления в отраслевую социологическую дисциплину» [9, с. 17] и «перемещение основной этносоциологической публикационной активности в социологические журналы», выражала надежду на активизацию публикаций по теоретико-методологическим вопросам дисциплины [9, с. 23]. К сожалению, до последнего времени этого не происходило в той мере, которой заслуживает обсуждаемая проблема.

Этносоциология, идентичность, российская нация

Л.М. Дробижева является признанным специалистом в исследовании проблем идентичности применительно к российскому обществу [3; 17]. Ее интерес к данной теме нельзя назвать случайным, если учесть тот факт, что проблема идентичности превратилась в одну из фундаментальных проблем современности в области социогуманитаристики. Но еще более значимой является свойственная Леокадии Михайловне ориентация на получение таких научных результатов, которые полезны для общества и власти, для нужд практики. Речь в данном случае идет об общественной потребности во всесторонней интеграции и консолидации российского общества, и проблема идентичности играет здесь важную роль. В отличие от многочисленных работ, характеризующих достаточно поверхностный — можно даже сказать, примитивный — взгляд на проблему идентичности, Л.М. Дробижева последовательно реализовывала синтезированный (с точки зрения использования разных методологических подходов) и многоуровневый (с точки зрения структурного представления) подход в исследовании российской идентичности. Этому вопросу, а также осмыслению и обобщению ее наследия по проблемам идентичности С.В. Рыжова посвятила специальную статью [17]. Автор, в частности, делает акцент на выделении в феномене идентичности когнитивной, эмоционально-ценностной и поведенческой составляющих [17, с. 44].

С учетом того что проблема идентичности рассматривается Дробижевой в более широком социальном контексте, чем это делают большинство исследователей, дополнительно сделаем акцент на трех принципиальных моментах. Во-первых, для Леокадии Михайловны исследование российской идентичности было важно не само по себе, а в связи с ее важной ролью в развитии общества, в частности, в перспективе его межэтнической интеграции и солидаризации. И ученый не ограничивается в этом вопросе ориентацией на конструктивистские построения и пропагандистские ресурсы. Во-вторых, в отличие от распространенной в западной и отечественной науке, а также в управленческой практике узкой интерпретации темы интеграции — лишь в связи с мигрантами, Леокадия Михайловна не сводит ее «исключительно к взаимодействию принимающего общества и мигрантов» [15, с. 25], но справедливо рассматривает применительно ко всему обществу. В-третьих, по убеждению ученого, «гражданская идентичность отражает интегрированность социального и полиэтнического пространства страны, схожесть установок людей различных национальностей» [15, с. 25].

Важно подчеркнуть: именно отражает! Иначе говоря, гражданская идентичность есть не только конструкт (на основе идеи российской нации), который некоторыми влиятельными исследователями и политиками воспринимается как исходная точка в консолидации общества², но и продукт существующих в обществе отношений, интеграционных (или дезинтеграционных) тенденций. Понятно, что идентичность имеет обратное воздействие на реальные процессы, но в конечном итоге она является вторичной по отношению к ним. Каковы процессы, такова и идентичность. Если есть проблемы с российской (и гражданской) идентичностью³, значит, не все в порядке с действительностью, которая не может меняться только в результате мощного информационного воздействия на людей и пропаганды идеи российской нации без реального укрепления единства и благополучия страны и ее населения. Опасной иллюзией является представление, что лишь с помощью массовой пропаганды тех или иных понятий можно построить новую российскую реальность.

Следовательно, важно учитывать не только влияние идентичности на общественное развитие, но и обусловленность самой идентичности объективными процессами. Такой подход реализуется не только самой Л.М. Дробизиной, но и ее учениками, последователями — например, Л.В. Сагитовой (которая при этом совершенно справедливо говорит не о конструировании идентичности, а о ее формировании [19], что не одно и то же) и С.В. Рыжовой (рассматривающей в неразрывном единстве процессы формирования идентичности и политической консолидации в их обусловленности ценностными основами и смыслами) [16].

Что касается понимания Леокадией Михайловной самой российской нации, то в отличие от конструктивистского ее представления и сведения к идентичности, которое, на наш взгляд, содержится в том числе в действующей «Стратегии государственной национальной политики» (см., например: [13, с. 51–52]), ученый дает более емкое и более комплексное, можно сказать, адекватное, представление: «Строительство российской нации — процесс весьма разносторонний. Это не только выстраивание государством соответствующих институтов, формулирование и распространение идеологием русского народа, его исторических оснований и базовых ценностей, но и освоение живущими в стране людьми гражданских ценностей и норм поведения, горизонтальных связей между гражданами различных национальностей, формирование у них ощущения общности, солидарности, ответственности за ситуацию в государстве, гражданской идентичности» [15, с. 24]. Одновременно речь должна идти об ответственности не только людей, но и самой власти за решение фундаментальных социальных проблем, а также за формирование и поддержание общенационального единства.

---

² Известно, например, что в качестве главной задачи национальной политики и основной меры укрепления гражданского единства сразу после событий на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. провозглашалась активная пропаганда гражданской нации и гражданской идентичности.

³ Факт кризиса гражданской идентичности зафиксирован даже в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/> (дата обращения 15.06.2025).

Примитивизм и явный непрофессионализм многих авторов, а также публичных политиков в вопросе идентичности проявляются, в частности, в том, что российская (которая часто неправомерно отождествляется с гражданской), региональная, этническая идентичности воспринимаются как альтернативные. Именно такой подход был на протяжении многих лет заложен в опросные методики, пожалуй, большинства исследователей. В качестве позитивной тенденции оценивалась ситуация, когда российская идентичность «вытесняет» этническую и прочие виды идентичности. На этом строились отчетные реляции об успешности реализации государственной политики в данной сфере. В результате создавалась иллюзия благополучия в этом важном государственном вопросе.

На самом деле ситуация с идентичностью гораздо более сложная и неоднозначная, о чем на протяжении многих лет писала Леокадия Михайловна, при том что в своих работах, следуя заданной официальной установке, тоже в основном акцентировала позитивную динамику общероссийской идентичности на фоне других ее видов. В своей последней статье, опубликованной в «Социологических исследованиях», она делает, в частности, справедливый вывод, о котором писала и ранее: «...этническая идентичность россиян остается очень устойчивой, причем у большинства населения она не конфликтует с общероссийской идентичностью, а совмещается с ней» [6, с. 49]. «Это, — продолжает она, — позволяет сделать вывод: представление о народе как о согражданстве, направленное на консолидацию социальных, пространственных и этнокультурных сообществ, реализующих свои интересы в экономике, политике и культуре, способствует обеспечению солидарности в стране» [6, с. 49].

Считаем, что данное положение можно конкретизировать, вернее, уточнить, следующим образом: актуализация представления о народе как о согражданстве только тогда может способствовать укреплению солидарности в стране, когда оно сопровождается консолидацией социальных, пространственных и этнокультурных сообществ, имеющих возможность реализовать свои интересы в экономике, политике и культуре. То есть нельзя, как отмечалось выше, ограничиваться пропагандой идеи российской нации и понимания российского народа как согражданства. Важно проводить такую экономическую и культурную политику, которая бы способствовала не только укреплению идентификационной составляющей отдельных личностей, но и повышению реального благополучия основной массы людей, духовно-практического потенциала этнокультурных сообществ, коммуникативных практик и проч.

В свою очередь, сама общероссийская идентичность понимается Леокадией Михайловной как имеющая внутреннюю структуру, где гражданский компонент не является единственным. К тому же в общественном сознании он вовсе не представлен высокими показателями [7]. На это обращают внимание не только Дробижева, но и ее ближайшие коллеги, в том числе по исследовательскому проекту «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения». Так, в монографии авторского коллектива, работавшего под руководством Л.М. Дробижевой, отмечается: «В современных условиях наиболее широко распространен тип государственной идентичности, связанный со страновыми и территориальными представлениями, и меньше — историко-культурный и гражданский» [15, с. 391] (см. также: [17, с. 46]).

Таким образом, если не отождествлять, с одной стороны, формальную российскую (или государственную, политическую) идентичность, а с другой — идентичность гражданскую, то напрашивается вывод о реально существующем кризисе последней как наименее выраженной у российского населения. Но это значит, что идея российской нации не овладела массами и гражданская нация не стала реальностью. Об этом прямо заявлял Э.А. Паин на одной из конференций, анализируя существующую ситуацию и подчеркивая, что «гражданственность подразумевает не просто признание себя гражданами той или иной страны, а соучастие в жизни самого государства, в формировании его основ»⁴. Вместе с соавтором он с учетом анализа конкретной информации делает весьма жесткую оценку, говоря о фактической профанации проекта гражданской нации [11, с. 174]. Видимо, неслучайно в некоторых последних государственных документах понятие «российская нация» не употребляется⁵.

Заключение

Завершая обзор идей и выводов Л.М. Дробижевой, значимых для осмысления существующих проблем в этносоциологии и проекции ее результатов в сфере государственной национальной политики, обратимся к следующему историческому факту. В свое время Леокадия Михайловна приводила важную оценку А. Тойнби, высказанную им в письме к советскому академику Н.И. Конраду: знаменитый британский ученый рассматривал нашу страну в качестве своеобразной модели мира с точки зрения разнообразия народов, языков и культур и полагал, что опыт СССР мог быть образцом для мира в целом [5, с. 3].

Добавим, что, как показывают результаты социологических исследований, в том числе проведенных научным коллективом отдела этнической социологии ФНИСЦ РАН под руководством Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецова, в нынешней ситуации востребованным является советский опыт консолидации общества, выступающий неотъемлемой составляющей исторического отечественного наследия [15, с. 391].

Таким образом, можно сказать, что «круг замкнулся»: пришли к необходимости того, от чего настойчиво отрекались в постсоветский период. Возникает закономерный вопрос: зачем мы отказывались от собственного опыта, а западные образцы использовали весьма избирательно и часто в угоду определенной политической конъюнктуре? Необходимый в этом деле баланс, без которого невозможно нормальное развитие научного знания, да и самой практики, был явно нарушен.

По итогам проведенного анализа напрашивается обобщающий вывод о необходимости сохранять, а в некоторых случаях и возрождать позитивные отечественные научные традиции в этносоциологии, естественно, не отказываясь при этом от разумного заимствования ценных зарубежных наработок. С учетом идей-

⁴ См. обзор его доклада на конференции: *Гарифуллин И.З.* Российскую нацию построить не удалось // Всетатарское общество краеведов. 04.05.2022. — URL: <https://tuganzhir.org/actual/rossiyskuyu-natsiyu-postroit-ne-udalos/> (дата обращения 15.02.2025).

⁵ См., например: Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения 15.06.2025).

ного наследия Л.М. Дробижевой и зафиксированных выше проблемных вопросов, на которые она обращала особое внимание, выделим три важных направления, заслуживающих развития.

Во-первых, в рамках рассуждения о предмете этносоциологии считаем целесообразным вернуться от этничности к понятию «этносоциальные процессы» как существенно значимому для этносоциологии. Об этом в свое время писали ее основоположники Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева, а также Ю.В. Бромлей, посвятивший данной теме специальную монографию. Их идеи получили комплексное развитие и концептуализацию в работах представителей новосибирской научной этносоциологической школы, рассматривающих в качестве предмета этносоциологии этносоциальные процессы в их субъектности, комплексности, системности и рефлексивности [14]. Адекватная категоризация — фундаментальное условие систематизации и формализации знания в социологии [20]. Эта задача является весьма актуальной и для этносоциологии.

Во-вторых, эвристический потенциал не потеряли традиционные для отечественного дискурса понятия «сознание» и «самосознание». В отличие от пришедшей к нам из западного научного дискурса идентичности, часто ассоциируемой с ситуационностью и контекстностью, этническое самосознание имеет более фундированные социокультурные основания. Кроме того, в своем системном представлении оно предполагает также самопознание (связь человека с прошлым, с происхождением, языком, культурой и т. д.). А самой теме идентичности, которая в ближайшее время, скорее всего, будет оставаться среди доминирующих, важно придать бóльшую концептуальную строгость, как это делала Л.М. Дробижева и продолжают ее ученики и коллеги, реализовывая соответствующие подходы. При этом важно учитывать, в частности, что идентичность, по нашему убеждению, — не субъективный, как считают большинство исследователей, а субъектный (то есть свойственный субъекту) феномен, характеризующий единство объективного и субъективного. Квалифицированный анализ существующих проблем в исследовании идентичности был дан недавно на заседании Научного совета отделения общественных наук РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике»⁶.

В-третьих, поддерживая представление Леокадии Михайловны о полипарадигмальности этносоциологии, следует ориентироваться на использование разных методологических ресурсов. Делать ставку исключительно на одно из таких средств, воспринимая его как единственно верное, означает явный отход от подлинной объективности и научности исследований. В связи с этим Л.С. Перепелкин считает существующее доминирование конструктивистского подхода в его русском изводе «либеральным тоталитаризмом», поскольку он пытается «вытеснить все другие подходы, то есть стремится прекратить конкуренцию идей» [1, с. 106]. Разные методологические средства нельзя ни абсолютизировать, ни противопоставлять. Каждое из них может оказаться полезным для решения вполне конкретных научных задач, в том числе этносоциологических⁷.

⁶ Научный совет ООИ РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике». — URL: https://www.isras.ru/institute_news.html?id=15052 (дата обращения 18.06.2025).

⁷ Например, для исследования этнической проблематики могут быть весьма полезными миросистемный подход и теория капиталов П. Бурдьё (см.: [12]).

Хотим быть правильно понятыми. Давая критический обзор актуальных для этносоциологии проблем, в том числе тем идентичности и конструктивизма, мы вовсе не отрицаем их важной роли в социальном познании и практической политике. Высокопрофессиональное идейное наследие Л.М. Дробижевой является свидетельством эвристического потенциала соответствующих концептуальных ресурсов. Так, было бы невозможно отрицать значимость интеллектуальных и социальных конструктов или идентичности в жизни отдельных людей, социальных групп и общества в целом, о чем мы неоднократно писали, подчеркивая при этом необходимость не просто констатации данного факта, а понимания того, как они возникают, какую роль и задачу выполняют, какие конкретно социальные субъекты за ними стоят и какие интересы они преследуют. Однако следует иметь в виду, что одного конструктивизма и исследования идентичности недостаточно, чтобы отразить действительность во всей ее сложности, многоплановости, неоднозначности и диалектичности. Таким образом, мы не отвергаем использование обозначенных теоретико-методологических средств, а выступаем против их абсолютизации, что нередко встречается в научной и политической практике.

Как представляется, лучшей памятью о Л.М. Дробижевой и свидетельством признания ее выдающихся заслуг перед этносоциологией будет развитие данного научного направления, в том числе по линии более четкой концептуализации обозначенных проблем и разработки значимых тематических направлений.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН). **Телефон:** +7 (383) 330-09-75. **Электронная почта:** yuripopkov54@mail.ru

---

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 3. P. 87–99. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.3.5

Research Article

YURI V. POPKOV¹

¹ Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IPLR SB RAS). 8, Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

ON CURRENT ISSUES OF ETHNOSOCIOLOGY:

UNDERSTANDING THE IDEOLOGICAL HERITAGE OF L.M. DROBIZHEVA

Abstract. The author analyzes the personal contribution of L.M. Drobizheva, one of the founders of ethnosociology, to understanding its contemporary pressing issues, including its projection in the sphere of state national policy. In particular, her ideas are highlighted pertaining to: the need for a clearer definition of the subject of ethnosociology; the discrepancy between the new terminological apparatus borrowed during the post-Soviet period from the West and the traditions of word usage in domestic science, political and everyday practice; polyparadigmality in ethnosociology and the multiplicity of application of methodological tools as a necessary condition for effective research activity; the low status of ethnosociology compared to the currently dominant anthropology; the importance of structuring and more in-depth study of the identification space of Russia; the utopianism of the notion of “depoliticizing ethnicity” in Russia; increasing the responsibility of the authorities when it comes to solving fundamental social problems, forming and maintaining national unity. Based on the results of the analysis, the author concludes that it is necessary to preserve, and in some cases, revive positive domestic scientific traditions in ethnosociology. He considers

it appropriate to return to the concepts of “ethnosocial processes”, “consciousness” and “self-awareness” when substantiating and categorizing its basic subject field. Also important is the focus on using different methodological resources that cannot be absolutized or opposed. The development of ethnosociology as a relatively independent scientific direction with special subject definition and the conceptualization of the problems identified can contribute to strengthening the position of this direction in the system of sociological and ethnological knowledge and serve as the best memory of L.M. Drobizheva.

Keywords: ethnosociology; ethnosocial processes; national policy; ethnosociological school of L.M. Drobizheva; Novosibirsk scientific ethnosociological school.

For citation: Popkov, Yu.V. On current Issues of Ethnosociology: Understanding the Ideological Heritage of L.M. Drobizheva. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 87–99. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.5

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri V. Popkov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IPLR SB RAS). **Phone:** +7 (383) 330-09-75. **Email:** yuripopkov54@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Алымов С.С., Перепелкин Л.С., Соколовский С.В., Тишков В.А., Шнирельман В.А., Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: размышления и комментарии // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 102–131. DOI: DOI: 10.31857/S0869541522060070 EDN: MRLFIG
Alymov S.S., Perepelkin L.S., Sokolovskiy S.V., Tishkov V.A., Shnirelman V.A., Verkhovtsev D.V. Ethnos Post-Mortem: Thoughts and Comments. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2022. No. 6. P. 102–131. DOI: 10.31857/S0869541522060070 (In Russ.)
2. Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 177–196. EDN: VBCHZX
Wiener B.E., Divisenko K.S. Russian ethnosociology: boundaries, research areas and research groups. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2015. Vol. 6. No. 4. P. 177–196. (In Russ.)
3. Губогло М.Н. Этносоциология: советские корни и постсоветская корона // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 454–469.
Guboglo M.N. Ethnosociology: Soviet roots and post-Soviet crown. *Ethnosociology yesterday and today*. Ed. and comp. by L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: IEA RAS publ., 2016. P. 454–469. (In Russ.)
4. Дробизжева Л.М. Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 202–224. DOI: 10.19181/ezheg.2020.9 EDN: QCKXDY
Drobizheva L.M. Depoliticization of Ethnicity: Between the Temptation of New Theories and Social Practice. *Reforming Russia*. 2020. No. 18. P. 202–224. DOI: 10.19181/ezheg.2020.9 (In Russ.)
5. Дробизжева Л.М. Духовная общность народов СССР: (Историко-социологический очерк межнациональных отношений). М.: Мысль, 1981. — 263 с. EDN: VKDFRD
Drobizheva L.M. *Spiritual Community of the Peoples of the USSR: (Historical and Sociological Essay on Interethnic Relations)*. Moscow: Mysl' publ., 1981. 263 p. (In Russ.)
6. Дробизжева Л.М. Опыт 1990-х гг. и управление культурным разнообразием // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 49–61. DOI: 10.31857/S013216250015254-2 EDN: XPLWQE

- Drobizheva L.M. Experience of the 1990s and Management of Cultural Diversity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 8. P. 49–61. DOI: DOI: [10.31857/S013216250015254-2](https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2) (In Russ.)
7. Дробизжева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115. DOI: [10.17976/jpps/2018.05.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09) EDN: YAEHZR
Drobizheva L.M. Russian identity: discussions in the political space and the dynamics of mass consciousness. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2018. No. 5. P. 100–115. DOI: [10.17976/jpps/2018.05.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09) (In Russ.)
8. Дробизжева Л.М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2005. С. 14–25. EDN: TTNCVW
Drobizheva L.M. Ethnosociology Today. Problems of Methodology of Interdisciplinary Research. *Interdisciplinary Research in the Context of Socio-Cultural Anthropology: Collection in honor of Yurik Vartanovich Arutyunyan*. Ed. by M.N. Guboglo. Moscow: Nauka publ., 2005. P. 14–25. (In Russ.)
9. Дробизжева Л.М. Этносоциология: от пограничной области исследований к отрасли социологии // Социологические исследования. 2018. № 6 (410). С. 17–29. DOI: [10.7868/S013216251806-001X](https://doi.org/10.7868/S013216251806-001X) EDN: XQOMLR
Drobizheva L.M. Ethnosociology: from the frontier research field to a branch of sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 6. P. 17–29. DOI: [10.7868/S013216251806-001X](https://doi.org/10.7868/S013216251806-001X) (In Russ.)
10. Дробизжева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24. DOI: [10.17976/jpps/2015.05.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.03) EDN: UJYYVB
Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Civic and Ethnic Identity and Perception of the Preferable State in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2015. No. 5. P. 9–24. DOI: [10.17976/jpps/2015.05.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.03) (In Russ.)
11. Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Проблемы гражданской нации в России и на западе: общее и особенное // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 1. С. 171–191. DOI: [10.23683/2218-5518.2018.1.171191](https://doi.org/10.23683/2218-5518.2018.1.171191) EDN: XWTUWT
Pain E.A., Fedyunin S.Yu. The problems of a civil nation in Russia and in the west: the general and the particular *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*. 2018. No. 1. P. 171–191. DOI: [10.23683/2218-5518.2018.1.171191](https://doi.org/10.23683/2218-5518.2018.1.171191) (In Russ.)
12. Персидская О.А. Воспроизводство этничности в миротехнологическом анализе и теории капиталов П. Бурдьё // Respublica Literaria. 2024. Т. 5. № 3. С. 137–153. DOI: [10.47850/RL.2024.5.3.137-153](https://doi.org/10.47850/RL.2024.5.3.137-153) EDN: RHDJVK
Persidskaya O.A. Reproduction of Ethnicity in World-System Analysis and the Theory of Capitals by P. Bourdieu. *Respublica Literaria*. 2024. Vol. 5. No. 3. P. 137–153. DOI: [10.47850/RL.2024.5.3.137-153](https://doi.org/10.47850/RL.2024.5.3.137-153) (In Russ.)
13. Попков Ю.В. Антропологический переворот и вызовы для этносоциологии (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 43–55. DOI: [10.31857/S0132162524090047](https://doi.org/10.31857/S0132162524090047) EDN: TAOHCB
Popkov Yu.V. Anthropological Revolution and Challenges for Ethnosociology (Invitation to Discussion). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024. No. 9. P. 43–55. DOI: [10.31857/S0132162524090047](https://doi.org/10.31857/S0132162524090047) (In Russ.)
14. Попков Ю.В. Будущее не только в настоящем, но и в прошлом: еще раз о предмете этносоциологии // Социологические исследования. 2024. № 12. С. 126–137. DOI: [10.31857/S0132162524120117](https://doi.org/10.31857/S0132162524120117) EDN: AHLFBL

- Popkov Yu.V. The Future Not Only in the Present, but Also in the Past: Once Again on the Subject of Ethnosociology. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2024. No. 12. P. 126–137. DOI: 10.31857/S0132162524120117 (In Russ.)
15. *Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика* / Л.М. Дробизиной, Е.М. Арутюнова, М.А. Евсеева [и др.]; Отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова. М: ФНИСЦ РАН, 2022. — 434 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022 EDN: WGDKEYE
Russian Identity and Interethnic Relations. Public Discourse and Social Practice. Ed. by I.M. Kuznetsov, S.V. Ryzhova. Moscow: FCTAS RAS publ., 2022. 434 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022 (In Russ.)
16. *Рыжова С.В.* Ценностные опоры российской идентичности в условиях внешних вызовов // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 56–66. DOI: 10.31857/S0132162524090053 EDN: LXDEQJ
Ryzhova S.V. Value Pillars of Russian' Identity Under Conditions of Foreign Challenges. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024. No. 9. P. 56–66. DOI: 10.31857/S0132162524090053 (In Russ.)
17. *Рыжова С.В.* Этносоциологическая школа Л.М. Дробизиной: формирование подходов к изучению российской идентичности // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2 EDN: DZDDQP
Ryzhova S.V. The Ethno-sociological School of L. Drobizheva: Developing Approaches towards the Study of all-Russian Identity. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 36–54. (In Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2 (In Russ.)
18. *Сагитова Л.В.* Звезды, которые не гаснут. Леокадии Дробизиной посвящается // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Л.М. Дробизиной / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 180–186. EDN: QCPBJR
Sagitova L.V. Stars That Never Go Out. Dedicated to Leokadia Drobizheva. In: *Positive Experience of Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation*. Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of L.M. Drobizheva. Ed. by G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, L.V. Sagitova. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan publ., 2022. P. 180–186. (In Russ.)
19. *Сагитова Л.В.* Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. — 360 с. EDN: OXMFSH
Sagitova L.V. *Republic of Tatarstan: identity politics and its actors*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan publ., 2018. 360 p. (In Russ.)
20. *Черныш М.Ф.* Категоризация как одна из форм теоретизирования в социологии // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 9–28. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1 EDN: LOMLVS
Chernysh M.F. Categorization as a Form of Theorizing in Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 9–28. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.03.2025; поступила после рецензирования и доработки: 24.06.2025; принята к публикации: 20.08.2025.

Received: 29.03.2025; revised after review: 24.06.2025; accepted for publication: 20.08.2025.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.6
EDN: OPOQDN

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ¹, П.А. АМБАРОВА¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

ПОКОЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ ВУЗОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА¹

Аннотация. Актуальность социологического осмысления феномена поколений образовательных общностей в вузах обусловлена необходимостью создания теоретических оснований поколенческих исследований в высшем образовании. Общая теория поколений нуждается в адаптации к особенностям поколенческой ситуации в высшей школе. Проблема, рассматриваемая в статье, заключается в отсутствии социологической трактовки поколений главных субъектов высшего образования — научно-педагогических и административно-управленческих работников, студентов — на понятийном уровне и как реального социального феномена. Цель статьи состоит в разработке теоретико-методологических положений, раскрывающих сущность феномена поколения вузовской образовательной общности с позиций социологии. В статье представлены методологические подходы к изучению поколений, релевантные для высшего образования. Дана трактовка понятия поколения образовательной общности в вузе в контексте классической теории К. Мангейма и теории социальной общности. Раскрыты основные общностнообразующие признаки поколения вузовской образовательной общности. Рассмотрены структура и функции поколений трех вузовских образовательных общностей.

Ключевые слова: теория поколений; высшее образование; вузовские образовательные общности; поколение вузовской образовательной общности; научно-педагогические и административно-управленческие работники вузов; студенты; функции поколений вузовских образовательных общностей.

Для цитирования: Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Поколения образовательных общностей вузов: социологическая интерпретация феномена // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 100–119. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.6 EDN: OPOQDN

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00206. URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>

Введение

Проблема поколений традиционно является одной из самых дискутируемых в социологии [13; 16; 26]. При этом изменения современного общества постоянно «подогревают» исследовательское внимание к ней, актуализируя разработку ее новых направлений. Так, процессы трансформации российского высшего образования стимулируют переосмысление феномена поколений в высшей школе. Среди предпосылок активизации интереса к обозначенной теме — тенденция старения академического сообщества [11; 18], с трудом преодолеваемая, несмотря на предпринимаемое на государственном уровне регулирование возрастной структуры вузов² и меры поддержки вузовской молодежи [6]. Кроме названной тенденции, исследователи отмечают признаки латентного кризиса поколенческих отношений и взаимодействий в вузах [1; 19], затрагивающего основные вузовские образовательные общности — научно-педагогических и административно-управленческих работников (НПР и АУР), а также студентов.

Понимание возможностей конструктивного регулирования поколенческих отношений в вузовской среде, максимально полного раскрытия в интересах вузов ресурсного потенциала разных поколений каждой образовательной общности базируется на концептуальной разработке проблемы поколений образовательных общностей. Социологическая интерпретация феномена поколений образовательных общностей выступает ядром концепции поколенческих взаимодействий образовательных общностей в российских вузах.

Несмотря на глубокое теоретическое осмысление и имеющиеся эмпирические исследования поколений на уровне общества, подобные социологические изыскания в сфере высшего образования не получили достаточного развития. Между тем поколенческая проблематика в высшей школе имеет свою специфику, обусловленную особенностями ее субъектов (образовательных общностей), основными видами их деятельности, способами внутри- и межобщностного взаимодействия.

Все эти обстоятельства актуализируют цель статьи, состоящую в социологической интерпретации феномена поколений вузовских образовательных общностей. Ее содержание составляет изложение следующих исследовательских вопросов: 1) трактовка понятия поколения образовательной общности в вузе; 2) рассмотрение основных общностнообразующих признаков поколения вузовской образовательной общности; 3) конкретизация структуры и функций поколений трех вузовских образовательных общностей — НПР, АУР и студентов.

Два методологических подхода к понятию поколения образовательной общности в вузе

В разработке понятия поколения образовательной общности в вузе³ мы исходим из представления о двух методологических подходах к пониманию поколения, сложившихся в социально-гуманитарном знании. Первый подход —

² Паспорт национального проекта «Наука и университеты». — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2022/06/%D0%9D%D0%9F%20%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0%20%D0%B8%20%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D1%8B.pdf> (дата обращения 31.07.2025).

³ Далее для краткости опустим в данном определении словосочетание «в вузе», по умолчанию понимая под образовательными общностями только вузовские образовательные общности.

продольный (лонгитюдный) — предлагает рассматривать поколение как некую общность людей, появление, функционирование и исчезновение которой отражают историческую динамику развития общества. Примерами поколенческих концепций, сформировавшихся в рамках данной методологии, являются концепция «поколений по годам» У. Штрауса и Н. Хау [28] и все современные варианты ее развития [3; 25], поколенческо-функциональный анализ российской социологии Б.З. Докторова [4].

Второй — поперечный — подход ассоциируется с социально-демографическим, поскольку он наиболее популярен в демографических исследованиях [21] и предлагает рассматривать условные поколения как группы людей, выделенные преимущественно по возрастному критерию и сосуществующие одновременно — в одном временном континууме. Именно в таком смысле Ю.А. Левада писал о возможности исследования «демографического поколения» [14].

Признавая ограниченность использования только одного демографического критерия (возраста), социологи обогатили данный подход иными социальными признаками поколения, в том числе такими, как единство социально-исторических или социокультурных условий формирования поколения как социальной общности, мировоззренческие установки, ценностные ориентации, образ жизни, сходный опыт и общая конфигурация жизненного пути [23, с. 3]. Приведем в качестве характерной для данной методологии трактовку понятия поколения М.Б. Глотова: «Поколение — объективно складывающаяся социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, объединенных границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени» [2, с. 42].

У обоих названных подходов в социологии единый родовой корень — теория поколений К. Мангейма [16]. Особенность его трактовки состояла в дуальном толковании поколения: с одной стороны, как возрастного феномена (основанного на биологическом ритме рождения и смерти, но не выводимого из него)⁴, а с другой — как особого объединения людей, сформировавшегося в одном историческом и социокультурном контексте на основе участия в общей судьбе. К. Мангейм отмечал, что поколение представляет собой местоположение «запечатленных в историко-социальном процессе “возрастных групп”», реальность которых определяется сменой поколений [16, с. 26] и усвоением формообразующих и интерпретативных принципов понимания и оценивания событий [16, с. 40]. К. Мангейм рассматривал не только историческую смену поколений как обязательное условие существования данного феномена, но и особенности взаимодействия поколений современников. К идеям К. Мангейма мы обратимся еще раз, когда перейдем к рассмотрению сущностных черт феномена поколения. Пока же отметим многозначность и богатство методологических установок поколенческого анализа, заложенных немецким социологом.

Для изучения поколений в контексте высшего образования привлекательны и первый и второй методологические подходы. В литературе (хотя и немногочисленной) приводятся результаты исследований студентов-шестидесятников, студен-

⁴ Говоря о возрасте, К. Мангейм писал о социологической уместности биологических факторов рождения и смерти как двух точек, определяющих возраст человека.

тов перестройки [24] и студентов-миллениалов [19] в рамках продольного подхода, иллюстрирующие динамику поколений студенчества, их историко-сравнительный анализ. В то же время встречаются исследования на основе поперечного подхода, объектом которых выступают молодое, среднее и старшее поколения такой вузовской общности, как НПР [11; 20].

Поколенческий анализ в обоих методологических направлениях не отличается системностью и охватом всех поколений. Кроме того, исследования опираются на общую теорию поколений, совершенно не адаптированную под контекст высшей школы. В лучшем случае в качестве теоретического компонента исследований в современных публикациях приводится обзор дефиниций общего родового понятия «поколение».

На наш взгляд, выбор методологического ракурса важен не только для того, чтобы разграничить в исследовании принципы первого и второго подходов, но и как раз для того, чтобы оценить возможности интеграции некоторых из них для «схватывания» и структурирования сущностных черт феномена поколений образовательных общностей во всем их многообразии. В этом плане ориентиром для нас служат интегративные по своему характеру идеи К. Мангейма.

Понятие поколения образовательной общности в вузе

Прежде чем представить авторское определение понятия поколения образовательной общности, обозначим условия, которые задают направление и границы нашего категориального анализа.

Во-первых, рассматриваемое понятие должно отражать ключевые социальные характеристики и особенности вузовских образовательных общностей, а именно НПР, АУР и студентов. При этом речь идет о характеристиках, универсальных для всех трех субъектов высшего образования. В то же время понятие поколения образовательной общности должно позволить в дальнейшем теоретическом и эмпирическом анализе конкретизировать эти характеристики и особенности в отношении каждой общности с учетом ее положения и продолжительности пребывания в системе высшего образования и в университетском сообществе, содержания академической деятельности.

Во-вторых, с опорой на идею К. Мангейма о значении возраста как естественной основы возникновения поколения (но не единственного основания для его существования как социального феномена), исходной методологией был выбран поперечный подход, согласно которому в университетском сообществе в качестве современников сосуществуют три поколения образовательных общностей — молодое, среднее и старшее. При этом важным направлением нашего анализа является поиск (пересмотр) тех важнейших социальных критериев, которые «социологически уместны» (по выражению немецкого социолога) для максимально полного описания феномена поколения образовательной общности в вузе.

Соответственно, в-третьих, предлагаемое понятие поколения образовательной общности должно указывать не только на возрастную схожесть его представителей, но и на схожесть их социокультурных характеристик и функций в системе поколенческих отношений и взаимодействий внутри вузовской среды. Если

К. Мангейм указывал на схожесть местоположения представителей поколения в социальном пространстве как на его исходную социальную основу (подчеркивая тем самым принцип структурного анализа), то в нашем исследовании предпринято такое направление поиска, которое связано с социальными ролями поколения (принцип функционального анализа). На наш взгляд, это может трактоваться как продолжение мангеймовской идеи рассматривать поколение как отражение социальной динамики (омоложение общества), социального процесса (изменения общества), социального действия (участие в «общей судьбе» поколения, обеспечение преемственности).

В-четвертых, помня о необходимости принятия наименования коллективного субъекта поколения и понимая ограниченность термина «объединение людей», будем опираться на теорию социальной общности. Работа К. Мангейма [16] и в этом случае служит для нас опорой, поскольку в ней прослеживается попытка поиска обобщающей категории наименования. Немецкий социолог рассуждал о возможности и невозможности назвать поколение социальной группой, социальной структурой, социальной общностью (в тённисовском понимании), но так и не сделал окончательного выбора наименования. Между тем в одной из заключительных глав своего очерка он без всяких пояснений называет поколение общностью. В нашем анализе предпринята попытка обосновать использование в поколенческом анализе термина «общность» с учетом современных положений теории социальной общности.

Обозначенные условия нашли отражение в нашей трактовке *поколения образовательной общности в вузе*, которое рассматривается нами как относительно единое и автономное объединение близких по возрасту представителей вузовской образовательной общности, имеющих схожие социокультурные характеристики (ценности, интересы, потребности), общие функции и положение в системе поколенческих отношений и взаимодействий в вузе.

В структуре каждой образовательной общности можно выделить три поколения (молодое, среднее и старшее) на основании критерия схожего возраста. В отличие от поколений в структуре общества, поколения образовательных общностей не подчиняются в прямом смысле биологическому ритму рождения, жизни и смерти и не могут состоять только из людей, рожденных в какой-то один календарный год. Поколения в вузе формируются благодаря социальным предписаниям, позволяющим индивидам на определенном этапе жизненного пути становиться частью университетского сообщества. Так, если не брать в расчет уникальные случаи поступления в университет 9–10-летних подростков, средний возраст первокурсников в настоящее время составляет 17–18 лет. Именно этот возраст можно считать нижней границей молодого поколения студентов. Так же условно обозначается нижняя граница молодого поколения НПР и АУР, которая сегодня приходится на возраст 24–25 лет, когда бывшие студенты становятся сотрудниками университета. Что касается верхней границы старших поколений образовательных общностей, то в условиях парадигм Life Long Learning и активного долголетия (в том числе профессионального) ее очерчивание является дискуссионным вопросом.

В целом определение границ молодого, среднего, старшего поколений студентов, НПР и АУР представляется сложной аналитической задачей. П. Бурдьё утверждал, что «профессиональный рефлекс социолога сразу должен подсказы-

вать, что любое возрастное деление условно» и что «в любом обществе рубеж между молодостью и старостью становится предметом борьбы» [27]. Во-первых, возрастные границы НПР, АУР и студенчества не совпадают: молодое (а также среднее и старшее) поколение студентов не тождественно молодому (среднему, старшему соответственно) поколению сотрудников вуза. Во-вторых, задача определения границ поколений может быть решена двумя способами: нормативным (например, законодательным установлением возраста молодого ученого) и конвенциональным. Последний также реализуется двумя путями: либо через легитимацию стереотипных представлений о границах возраста, сложившихся в университетском сообществе, либо через некую научную традицию, сложившуюся в сообществе исследователей высшего образования. Однако и в этом случае вопрос о границах возраста постоянно подвергается переинтерпретации.

Таким образом, зафиксированная в нашей дефиниции базовая характеристика-основание поколения (возраст) приобретает особое значение для трактовки реального поколения образовательной общности. Действительно, в данном случае можно говорить только о *схожем возрасте представителей поколения образовательной общности* и о *конвенциональности его возрастных границ*. Конкретизация этого параметра в отношении студенчества, НПР и АУР дает представление о сложной поколенческой структуре университетского сообщества, отнюдь не идентичной поколенческой структуре общества (хотя в каких-то аспектах и схожей с ней).

Более того, вопрос о границах поколений образовательных общностей приобретает сегодня на практике политико-управленческую окраску в связи с озабоченностью университетского менеджмента такими вопросами, как омоложение НПР, ограничение возраста топ-менеджмента университетов, тенденция «взросления» студенчества, выработка мер бесконфликтного ухода старшего поколения или социальные технологии успешного кадрового старения. Последние два аспекта становятся особенно актуальными в условиях стареющего общества, объективно испытывающего дефицит качественного человеческого капитала, в том числе в сфере высокопрофессионального труда.

Вслед за К. Мангеймом мы склонны называть объединение представителей поколения социальной общностью, точнее, *поколенческой общностью*, хотя этот термин и не использован в авторской дефиниции. Поскольку в определении уже присутствует упоминание НПР, АУР и студентов как вузовских общностей, мы стремились избежать тавтологии и нагромождения схожих по звучанию терминов. В действительности же поколение обладает общностнообразующими признаками в той же мере, в какой ими обладают его субъекты — образовательные общности. Поколения НПР, АУР, студентов есть разновидности социальной общности, если рассматривать их в качестве самостоятельного образования и структурного элемента вузовской образовательной общности.

К. Мангейм, пытаясь сделать выбор между социальной общностью и социальной группой, указывал, что поколения в структуре общества, с одной стороны, не связаны органическими связями (признак общности), а с другой — не имеют общей рациональной цели (признак группы и организации). В контексте нашего исследования проблема, которую решал Мангейм, отчасти снимается тем обстоятельством, что в пространстве вуза НПР, АУР, студенты оказываются внутренне объединены именно органическими связями, возникающими на основе эмо-

циональных непосредственных контактов, духовной близости и корпоративной солидарности. Современные исследователи полагают, что вытеснение таких органических связей рационализированными разрушает саму идею университета как социальной корпорации, размывает ее субъектность, способность к автономии, саморазвитию, саморегуляции [12; 17]. То есть кризис современного университета — это кризис общностных, органических связей как всего университетского сообщества, так и его отдельных элементов (например, научно-педагогического сообщества).

Общностнообразующие признаки вузовских поколений

Представления о признаках вузовских образовательных общностей, рассмотренные нами ранее [7, с. 102–110], можно экстраполировать на их поколения.

К основным признакам, присущим обоим видам социальных общностей (образовательной и поколенческой), можно отнести *доминирование в их образе жизни академической деятельности*. Ее особенности и содержание (в привязке к каждой конкретной образовательной общности) оказывают формообразующий и структурирующий эффекты на поколенческую общность, а именно задают ее границы, структуру внутр поколенческих групп (поколенческих секций, по Мангейму), их численность. Так, различия между поколениями студенчества в некоторой степени определяются уровнями и формами получаемого высшего образования. Молодое поколение (до 24 лет) — самое многочисленное — преимущественно составляют студенты бакалавриата и специалитета очной формы обучения. Среднее и старшее поколения (24–34 года и 35 лет и старше соответственно) — это студенты-заочники бакалавриата и магистратуры.

Особенности основных видов академической деятельности, осуществляемой НПП, АУР или студентами, определяют также характер межпоколенческих и внутр поколенческих отношений образовательных общностей. Например, вузовские научные и научно-педагогические школы или научное наставничество, в рамках которых осуществляются научные исследования и кадровое воспроизводство НПП, представляют собой важнейшие социальные институты, обеспечивающие межпоколенческую преемственность, трансфер научных ценностей, теоретических и методологических традиций. Кроме того, структурно-функциональный анализ поколений образовательных общностей показывает, что их функции (которые будут рассмотрены далее) — суть производные от доминирующих видов академической деятельности, характерных для разных поколений той или иной образовательной общности.

Другим важнейшим признаком поколенческой общности в вузе является ее *взаимодействие с иными поколениями собственной образовательной общности и с поколениями иных вузовских общностей*. Поведенческие модели поколения и его стратегии межпоколенческих взаимодействий — аналитические конструкты, позволяющие фиксировать и описывать автономность поколения как особого коллективного субъекта, способного вырабатывать надындивидуальные паттерны социального действия. Межпоколенческое взаимодействие обусловлено способами реагиру-

ния на присутствие и действия иных поколений, которые наработаны и «одобрены» поколенческой общностью. В этом взаимодействии проявляются поколенческая идентичность («наше поколение»), образ поколения, поколенческие авто- и гетеростереотипы, выступающие элементами поколенческого самосознания.

Рассматриваемый общностнообразующий признак тесно связан с конструированием межпоколенческого порядка в высшем образовании, который, в свою очередь, интегрирован в социальное пространство вуза. Взаимодействия молодого, среднего, старшего поколений НПР, АУР и студентов формируют и структурируют это пространство. Поскольку оно дифференцировано на сегменты (образовательный, научный, инновационный, общественно-публичный и др.), при наложении на них матрицы межпоколенческих взаимодействий трех образовательных общностей получим сверхсложное по своей «архитектуре» социальное образование. Исходя из логики теории П. Бурдьё, можно наблюдать в каждом сегменте вузовского пространства точки поляризации, напряжения, конкуренции или, напротив, сближения поколенческих общностей. Вузовское пространство предстает отнюдь не простым, однородным, унифицированным, а сложно структурированным и наполненным собственной социальной «драматургией».

Межпоколенческий порядок характеризуется диапазоном форматов поколенческих взаимодействий — от кризисных форм (межпоколенческий конфликт, межпоколенческая конкуренция и дискриминация) до консенсуса (межпоколенческая толерантность и солидарность, межпоколенческое сотрудничество и реципрокность). Особенностью данных форматов поколенческого взаимодействия образовательных общностей можно считать их реализацию в вузовской среде в двух плоскостях — повседневно-бытовой и профессионально-академической.

Повседневно-бытовое взаимодействие между поколениями образовательных общностей имеет много схожих черт с повседневно-бытовым взаимодействием поколений в обществе, которое подверглось инверсии и приобрело префигуративный характер. Что же касается профессионально-академического межпоколенческого взаимодействия, то в нем отчетливо проявляется специфика университетской среды, которая по-прежнему регулируется традиционными профессионально-этическими нормами, статусными правилами, институтом академического авторитета. Инверсия межпоколенческих отношений затрагивает здесь (бесконфликтно) лишь технологические аспекты. Попытки (в том числе политико-управленческие) изменить межпоколенческий порядок приводят к конфликтности и дисфункциональности высшей школы. По аналогии с институтом государственного управления, имеющим чрезвычайно устойчивый, консервативный характер, высшая школа как институт может сохранить себя благодаря классическому наследию и фундаментальному знанию [22, с. 285–301]. Их носителями и «хранителями» выступает старшее поколение, а восприимчивыми — младшее. Отказ от этих существенных черт высшего образования означает трансформацию его межпоколенческого порядка и, по сути, превращение высшей школы в новый социальный институт.

Два общностнообразующих признака поколения, рассмотренных выше, выполняют в основном формообразующую и структурирующую роль. Наряду с ними существуют признаки, соответствующие в определенном смысле понятию «энтелехия поколения» К. Мангейма, использованному им для обозначения специфического духовного «импульса», «опыта», «стиля», присущих каждому поколению.

Важнейшими признаками поколенческой общности в вузе выступают ее *сознание и самосознание*. Поколенческое сознание образовательной общности представляет собой понимание ее представителями своего места в университетском сообществе и в системе его поколенческих отношений и взаимодействий. Самосознание поколения образовательной общности — это осознание представителями данного поколения своей автономности от других поколений собственной или иных образовательных общностей как понимание целостности своей поколенческой общности, которой присущи определенные потребности, ценности, интересы, образ жизни.

Именно сознание и самосознание поколенческой общности концентрируют социокультурные характеристики (ценности, интересы, потребности), которые служат ее идентификаторами, а также фокусы поколенческой солидарности. Б. Дубин, определяя сущность поколения, указывал на нормативный характер поколенческого самосознания. Оно служит рамкой соотнесения себя с «другими “по горизонтали” — такими же, как и “ты”» [5, с. 47]. Для поколений образовательных общностей самоидентификация и образ своего поколения — это способ понимания ими своих целостности, автономности, отличия от других поколенческих общностей, осознания себя в качестве самостоятельного субъекта социального действия.

Если демографический возраст поколенческой общности в вузе задает ее границы объективно, то сознание и самосознание конструируют их символически. Этим объясняется тот факт, что некоторые пограничные внутр поколенческие группы (поколенческие секции) НПР и АУР чувствуют сильную близость к «соседним» поколениям и образуют так называемые «буферные», переходные поколения, микст-поколения. Сдвиги нормативных границ поколений (увеличение молодого и пенсионного возрастов) также способствуют расширению и размытости границ вузовских поколений, нарастанию внутр поколенческих различий в университетском сообществе.

Схожие условия формирования поколенческих общностей и понимание ими общих интересов, ценностей, «миссии» в системе межпоколенческих взаимодействий в вузе задают основания их идентификации с определенным поколением. Исходя из этого формируются специфический образ жизни поколения, его устойчивость и способность к воспроизводству, склонность к особым моделям поведения и взаимодействия с другими поколениями как внутри собственной образовательной общности, так и за ее границами.

Ресурсность выступает обязательным общностнообразующим признаком поколений образовательных общностей. Поскольку признаки поколенческой общности рассматриваются нами изоморфно признакам образовательной общности, представления о структуре ресурсности последней можно экстраполировать на поколение. Ресурсность поколенческой общности представляет собой запас актуальных и потенциальных ресурсов НПР, АУР и студентов [8]. Среди них в качестве универсальных для всех образовательных общностей можно выделить социально-демографический (численность, гендерный состав, особенности возраста), исследовательский и публикационный, морально-нравственный, коммуникативный (социальные связи), символический, темпоральный ресурсы.

Поколения НПР также характеризуются наличием таких ресурсов, как научно-педагогическая квалификация, научные коллективы (в том числе научные школы), наставничество, образовательно-педагогический ресурс. Специфическими для поколений студентов являются когнитивные (предметные и метапредметные компетенции, востребованные в их образовательной и научно-исследовательской деятельности), поведенческие (образовательная и достижительная мотивация, способность к профессиональному самоопределению, ценностное отношение к учебному труду), а также предиктивные (здоровье, культурный, нравственный, социальный капитал) ресурсы [9]. Особыми для поколений АУР можно считать объем управленческой (административной) власти, право обладать и распоряжаться ею, профессиональные компетенции в области университетского управления и образовательной политики, социально-психологические ресурсы, востребованные в административно-управленческой деятельности (деловитость, предрасположенность к управленческой работе, лидерство, инновационность и готовность к рискам, системное мышление).

Ресурсность поколений образовательных общностей служит важным маркером межпоколенческих различий и, соответственно, одним из направлений их сравнительного анализа. Ресурсность разных поколений обеспечивает способность образовательных общностей к выполнению тех видов академической деятельности, в которые они вовлечены. Кроме того, ресурсность влияет на поколенческие взаимодействия (внутри- и межобщностные) и определяет статус поколенческой общности в иерархической структуре университетского сообщества.

Для НПР, АУР и студентов общностнообразующим признаком является их способность к *идентификации себя с одним из главных субъектов вузовской жизнедеятельности*. На уровне поколенческой общности этот признак трансформируется в идентификацию поколений НПР, АУР или студентов с определенной функциональной ролью в системе поколенческих отношений, а также в особое качество — субъектность поколения.

Под субъектностью поколений вузовских образовательных общностей понимается активность поколенческой общности в вузе, ее общая способность к сохранению целостности и относительной автономности, к самоорганизации, самоконтролю и самовоспроизводству. На наш взгляд, молодое, среднее и старшее поколения вузовских общностей могут иметь разные проявления субъектности, конкретизирующиеся в функциях. Функции поколения образовательной общности представляют собой набор задач, которые реализуются в системе внутри- и межпоколенческих отношений, складывающихся в вузе и в целом в высшем образовании. Сформированная субъектность и функциональная зрелость поколенческой общности в вузе могут выражаться в самоприписывании ему особого статуса и роли основного «игрока», «столпа» университетского сообщества.

Анализ ключевых признаков поколенческих общностей в вузе формирует теоретическую рамку исследования поколений НПР, АУР и студентов в российских вузах. Благодаря ей в двух заключительных разделах статьи можно представить (хотя бы в общих чертах) структуру и функции этих поколений и наметить программу их эмпирического исследования.

Поколенческая структура образовательных общностей в российских вузах

Поколенческая структура современного вуза образована тремя поколениями — молодым, средним и старшим. Каждая вузовская образовательная общность — НПР, АУР и студенчество — характеризуется таким поколенческим устройством. Исходя из представлений об общностнообразующих признаках поколений, предлагаем отнести к молодому поколению студентов учащуюся молодежь до 23 лет, к среднему — в возрасте 24–34 лет, к старшему — в возрасте 35 лет и старше. Возрастные границы НПР и АУР можно унифицировать, если отнести к молодому поколению представителей этих общностей в возрасте до 35 лет, к среднему поколению — в возрасте 35–59 лет, к старшему — в возрасте 60 лет и старше. Детальное обоснование установления таких границ требует отдельной публикации, тем не менее обозначим общие причины такого подхода в нашем исследовании.

Прежде всего, отметим, что в соответствии с методологией поперечного исследования мы оперируем понятием «условное поколение», что позволяет в качестве первичного признака выбрать возраст представителей образовательной общности. Кроме того, границы поколений студенчества связываем с особенностями их образовательной деятельности, которые, как правило, коррелируют с возрастом и естественным образом объединяют студентов в поколенческие общности. Как было отмечено, подавляющее большинство студентов получают первое высшее образование по программам бакалавриата или специалитета по очной форме сразу после окончания школы. Среднее поколение студенческой молодежи приходит в вуз после 24–25 лет либо на заочные программы бакалавриата, либо в очную и заочную магистратуру. Что касается старшего поколения студентов, то оно получает исключительно заочное образование в силу семейной и трудовой занятости. Принимая во внимание установленную российским законодательством возрастную границу молодежи в 35 лет, полагаем, что нижнюю границу старшего поколения студентов (которое в зарубежных вузах именуют «нетрадиционным», то есть нетипичным) можно установить в этой возрастной точке.

Возрастные границы НПР и АУР привязаны нами прежде всего к нормативно установленным в России границам молодежного⁵ и пенсионного⁶ возрастов. Мы учитываем смещение этих двух границ примерно в пять лет (с 30 до 35 лет и с 55 до 60 лет) в связи с тенденцией старения населения страны в целом и академического сообщества в частности. Неслучайно В.Ф. Пугач считает, что академическое сообщество в России — одно из самых «зрелых» среди занятого населения [18]. Мы также ориентируемся на тот факт, что академическое сообщество сильно феминизировано (доля женщин в его структуре около 60%), следовательно, разумно было бы привязать границу старшего поколения к пенсионному возрасту женщин.

В таком подходе к установлению возрастных границ поколений видим расхождение с регулирующими управленческими решениями в отношении возрастной структуры НПР. Методика расчета показателей мониторинга эффектив-

⁵ О молодежной политике в Российской Федерации. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения 01.05.2025).

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий. Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения 21.06.2025).

ности вузов всегда содержала такой показатель, как доля НПР в молодом возрасте. В последние годы он постоянно корректировался. Так, в приказах Минобрнауки 2017 и 2020 гг. говорится об удельном весе численности лиц (педагогических работников) в возрасте до 30 лет в общей численности ППС⁷. В приказе Минобрнауки от 2024 г. он формулировался как доля работников в возрасте до 39 лет в общей численности НПР⁸. В мониторинге эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования с 2013 г. учитывается удельный вес численности НПР без ученой степени — до 30 лет, кандидатов наук — до 35 лет, докторов наук — до 40 лет в общей численности НПР⁹.

Анализ статистических данных Минобрнауки РФ показал, что в 2024 г. в вузах России работало всего 233 864 НПР. Среди штатных сотрудников было 216 520 человек профессорско-преподавательского состава (ППС) и 17 344 научных работника¹⁰.

В 2024 г. молодое поколение НПР включало 37 651 человека (16%), среднее — 131 793 человека (56%), старшее — 64 420 человек (28%). Нетрудно обнаружить, что в поколенческой структуре НПР доминирует среднее поколение, а удельный вес молодого поколения намного меньше плановых показателей (40% молодежи в общей численности ППС и 47,5% в составе научных работников), установленных в паспорте национального проекта «Наука и университеты»¹¹. В целом численность молодого поколения НПР сократилась за последние 10 лет на 4% (с 20% в 2015 г. до 16% в 2024 г.). Это произошло из-за сокращения доли ППС, при этом доля научных работников молодого поколения за указанный период увеличилась с 12 до 19%, видимо, благодаря государственной поддержке молодых ученых.

⁷ Об утверждении показателей мониторинга системы образования (с изменениями и дополнениями). Приказ Министерства образования и науки РФ от 22.09.2017 № 955 // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/71787160/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=mdojob0hnmh537125952>; Об утверждении показателей мониторинга системы образования в установленной сфере ведения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Приказ Минобрнауки России от 22.12.2020 № 1566. — URL: <https://i-exam.ru/sites/default/files/sites/default/22.12.2020%20N%201566.pdf> (дата обращения 29.07.2025).

⁸ Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 08.07.2024 № 441 // Гарант. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395399/?ysclid=mdojwepch784860377> (дата обращения 29.07.2025).

⁹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. — URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2023> (дата обращения 31.07.2025).

¹⁰ Здесь и далее указаны результаты расчетов по данным формы № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения 31.07.2025).

¹¹ Паспорт национального проекта «Наука и университеты». — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2022/06/%D0%9D%D0%9F%20%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0%20%D0%B8%20%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D1%8B.pdf> (дата обращения 31.07.2025).

По данным на 2024 г., общая численность АУР составила 110 021 человека, включая 22 113 человек руководящего состава разного уровня¹². Количество АУР из категории руководящего состава за 10 предыдущих лет (с 2015 по 2024 г.) сократилось на 33%. Численность поколений АУР выглядит следующим образом: молодое — 26 338 человек (23,9%), среднее — 54 618 человек (49,6%), старшее — 29 065 человек (26,5%). Если рассматривать только группу руководителей, то ее поколенческая структура выглядит несколько иначе: молодое поколение — 274 человека (1%), среднее — 14 011 человек (63%), старшее — 7 828 человек (36%). Следовательно, доли среднего поколения в общностях НПР и АУР сопоставимы, и они доминируют в структуре той и другой образовательных общностей. Наибольшие колебания численности АУР за последние 10 лет наблюдались среди представителей молодого поколения АУР: их общее количество уменьшилось на 3%.

Анализ количественных характеристик студенчества в 2024 г. показал, что сохраняется высокий интерес молодежи к высшему образованию. Общая численность студенчества в указанном году составляла 4 431 687 человек. Соотношение студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры — соответственно 2 950 895 (66,6%), 901 130 (20,3%) и 579 662 человека (13,1%). Поколенческую структуру студенчества в 2024 г. составили 72% представителей молодого поколения, 20% — среднего, 8% — старшего.

Из приведенных данных следует, что студенчество продолжает оставаться самой многочисленной вузовской общностью. Однако очевидно и другое: оно более не обладает статусом исключительно молодежной общности, поскольку 8% студентов — старше 35 лет, то есть выходят за верхнюю нормативно установленную возрастную границу молодежи¹³.

Имеет смысл обратить внимание еще на одно важное обстоятельство: наименьшую долю студентов магистратуры в составе всей общности в сравнении с другими группами студенчества. Дело в том, что именно эти студенты своей относительной немногочисленностью (и не всегда высоким качеством получаемого образования) ослабляют «поколенческую» роль среднего и старшего поколений всей общности, поскольку выступают (должны выступать) основой кадрового резерва вузовской науки.

Функции поколений образовательных общностей в вузе

Рассмотрение поколений образовательных общностей как социального феномена предполагает не только его структурную, но и функциональную характеристику. Структурно-функциональный анализ поколений образовательных общностей помогает понять как поколенческое устройство университетского сообщества, так и предназначение каждого его структурного компонента. Вопрос К. Мангейма «что может дать нам молодежь и что может ждать от нас молодежь?»

¹² Численность АУР рассчитывалась по показателям численности работников из категории руководящего персонала, в том числе по должностям ректора, проректора, президента, директора филиала (высший уровень управления), директора института, декана факультета (средний уровень управления), заведующего кафедрой (нижний уровень управления).

¹³ О молодежной политике в Российской Федерации. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения 01.05.2025).

[15, с. 441], обозначенный в книге «Диагноз нашего времени», можно немного перефразировать, говоря о функциях поколения: «Что может дать нам каждое поколение и что может ждать от нас каждое поколение?»

Мы исходим из понимания социальных функций поколенческих общностей в вузе как производного от двух признаков: их внутри- и межпоколенческого (внутри- и межобщностного) взаимодействия, а также субъектности поколений НПП, АУР и студентов. Смысл поколенческих функций заключается в способности поколенческой общности осуществлять изменения в других вузовских общностях (образовательных и поколенческих), в университетских процессах и структурах. Кроме того, важное влияние на поколенческие функции оказывает третий общностнообразующий признак — разный характер включенности в различные виды академической деятельности. Он во многом определяет содержание функций поколений.

На рисунке представлены ключевые функции поколений образовательных общностей, выделенные нами в ходе теоретического анализа [10] и верифицированные в полуструктурированном интервью с НПП и АУР в мае — июле 2025 г.¹⁴

Структурно-функциональный взгляд на поколенческие общности в вузе позволяет проанализировать происходящие в российских вузах трансформации возрастной структуры, а значит, и их поколенческого устройства. Такой анализ, с одной стороны, включает количественные параметры поколенческой структуры вуза, а с другой — отражает ее качественное измерение, в частности, выводит на сравнительный анализ функций поколенческих общностей во взаимосвязи с их ресурсностью.

Обратим внимание на соединение в нашей социологической трактовке поколения образовательной общности двух равноважных характеристик — количественных и качественных. На наш взгляд, это соответствует классическому подходу к пониманию поколения, предложенному К. Мангеймом, однако не всегда реализуемому в исследованиях. Чаще всего в них доминируют какие-то одни признаки (как правило, количественные, которые «разбавляются» качественными).

---

¹⁴ Методом сбора информации было полуструктурированное интервью, сфокусированное на проблемах взаимодействия поколений в университетском сообществе. В качестве информантов выступили представители общностей НПП и АУР вузов УрФО ($n = 41$ человек). Отбор представителей НПП ($n = 20$ человек) осуществлялся в соответствии с тремя критериями: работа в вузе, расположенном в регионе УрФО, тип вуза, дисциплинарный профиль. Отбор представителей АУР ($n = 21$ человек) осуществлялся также по трем критериям: работа в вузе, расположенном в регионе УрФО, тип вуза, уровень управления. Количественные параметры выборки определялись моментом получения повторяющейся информации. Гайд интервью включал блоки вопросов, нацеленных на выявление общих проблем межпоколенческих взаимодействий в университете (в том числе понимания информантами феномена университетских поколений), проблем межпоколенческих взаимодействий в общностях НПП и АУР, возможностей регулирования межпоколенческих взаимодействий в вузах.

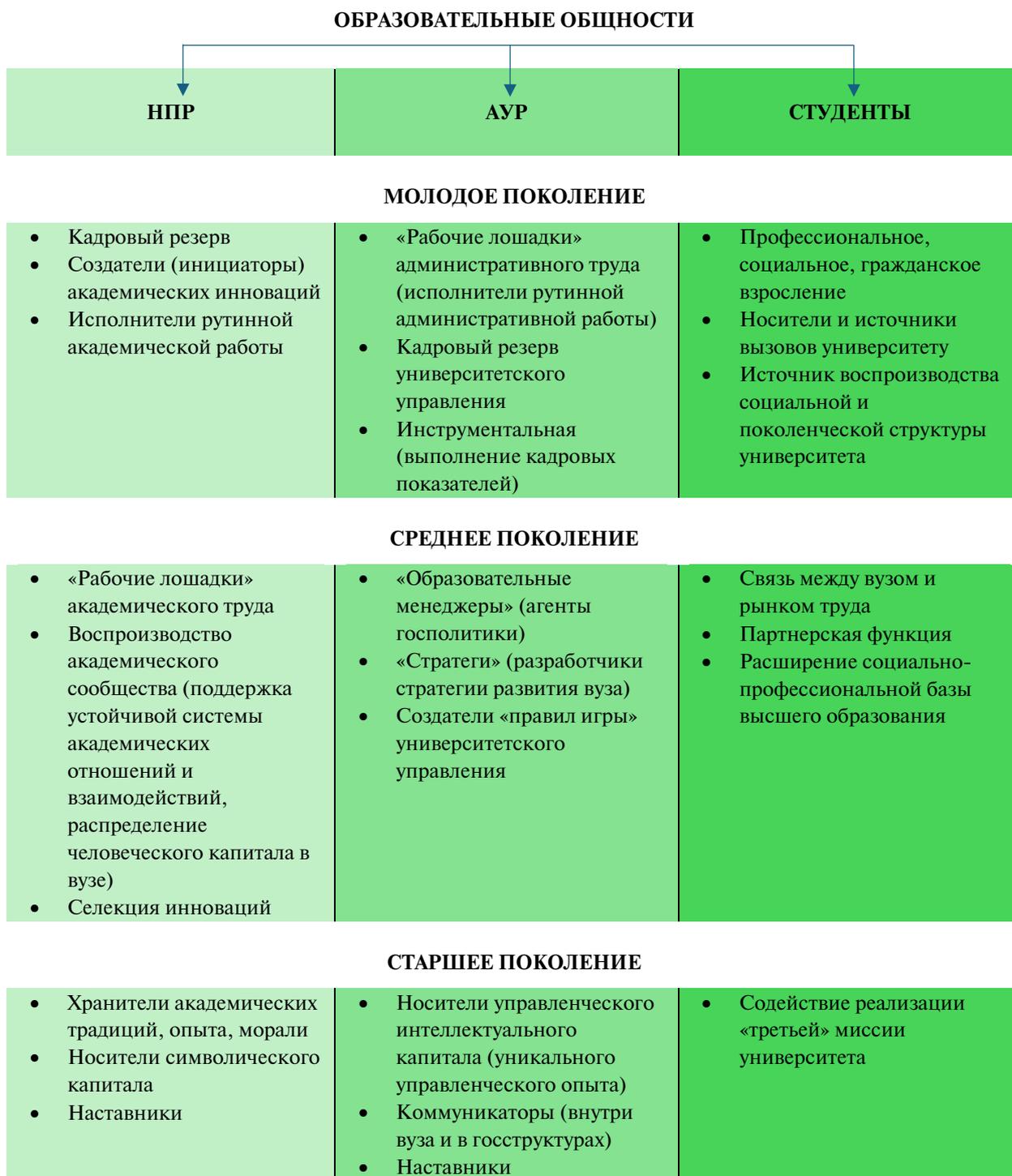

Рис. Функции поколений НПР, АУР и студентов

Заключение

Социологическая интерпретация любого социального феномена предполагает два ее вида — теоретическую и эмпирическую. В данной статье, предметом которой являлась социологическая интерпретация поколений образовательных

общностей российских вузов, был представлен преимущественно теоретический взгляд на проблему, при этом в эмпирическом плане рассмотрены лишь структура и функции поколенческих общностей в вузе. Тем не менее ключевые теоретические положения, базирующиеся на теории поколения К. Мангейма и усиленные современной теорией социальной общности, задают программу эмпирического исследования поколений ключевых вузовских общностей — НПП, АУР и студентов.

Социологическая интерпретация феномена, осуществляемая на теоретическом уровне, означает его истолкование, определение содержания и предметное раскрытие проблемы. В известном смысле можно говорить о теоретической операционализации феномена, предполагающей переход от определений понятий, выбранных для исследования, к их конкретному анализу, обеспечивающему прирост научного знания и повышение возможностей его использования в повседневных вузовских практиках.

Социологическая интерпретация рассматриваемого феномена может быть реализована также в рамках построения определенного сюжета, когда на основе конкретных данных предлагается некое объяснение, обобщенное высказывание, авторская трактовка. Следовательно, социологическая интерпретация связана с выявлением содержания и структуры поколенческой общности в вузе (и понятия, его отражающего), взаимосвязи и взаимовлияния составляющих ее компонентов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** garoldzborovsky@gmail.com

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** borges75@mail.ru

---

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 3. P. 100–119. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.3.6

Research Article

GAROLD E. ZBOROVSKY¹, POLINA A. AMBAROVA¹

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. bl. 19, Mira st., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

GENERATIONS OF UNIVERSITY EDUCATIONAL COMMUNITIES: SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF THE PHENOMENON

Abstract. The relevance of the sociological understanding of such a phenomenon as “generations of educational communities in universities” stems from the need to create theoretical foundations for generational research in higher education. The general theory of generations needs to be adapted to the specifics of the generational situation in higher education. The problem discussed in this article has to do with the lack of a sociological interpretation of the generations of the primary subjects of higher education — academic, administrative staff, students — at a conceptual level and as a real social phenomenon. The purpose of the article is to develop theoretical and methodological provisions that reveal the essence of the phenomenon of the generation of the university educational community from a sociological perspective. The article presents methodological approaches towards studying generations that are relevant to higher

education. The concept of the “generation of the educational community at the university” is interpreted in the context of the classical theory of K. Mannheim and the theory of social community. The main community-forming features of the generation of the university educational community are revealed. The structure and functions of generations of three university educational communities are considered.

Keywords: theory of generations; higher education; university educational communities; generation of the university educational community; academic and administrative staff of universities; students; functions of generations of university educational communities.

For citation: Zborovsky, G.E., Ambarova, P.A. Generations of University Educational Communities: Sociological Interpretation of the Phenomenon. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 100–119. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.3.6](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.6)

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 25-18-00206, <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Garold E. Zborovsky — Doctor of Sociological Sciences, Research Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.com
Polina A. Ambarova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** borges75@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Галынская Ю.С., Звягинцев В.В., Коростелева Н.А. Управление межпоколенческим конфликтом в образовательном пространстве вуза // Теория и практика общественного развития. 2021. № 7. С. 26–33. DOI: [10.24158/tipor.2021.7.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.7.3) EDN: LPJFNZ
 Galynskaya Yu.S., Zvyagintsev V.V., Korosteleva N.A. Managing the intergenerational conflict in the educational space of the university. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2021. No. 7. P. 26–33. DOI: [10.24158/tipor.2021.7.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.7.3) (In Russ.).
2. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–48. EDN: OWMZGP
 Glotov M.B. Generation as a category of sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004. No. 10. P. 42–48. (In Russ.).
3. Дзахова Л.Х., Бадова Л.А. Эстафета поколений в элитологическом измерении // Власть. 2017. Т. 25. № 2. С. 116–122. EDN: YULLEJ
 Dzakhova L.H., Badova L.A. The relay race of generations in the elitist dimension. *Vlast'*. Vol. 25. No. 2. P. 116–122. (In Russ.).
4. Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание. М.: ЦСПиМ, 2014. Дата обращения 30.06.2025. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>
 Doktorov B.Z. *Biographical interviews with fellow sociologists*. 4th ed. Moscow: TSSP publ., 2014. Accessed 30.06.2025. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385> (In Russ.)
5. Дубин Б.В. Поколение. Социологические и исторические границы понятия // Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М.: Новое изд-во, 2004. С. 47–58. EDN: XMZRCF
 Dubin B.V. Generation. Sociological and historical boundaries of the concept. *Intellectual groups and symbolic forms: Essays on the sociology of modern culture*. Moscow: Novoe izdatel'stvo publ., 2004. P. 47–58. (In Russ.)
6. Жарова Е.Н., Агамирова Е.В. Мониторинг инструментов финансовой поддержки молодых исследователей в России // Управление наукой и наукометрия. 2020. Т. 15. № 3. С. 356–409. DOI: [10.33873/2686-6706.2020.15-3.356-409](https://doi.org/10.33873/2686-6706.2020.15-3.356-409) EDN: KSSYXG

- Levada Yu.A. Generation of the XX century: research opportunities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2001. No. 5. P. 7–14. (In Russ.)
15. Манхейм К. Диагноз нашего времени / [Пер. с англ.] М.: Юрист, 1994. — 700 с.
Mannheim K. *The diagnosis of our time*. [Transl. from Eng.] Moscow: Yurist publ., 1994. 700 p. (In Russ.).
16. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. 164 с. EDN: [LAFQOX](#)
Mannheim K. *Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations — competitiveness — economic ambitions*. Moscow: ISSS RAS publ., 2000. 164 p. (In Russ.).
17. Петрова Г.И. Современный университет как корпорация: новая роль традиционной корпоративности // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 2. С. 25–33. DOI: [10.15826/umpa.2018.02.013](#) EDN: [XOTLRJ](#)
Petrova G.I. Modern university as a corporation: a new role for traditional corporatism. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2018. Vol. 22. No. 2. P. 25–33. DOI: [10.15826/umpa.2018.02.013](#) (In Russ.).
18. Пугач В.Ф. Еще раз о возрасте преподавателей в российских вузах: старые проблемы и новые тенденции // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 3. С. 118–133. DOI: [10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133](#). EDN: [TRAEQT](#)
Pugach V.F. One More Time about the Age of Teachers in Russian Universities: Old Problems and New Trends. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023. Vol. 32. No. 3. P. 118–133. DOI: [10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133](#) (In Russ.).
19. Радаев В.В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 114–124. DOI: [10.31857/S013216250019853-1](#) EDN: [EITGKC](#)
Radaev V.V. Crisis in the Modern University Teaching: What went wrong? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 6. P. 114–124. DOI: [10.31857/S013216250019853-1](#) (In Russ.).
20. Разина Т.В. Профессиональные научные ценности трех поколений российских ученых // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 2: Биология. Геология. Химия. Экология. 2019. № 9. С. 7–17. EDN: [ZGXPTU](#)
Razina T.V. Professional scientific values of three generations of Russian scientists. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya 2: Biologiya. Geologiya. Himiya. Ekologiya*. 2019. No. 9. P. 7–17. (In Russ.).
21. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. О некоторых аспектах демографического анализа // Народонаселение. 2014. № 1. С. 44–53. EDN: [SJGICL](#)
Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. On some aspects of demographic analysis. *Narodonaselenie*. 2014. No. 1. P. 44–53. (In Russ.).
22. Савельева И.М., Поletaев А.В. Классическое наследие. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 335 с. EDN: [QOLAQR](#)
Savelyeva I.M., Poletaev A.V. *Klassicheskoe nasledie* [Classical heritage]. Moscow: Izd. Dom HSE publ., 2010. 335 p. EDN: [QOLAQR](#) (In Russ.).
23. Семенова В.В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 256–271. EDN: [SYMMUX](#)
Semenova V.V. Differentiation and consolidation of generations. *Russia is a transforming society*. Moscow: CANON-press-Ts publ., 2001. P. 256–271. (In Russ.).

24. Тазов П.Ю. Динамика ценностей российской молодежи 1960–2010 гг. в социокультурном анализе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1435. EDN: VIEYUH
Tazov P.Y. Dynamics of values of Russian youth 1960–2010 in the socio-cultural analysis. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. No. 1-1. P. 1435. (In Russ.).
25. Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным. М.: РИПОЛ классик, 2019. 406 с.
Twenge D. *Generation I. Why the Internet generation has lost its rebellious spirit and become more tolerant*. Moscow: RIPOL Classic publ., 2019. 406 p. (In Russ.).
26. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25. EDN: OLBGBQ
Shanin T. The history of generations and generational history. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2005. No. 3. P. 6–25. (In Russ.).
27. Bourdieu P. La “jeunesse” n’est qu’un mot. Entretien avec Anne-Marie Métailié. *Les jeunes et le premier emploi*. Paris: Association des Ages, 1978. P. 520–530. Accessed 02.08.2025. URL: <http://www.homme-moderne.org/societe/socio/bourdieu/questions/jeuness.html>
28. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America’s Future, 1584 to 2069*. N.Y.: William Morrow & Co, 1991. 538 p.

Статья поступила в редакцию: 03.08.2025; поступила после рецензирования и доработки: 14.09.2025; принята к публикации: 18.09.2025.

Received: 03.08.2025; revised after review: 14.09.2025; accepted for publication: 18.09.2025.

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.7
EDN: QERDKH

Н.Л. РУСИНОВА¹, В.В. САФРОНОВ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

КОНТЕКСТНЫЕ МОДЕРАЦИИ ВОЗРАСТНЫХ И СТАТУСНЫХ НЕРАВЕНСТВ В ДОСТУПЕ К МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. В статье анализируется проблема социальных неравенств в сфере доступа к медицинским услугам в разных странах мира, включая Россию. В современных исследованиях для измерения этих неравенств широко используется субъективный показатель неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи. В частности, было установлено, что чем старше люди, тем неудовлетворенных медицинских потребностей становится меньше; в экономически уязвимых слоях по сравнению с благополучными их доля увеличивается. Выраженность возрастных и статусных неравенств в разных странах неодинакова. Однако единичные исследовательские попытки объяснить различия в этих неравенствах с помощью контекстуальных переменных успеха не имели. Для прояснения ситуации в настоящей работе проводится двухуровневое логистическое иерархическое моделирование с использованием опросных данных, собранных в 26 странах мира по Международной программе социальных исследований (ISSP 2021), и статистических сведений, характеризующих эти страны. Результаты подтверждают, что в некоторых странах проявляется отчетливое (возрастное и статусное) неравенство неудовлетворенных потребностей в медицинских услугах, а в других странах — менее выраженное. Такие различия неравенств объясняются контекстуальными факторами — развитием экономики и социального государства, доступностью и качеством систем здравоохранения. В развитых странах неравенства оказались заметнее, чем в отстающих. Так, значительные возрастные различия отражают преимущества пожилых людей в доступе к медицинской помощи в сравнении с молодыми. Отчетливые статусные неравенства в этих странах указывают, что при низком общественном статусе человеку приходится намного чаще сталкиваться с барьерами в здравоохранении, чем при высоком. В России ограничения в доступе к услугам здравоохранения оказались, согласно полученным нами данным, среди самых высоких в мире.

Ключевые слова: доступ к медицинским услугам; неудовлетворенные потребности в медицинской помощи; возрастные и статусные неравенства доступа к медицине; выраженность неравенств в разных странах; контекстуальные объяснения неравенств доступа к медицине; двухуровневое моделирование; Международная программа социальных исследований ISSP 2021.

Для цитирования: Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Контекстные модерации возрастных и статусных неравенств в доступе к медицинской помощи // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 120–138. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.7 EDN: QERDKH

Социальное структурирование неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи: состояние исследований

Доступность здравоохранения является основополагающим фактором здоровья граждан, она должна определяться потребностью индивида в медицинской помощи независимо от его социально-экономического статуса. Этот принцип закладывается в основу стратегии развития современных систем здравоохранения — достижения полного охвата населения медицинскими услугами, гарантирующего всем людям получение необходимой и качественной помощи без финансовых проблем [30; 31].

В современных исследованиях одним из широко применяемых способов измерения доступности системы здравоохранения является субъективный показатель неудовлетворенной потребности в медицинской помощи [1; 6]. Основные ее причины: денежные затруднения при оплате медицинских услуг, нехватка свободного времени, длительность ожидания в очереди [1].

Доступ к здравоохранению существенно различается в разных социальных и демографических срезах населения. Согласно социально-поведенческой модели Андерсена [3], выделяются три основные группы характеристик, влияющих на показатель удовлетворенности медицинских потребностей: предрасположенность (*predisposing*, возраст, пол, уровень образования, семейное положение, статус занятости, место проживания), благоприятствование (*enabling*, доходы, страховка, социальная поддержка) и потребность (*need*, состояние здоровья, хронические заболевания, ограничения из-за здоровья повседневной деятельности).

Результаты, полученные как в отдельных странах, так и в крупных международных проектах, свидетельствуют, что повышенная вероятность столкнуться с проблемами доступности медицинских услуг характерна для женщин, молодых людей, лиц с низким доходом, безработных, мигрантов, лиц, обладающих слабым здоровьем, не имеющих медицинской страховки [4; 5; 13; 14; 20].

Центральная тема при изучении социальной структуризации неудовлетворенных потребностей в услугах здравоохранения — существование значительных социально-экономических неравенств граждан в сфере медобслуживания. В фокусе внимания — заметные неравенства, обусловленные различиями в доходах респондентов. Так, при изучении здравоохранения европейских стран было показано, что неудовлетворенные потребности (по любым типам медуслуг) особенно широко распространены в низкодоходных категориях граждан [23; 24]. О существовании подобных неравенств свидетельствуют и другие индикаторы экономического благополучия — субъективный уровень жизни [14; 26], финансовые проблемы домохозяйства [13]. Доходные неравенства выявляются как в передовых европейских государствах, так и в странах с невысоким экономическим развитием [10; 20]. Было также показано, что неудовлетворенные потребности в медицинской помощи связаны не только с денежной недоступностью услуг, но и с ограничениями, вызванными длинными очередями и недостатком свободного времени — людям с низкими

доходами труднее отпроситься с работы, они опасаются ее потерять [5; 13; 14; 22]. Исследования, посвященные связи образования и доступности медицинских услуг, приводят к противоречивым результатам [7; 12; 14; 26].

Многие исследования свидетельствуют о возрастной стратификации доступности здравоохранения — при переходе от младших возрастных категорий к старшим наблюдается сокращение неудовлетворенных потребностей в медицинских услугах [9]. Такая зависимость подтверждается и при анализе опросных данных Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS 2014): в большинстве стран Европы рост потребностей в услугах здравоохранения среди населения в возрасте от 65 лет сопровождается снижением неудовлетворенных потребностей у нуждающихся в медицинской помощи [27]. Эта закономерность отчасти объясняется характерным для старших возрастов увеличением количества свободного времени [13]. Статус занятости — еще одна переменная, характеризующая неравенства в сфере получения медицинских услуг: незанятые люди реже говорят о нехватке медицинской помощи из-за отсутствия свободного времени, тогда как работающие и учащиеся чаще не могут получить эти услуги из-за ограниченного временного ресурса (см., например: [21; 32]). Результаты корейского панельного исследования, посвященного выявлению причин неудовлетворенности медицинских потребностей у взрослых, показали: ее основной причиной в младших когортах являлась нехватка времени, а в старших — такие причины, как удаленность медицинского учреждения от места жительства, отсутствие постоянного врача и информации о том, куда обратиться, необходимость заботы о детях, слабое здоровье [8].

Исследования, направленные на выявление воздействия институтов здравоохранения на формирование неравенств в доступе к медицинской помощи, а также влияния на них социально-экономического контекста, немногочисленны и пока не дают оснований для обобщения выводов [29]. Так, было показано (по данным European Health Interview Survey 2015, 29 стран), что большая концентрация неудовлетворенных потребностей в медицинских услугах (из-за нехватки денег) в низкодоходных категориях вызывается экономическим контекстом. С ростом значений контекстуального фактора расходов на здоровье из своего кармана неравенства становятся более отчетливыми. Доходные неравенства доступа к медицинским услугам, связанные с длительностью ожидания или удаленностью от медицинских учреждений, усиливаются при невысоком качестве государственного управления [5]. Авторы еще одной работы приходят к выводу, что значимой характеристикой системы здравоохранения, влияющей на неравенства в получении необходимой медицинской помощи, является доступность системы оказания первичных медицинских услуг и развитие ее кадрового потенциала [11].

Анализ контекста, определяемого по показателю охвата населения медицинскими услугами в разных странах мира, показывает, что его расширение может способствовать сокращению неудовлетворенных потребностей, но может также увеличивать неравенства по причине не только большей распространенности этих неравенств среди малоимущих, но и нарастания преимуществ в высокодоходных странах. Обеспеченные люди пользуются расширенным спектром медицинских услуг и извлекают больше выгод при распределении страховых выплат, чем сограждане с низкими доходами [10; 19; 25; 32]. Кроме того, была выявлена зависимость социально-экономических неравенств в неудовлетворенных медицинских потребностях от контекстуального фактора неравенств в доходах: с повышением коэффициента Джини такие неравенства усиливаются [11; 12]. В единственной работе, которая

опиралась на данные репрезентативных опросов взрослого населения в 30 странах мира, не подтвердилось предположение о модерации доходных неравенств доступа к медицинским услугам государственными расходами на здравоохранение [20]. Сравнительных исследований возрастных различий в распространенности неудовлетворенных медицинских потребностей нам найти не удалось.

Обобщая теоретические подходы и эмпирические факты, отметим, что возрастные и статусные неравенства в доступности медицинских услуг обнаруживаются во многих странах мира, однако их выраженность, как можно предположить, зависит от социально-экономического развития стран и состояния систем здравоохранения — охвата населения медицинскими услугами, их качества и доступности. При этом приходится признать, что исследования, остающиеся малочисленными, не позволяют прийти к убедительному подтверждению предполагаемых зависимостей между контекстуальными факторами и неравенствами в доступе к медицинским услугам. В настоящей работе предполагается выяснить, как различается эта доступность в разных странах мира и чем эти различия обусловлены.

Задачи и методология исследования

Одна из актуальных проблем совершенствования систем здравоохранения во многих странах мира, по свидетельствам Организации Объединенных Наций и Всемирной организации здравоохранения [30; 31], связана с ограниченным доступом людей к получению качественных медицинских услуг. Дополнительную остроту этой проблеме придает тот факт, что доступ к этим услугам социально структурирован — значительно различается в демографических и социально-экономических слоях. Кроме того, ограничения доступности медобслуживания в уязвимых общественных слоях могут усиливаться в одних странах и ослабляться в других под влиянием общественных факторов — состояния экономики, социального государства и особенностей институтов здравоохранения.

Настоящее исследование посвящено проблеме социального структурирования доступа людей к системе здравоохранения в разных странах мира и выраженности такого структурирования в общественных контекстах, определяемых социально-экономическим развитием и качеством медицинского обслуживания. Изучение этой проблемы, как свидетельствует обзор научной литературы, позволило выявить существование в некоторых странах отчетливых социальных неравенств, указывающих на ограничение доступа к медуслугам в младших когортах взрослого населения в сравнении со старшими, а также в нижних доходных стратах в сравнении с верхними. Единичные попытки изучить выраженность таких неравенств в разных общественных контекстах оставляют неясным, как контекстуальные различия между странами отражаются на неравенствах доступа к здравоохранению.

В связи с этим в работе ставятся три основные задачи. Первая — подтвердить существование социального структурирования доступа к медицинским услугам по таким категориям, как возраст и социально-экономический статус, в различных странах мира. Вторая задача — проверить соображение о заметных различиях таких возрастных и статусных неравенств в этих странах. Третья, главная задача связана с поиском контекстуальных объяснений выраженности возрастных и статусных неравенств. Предстоит проверить, как неравенства в доступе к медобслуживанию связаны с факторами экономического и социального развития страны, доступности и качества медицинских услуг.

Эмпирические данные, которые анализировались при решении поставленных задач, были собраны в репрезентативных опросах населения в трех десятках стран мира по Международной программе социальных исследований (International Social Survey Programme, ISSP 2021, см. [18]). Общее число респондентов (в возрасте от 18 лет) составляет 42 643, но поскольку в нашей работе рассматриваются только те опрошенные, у которых за последний год была потребность в получении медицинских услуг, а также вследствие того, что не во всех странах анкеты включали полный спектр интересующих нас переменных, это число сокращается до 24 140, а список стран — до 26. К ним относятся: Австралия, Австрия, Венгрия, Дания, Германия, Израиль, Индия, Исландия, Италия, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Россия, Словакия, Словения, Суринам, Таиланд, Филиппины, Финляндия, Франция, Швейцария, Хорватия, Южно-Африканская Республика, Япония.

Участникам опросов предлагалось ответить на три анкетных вопроса: *«Требовалась ли Вам в течение последних двенадцати месяцев какая-либо медицинская помощь (лечение, операция), и если да — бывали ли случаи, когда Вы не получили такой медицинской помощи, потому что... (1) Вы не могли заплатить за нее... (2) У Вас не было свободного времени или у Вас были другие неотложные дела... (3) Очередь на получение нужной Вам помощи (лечения, операции) была слишком длинной»*. Варианты ответов: *«Такое случилось»*, *«Такого не случилось»* и *«Не требовалась медицинская помощь»* (если помощь не требовалась, респонденты исключались из дальнейшего анализа, как рекомендуется основными исследованиями в области изучения неудовлетворенных потребностей в медицинских услугах). Зависимые переменные в нашем анализе — это три дихотомии, характеризующие причины неудовлетворения медицинской потребности: недостаток денег, отсутствие свободного времени или иные личные причины, длинные очереди. Переменным присваивалось значение «1», если респондент указал соответствующую причину. В том случае, когда сообщалось об удовлетворении имевшейся медицинской потребности, дихотомические признаки кодировались значением «0».

Обобщающая, четвертая, зависимая переменная — индекс со значением «1», если по любой из трех причин (деньги, время, очередь) человеку не удалось получить медицинскую помощь, и «0», когда она была получена. Оказалось, что в России, например, доля неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи была одной из самых высоких в изучавшихся странах — 44% — наряду с Мексикой, Индией, а также Израилем, где был зафиксирован самый высокий показатель — 63% (что объясняется долгим ожиданием в очередях; на это указали 60% израильских респондентов). На противоположном полюсе — с самыми низкими его значениями — располагаются Норвегия, Япония, Швейцария, Венгрия и Нидерланды, в которых индекс равняется 12–19%.

Одна из основных независимых переменных — возраст, измеренный в годах и в шести категориях: 18–30 лет, 31–40, 41–50, 51–60, 61–70 и 71 год и старше. Другая — субъективный социально-экономический статус: *«В нашем обществе есть люди, занимающие высокое и низкое общественное положение. На какое место Вы бы поместили себя на шкале, где “1” означает низкое общественное положение, а “10” — высокое общественное положение?»* Использование субъективного показателя имеет свои преимущества по сравнению с объективными характеристиками социально-эконо-

мического статуса [2; 17]: фиксируются не только различия по образованию, доходам и профессии, но и относительная социальная позиция индивида — его целостное восприятие своего места в обществе в соотношении с другими людьми¹.

Связь переменных возраста и субъективного общественного статуса с зависимыми переменными рассматривалась при контроле ряда признаков, с которыми, согласно предшествующим исследованиям, могла коррелировать неудовлетворенность потребностей в медицинских услугах. К таким признакам относятся: пол, место жительства респондента (крупный город, небольшой город и сельская местность), страховка (отсутствует, государственная, частная и другие разновидности), семейное положение (есть муж/жена, партнер или нет), статус занятости (работает, учится или же на пенсии, безработный, хронический больной, ведет домашнее хозяйство).

Еще одна важная контрольная переменная — самооценки респондентами своего здоровья: «Как Вы оценили бы в целом свое здоровье (имеется в виду и физическое, и нервное/психическое здоровье)? ...» «1 — отличное, 2 — очень хорошее, 3 — хорошее, 4 — удовлетворительное, 5 — слабое». Ухудшение самочувствия, как было установлено, сопровождается нарастанием неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи. Включение этой переменной индивидуального уровня в двухуровневые модели позволяет оценить зависимости между показателем неудовлетворенных потребностей в медицинских услугах и интересующими нас независимыми переменными возраста и общественного статуса среди респондентов со сходным состоянием здоровья.

В нашем анализе предполагается, что зависимости между переменными возраста, социального статуса и индексом неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи варьируют при изменении общественного контекста. Этот контекст описывается с помощью четырех факторов:

1) уровень экономического развития стран — ВВП (валовой внутренний продукт) на душу²;

2) душевые государственные расходы на здравоохранение³;

3) индекс доступности и качества медицинской помощи (Healthcare Access and Quality Index), измеренных по предотвратимой смертности — от причин, которые не должны быть фатальными при наличии эффективной медицинской помощи (см. [16]);

4) индекс всеобщего охвата услугами здравоохранения (Universal Health Coverage Index), который позволяет получить интегральную количественную оценку эффективного охвата услугами здравоохранения, свидетельствующую о соответствии предоставляемых медицинских услуг профилям заболеваемости в стране и возможности улучшения здоровья населения всех возрастов [15].

¹ Объективные измерения социально-экономического статуса, как показал предварительный анализ, слабо связаны с неудовлетворенными потребностями в медицинской помощи — они мало различаются у людей с разным образованием, а рассмотрению доходов мешают очень высокие доли отказов от ответа.

² World Bank, World Development Indicators, GDP per capita, PPP 2021 constant \$. — URL: <https://databank.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD/1ff4a498/Popular-Indicators> (дата обращения 06.05.2025).

³ World Health Organization, Domestic general government health expenditure per capita in US\$, 2021. — URL: [https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/domestic-general-government-health-expenditure-\(gghe-d\)-per-capita-in-us](https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/domestic-general-government-health-expenditure-(gghe-d)-per-capita-in-us) (дата обращения 06.05.2025).

Модерация этими контекстуальными факторами возрастных и статусных неравенств в доступе к системе здравоохранения рассматривалась, как рекомендуется в исследовании [27], при учете на уровне стран потребности в медицинских услугах — доли респондентов, имевших такую потребность.

Расположение изучавшихся в ISSP стран в плоскости, определяемой одним и другим индексами состояния систем здравоохранения (могут меняться от 0 до 100), — ключевыми, как можно предположить, характеристиками общественного контекста, — приведено на рисунке 1. Оба индекса, как видно на рисунке, очень тесно связаны между собой (Pearson's $r = 0,97$, $p < 0,0001$), так что при низких значениях индекса доступности и качества медицинской помощи низким является и охват услугами здравоохранения, а при высоких значениях одного из них высоким будет и другой.

В нижней левой части рисунка располагаются страны, в которых системы здравоохранения не способны обеспечить всеобщий охват населения медицинскими услугами и отличаются невысоким их качеством. Сюда попадают такие страны, как Индия, Суринам, Филиппины, Южно-Африканская Республика и Мексика. В правом верхнем углу концентрируются многие развитые экономически и социально государства. Их системы здравоохранения обеспечивают широкий охват медицинскими услугами и характеризуются доступностью и высоким качеством.

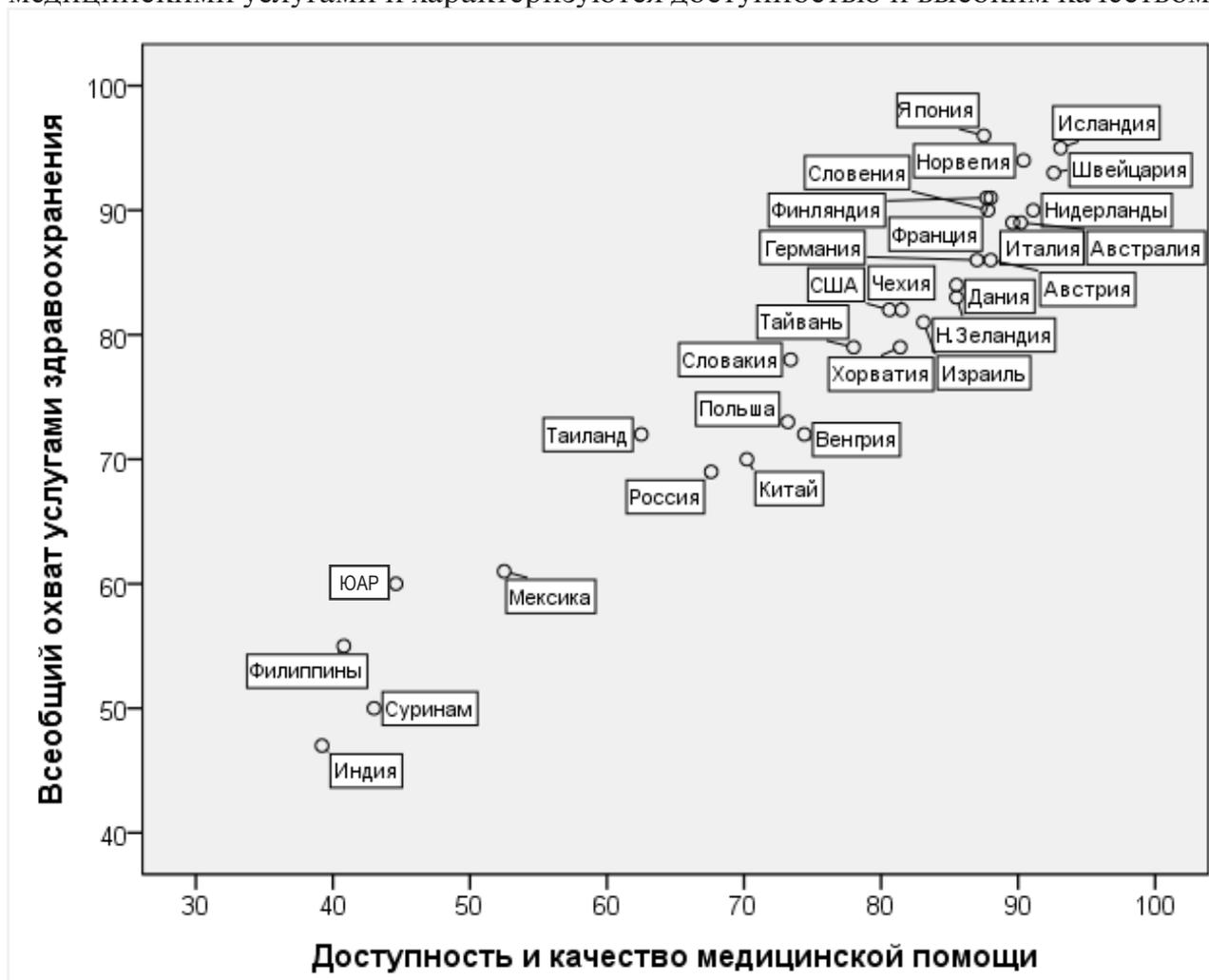

Рис. 1. Доступность и качество медицинской помощи и охват услугами здравоохранения в странах мира, %

В середине рисунка располагаются государства Центральной и Восточной Европы — Россия, Польша, Венгрия, Словакия и Хорватия, а также такие страны Азии, как Китай и Таиланд. В них системы здравоохранения заметно хуже, чем в развитых странах, опережая, однако, государства с неразвитыми системами здравоохранения.

Схема двухуровневого моделирования приводится на рисунке 2. Оно осуществлялось с помощью специализированного программного пакета «Иерархическое линейное и нелинейное моделирование» (Hierarchical Linear and Non-Linear Modelling, HLM, см. [28]).

Рис. 2. Социальные неравенства в сфере доступности здравоохранения: схема анализа

Неудовлетворенные потребности в медицинской помощи (из-за отсутствия денег, времени, больших очередей и в целом по любой из этих причин) рассматривались в зависимости от возраста и субъективного общественного статуса респондентов, при этом использовались двухуровневые иерархические модели со случайными коэффициентами, поскольку в одних странах эти зависимости могли быть выражены менее отчетливо, чем в других. Предполагалось, что такие вариации коэффициентов могут объясняться общественным контекстом — уровнем экономического развития страны, государственными расходами на здравоохранение, охватом, качеством и доступностью системы здравоохранения (при учете потребностей в медицинских услугах в разных странах). Связь возраста и субъективного статуса респондента с зависимыми переменными оценивалась с учетом контрольных признаков. Независимые переменные преобразовывались и могли изменяться в диапазоне от 0 до 1, так что коэффициенты их влияния на удовлетворенность медицинскими услугами свидетельствуют о различиях между полярными возрастными и статусными группами. Контекстуальные факторы, характеризующие страны, центрировались относительно среднего значения и из-

мерялись в стандартных отклонениях. С целью уменьшения выборочных ошибок индивидуальные данные взвешивались с помощью переменной постстратификационных весов, включенной в массивы ISSP.

Возрастные и статусные неравенства неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи

Предшествующие работы, проведенные, как правило, в отдельных странах, позволяют предположить, что доступ к системе здравоохранения социально структурирован. Результаты показывают, что в старших возрастных когортах неудовлетворенные потребности в медицинской помощи могут быть менее выраженными, чем в младших, которым может не хватать времени и ресурсов. Было также обнаружено, что эти неудовлетворенные потребности реже встречаются среди хорошо обеспеченных людей по сравнению с малообеспеченными, у которых не хватает ресурсов для получения качественного лечения. Отмечалась и зависимость доступа к системе здравоохранения от состояния здоровья — при его ухудшении и более высокой потребности в медицинских услугах происходит увеличение доли респондентов, которые не смогли ее удовлетворить.

Представления о социальном структурировании доступа к услугам здравоохранения подтверждаются и нашими результатами — фиксированными коэффициентами, представленными в таблице 1 для каждого из трех препятствий при получении медицинских услуг: недостатка денег, отсутствия свободного времени (и других личных обстоятельств), длинных очередей, а также для общего индекса неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи (по любой из этих причин).

Все модели в таблице 1, описывающие социально-демографические различия в доступе к услугам здравоохранения, выявляют сходные зависимости с интересующими нас переменными. Так, доля индивидов с неудовлетворенными потребностями отчетливо сокращается с возрастом — в младших когортах она выше, чем среди пожилых. Ограничения доступа к медицинским услугам становятся отчетливее при понижении субъективного общественного статуса.

Некоторые контрольные переменные также приводят к ожидаемым зависимостям. Так, распространенность неудовлетворенных потребностей больше среди женщин, чем среди мужчин, возрастает по мере ухудшения самочувствия индивидов. В то же время другие контролируемые признаки, включая место жительства, различия страховок, семейное положение и статус занятости, не играют существенной роли в объяснении различий в доступе к системе здравоохранения.

В нижней части таблицы 1 приводятся дисперсии, характеризующие различия и выраженность возрастных и статусных неравенств в доступе к услугам здравоохранения в изучавшихся странах мира. Во всех четырех моделях эти дисперсии оказались статистически значимыми на высоком уровне ($p < 0,001$), что подтверждает предположение о контекстуальной обусловленности этих неравенств.

Таблица 1

Неравенства в доступе к медицинским услугам и их вариации в странах мира

Независимые переменные	Модель 1 <i>Не мог заплатить</i>	Модель 2 <i>Не было времени</i>	Модель 3 <i>Длинные очереди</i>	Модель 4 <i>Индекс, любая причина</i>
Уровень 1 — индивиды				
Константа	–2,32***	–2,33***	–1,20***	–0,90***
Самооценка здоровья (хорошее/плохое)	–1,48***	–0,88***	–1,15***	–1,38***
Возраст	–1,84***	–2,54***	–1,34***	–1,64***
Субъективный общественный статус	–2,75***	–1,45***	–1,22***	–1,34***
Пол (м = 1)	–0,16**	–0,24***	–0,18***	–0,22***
Место жительства:				
<i>Крупный город</i>				
Небольшой город	–0,08	–0,03	–0,13	–0,03
Сельская местность	–0,11	–0,05	–0,17***	–0,08
Страховка:				
Нет	–0,12	–0,11	–0,23	–0,14
<i>Обязательная (государственная)</i>				
Дополнительная	–0,32**	–0,11	–0,11*	–0,05
Семейное положение (супруги, партнеры = 1)	–0,14*	–0,08	–0,06	–0,01
Статус занятости (работают, учатся = 1)	–0,09	–0,63***	–0,00	–0,11
Уровень 2 — страны				
Дисперсия: константа	0,79***	0,64***	0,41***	0,36***
Дисперсия: влияние возраста	2,44***	1,66***	1,12***	1,88***
Дисперсия: влияние субъективного статуса	2,92***	1,00***	0,26**	0,49***
N: индивиды / страны	22883 / 26	23059 / 26	22744 / 25	24140 / 26

Примечание. Двухуровневые логистические модели со «случайными» коэффициентами для интерсепта, переменных возраста и субъективного общественного статуса. Курсив — референтные категории. Уровни значимости: *** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$.

Модерация неравенств в доступе к медицинской помощи

Дальнейший анализ был направлен на поиск контекстуальных факторов, которые позволили бы объяснить страновые различия выраженности возрастных и статусных неравенств в доступе к медицинским услугам. Для этого описанные ранее показатели душевого ВВП, государственных расходов на здравоохранение, индексы доступности и качества медицинских услуг, а также охвата населения этими услугами поочередно включались в модели 5–8 в качестве модераторов,

влияющих на выраженность возрастных и статусных неравенств доступа к ним (при контроле на втором уровне потребности в медобслуживании и ее воздействия на возрастные и статусные неравенства). Совместное включение этих контекстуальных показателей в одну модель может привести к искажению статистических оценок, поскольку экономическое развитие, расходы государства на здоровье граждан и индексы работы системы здравоохранения очень тесно взаимосвязаны. Результаты моделирования представлены в таблице 2.

Таблица 2

Контекстуальные модераторы неравенств в доступе к медицинским услугам

Независимые переменные	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8
Уровень 1 — индивиды				
Константа	−0,89***	−0,88***	−0,89***	−0,89***
Самооценка здоровья (хорошее/плохое)	1,37***	1,37***	1,38***	1,38***
Возраст	−1,61***	−1,59***	−1,62***	−1,60***
Субъективный общественный статус	−1,36***	−1,35***	−1,40***	−1,39***
Пол (м = 1)	−0,22***	−0,22***	−0,22***	−0,22***
Место жительства:				
<i>Крупный город</i>				
Небольшой город	−0,03	−0,03	−0,03	−0,03
Сельская местность	−0,07	−0,08	−0,07	−0,08
Страховка:				
Нет	−0,14	−0,14	−0,14	−0,14
<i>Обязательная (государственная)</i>				
Дополнительная	−0,05	−0,05	−0,05	−0,05
Семейное положение (супруги, партнеры = 1)	0,00	0,01	0,01	0,01
Статус занятости (работают, учатся = 1)	0,11	0,11	0,11	0,11
Уровень 2 — страны				
Потребность в медуслугах	0,15	0,22	0,16	0,15
ВВП на душу	−0,25**			
Госрасходы на здравоохранение		−0,29**		
Доступность и качество медуслуг			−0,17	
Всеобщий охват медуслугами				−0,20*
Интеракции уровней 1 и 2				
Возраст x Потребность в медуслугах	0,26	0,47*	0,26	0,25
Статус x Потребность в медуслугах	−0,21*	−0,07	−0,21	−0,21
Возраст x ВВП на душу	−0,79***			
Статус x ВВП на душу	−0,55***			

Продолжение таблицы 2

Независимые переменные	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8
Возраст x Госрасходы на здравоохранение		–0,88***		
Статус x Госрасходы на здравоохранение		–0,51***		
Возраст x Доступность и качество медуслуг			–0,74***	
Статус x Доступность и качество медуслуг			–0,52***	
Возраст x Всеобщий охват медуслугами				–0,85***
Статус x Всеобщий охват медуслугами				–0,53***
Объясненные дисперсии, %				
Возраст x Доступность медуслуг	34	39	33	42
Статус x Доступность медуслуг	71	26	69	67

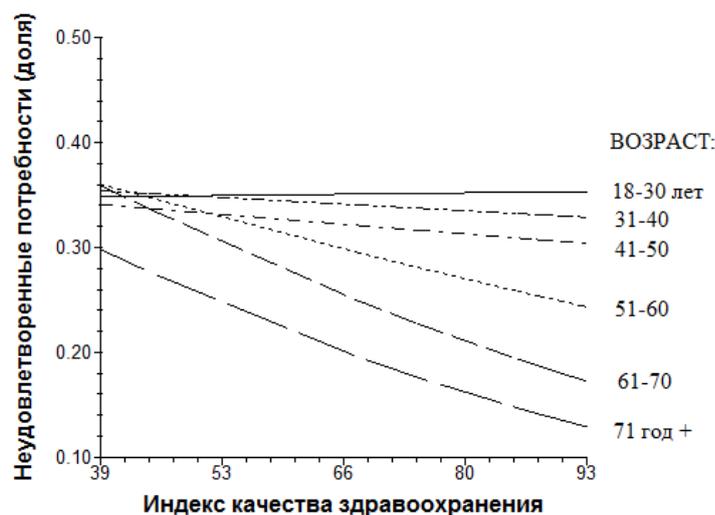
Примечание. Двухуровневые логистические модели с модерацией контекстуальными факторами возрастных и статусных неравенств в доступе к медицинским услугам. Зависимая переменная — общий индекс неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи (среди тех, у кого была такая потребность в последние 12 месяцев). N1 (индивиды) = 24 140, N2 (страны) = 26. Курсив — референтные категории независимых переменных. Уровни значимости: *** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$.

Описанные зависимости свидетельствуют о контекстуальной обусловленности возрастных и статусных неравенств в доступе к медицинской помощи — они усиливаются в экономически развитых странах с лучшими системами здравоохранения как по качеству услуг, так и по охвату населения.

Чтобы показать характер этих зависимостей, на рисунке 3 приводятся результаты, полученные при модерации неравенств по возрасту и статусу индексом доступности и качества систем здравоохранения (как в модели 7), причем для наглядности возрастные различия представлены в шести категориях, а статусные — в укрупненных пяти расслоениях.

На панели А представлены результаты моделирования, демонстрирующие контекстуально обусловленные возрастные неравенства доступа к здравоохранению. При невысоком развитии систем здравоохранения наблюдается слабая возрастная дифференциация доступа к медицинским услугам — в младших, средних и старших возрастах сходные доли респондентов (около 35%) сообщали о неудовлетворенных потребностях в медобслуживании, и лишь у самых пожилых эта доля была немного ниже, чем в других возрастных срезах. По мере роста контекстуального индекса доступности и качества медицинских услуг происходит постепенное увеличение возрастных различий: если в младших категориях существенного улучшения ситуации не наблюдается, то в старших люди жалуются на неудовлетворенные потребности гораздо реже.

А) Возрастные неравенства

Б) Статусные неравенства

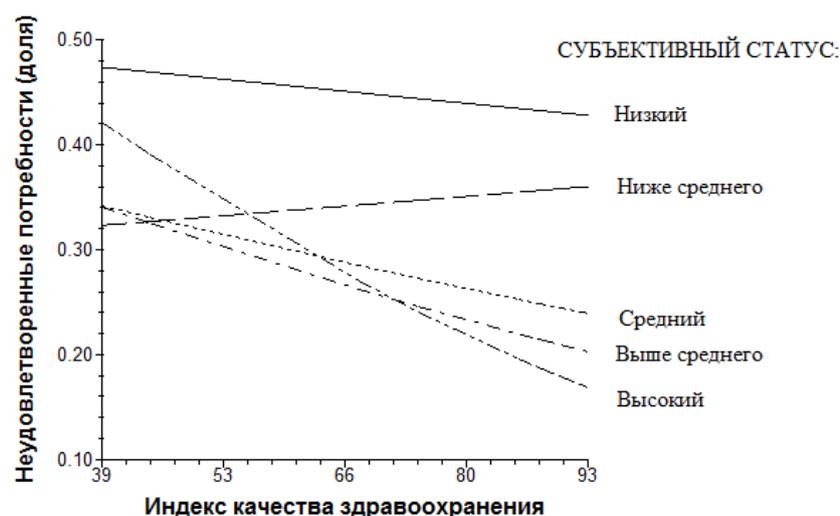

Рис. 3. Доступ к медицинской помощи: возраст, статус, системы здравоохранения

Можно предположить, что ресурсные затруднения в младших когортах (отсутствие денег, свободного времени, длинные очереди на прием к врачу) не позволяют их представителям воспользоваться более совершенными системами здравоохранения своих стран. Кроме того, в развитых странах эти системы сориентированы на социальную защиту уязвимых слоев населения, и поэтому, вероятно, у людей старших возрастов показатели ограниченного доступа к медицинской помощи оказываются существенно ниже.

Объяснение статусных неравенств помогает получить панель Б на рисунке 3. При низких значениях индекса доступности и качества здравоохранения статусные неравенства выражены неотчетливо, но все же несколько больше препятствий обнаруживается в группе индивидов с низким статусом. По мере улучшения качества здравоохранения происходит постепенное снижение доли респондентов

с неудовлетворенными потребностями, главным образом в категориях с более высоким статусом, тогда как в низкостатусных срезах сокращение этой доли было незначительным или вовсе не проявлялось. Это подтверждает предположение, что люди с более высоким статусом выигрывают при совершенствовании здравоохранения, характерном для экономически и социально продвинутых государств.

Ориентируясь на общие закономерности, выявленные для изучавшихся стран, остановимся вкратце на российских особенностях. Напомним, что в нашей стране ограничения в доступе к услугам здравоохранения оказались, согласно полученным нами данным, среди самых высоких в мире. Доля заявивших о своих неудовлетворенных медицинских потребностях достигает 44% при учете каждой из трех причин — недостатка денег, свободного времени, длинных очередей (это значение намного выше, чем в ряде развитых стран, хотя и сопоставимо со значениями в странах с невысоким уровнем развития или со своеобразными институтами здравоохранения). Среди указанных причин наши сограждане немного чаще называли долгое ожидание в очередях (17%) и недостаток времени, другие личные причины (16%), а немного реже — нехватку денег (11%). Интересующие нас возрастные и статусные различия можно описать с помощью представленных выше рисунков, построенных по результатам двухуровневого логистического моделирования. Россия, согласно ее сопоставлению с другими странами, по контекстуальному показателю качества здравоохранения (рис. 1) заметно уступает, как отмечалось, наиболее развитым странам мира, опережая, однако, ряд отстающих государств. Она занимает средние позиции, что позволяет, обратившись к рисунку 3, получить наглядное представление о выраженности в нашей стране возрастных и статусных неравенств в доступе к системе здравоохранения.

Как показано на рисунке 3А, различие между младшей возрастной группой (18–30 лет) и пожилыми людьми (71 год и старше) составляет — при российском значении индекса качества здравоохранения — около 30 п. п. На неудовлетворенные потребности гораздо чаще указывают лица младших возрастов, чем старших. В то же время в наиболее развитых странах с самым высоким качеством здравоохранения, как видно на этом рисунке, такие неравенства выражены более отчетливо. Если у молодых людей во всех странах, в том числе и самых передовых, высокий показатель ограничений доступа остается сходным, то у пожилых в развитых странах он резко снижается. Возрастные неравенства в странах с невысоким уровнем развития остаются слабо выраженными, даже по сравнению с их проявлением в России.

Статусные неравенства неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи в нашей стране, как свидетельствует рисунок 3Б, также выражены с достаточной очевидностью. Среди россиян с низким социальным статусом доля не получивших помощи достигает почти 50%, среди людей с высоким положением в обществе таковых вдвое меньше — только 25%. В России неравенства более отчетливы, чем в странах с невысоким качеством здравоохранения, однако заметно уступают статусной дифференциации доступа в тех странах, где оно развито высоко. Российские результаты, как и сведения о статусных неравенствах, полученные в других странах, указывают на важную общественную проблему — значительное ограничение возможностей получения медицинской помощи у людей с низким социальным положением.

Заключение

Представленный анализ подтверждает известные зависимости, свидетельствующие о социальном структурировании неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи. Двухуровневое моделирование с использованием опросных данных Международной программы социальных исследований (ISSP, 2021) для 26 стран мира и статистических и аналитических сведений об этих странах позволило обнаружить отчетливые возрастные и статусные неравенства, свидетельствующие об уязвимости младших поколений и людей с низким общественным положением — во многих странах показатели неудовлетворенных потребностей в медицинских услугах в этих группах оказались существенно выше, чем среди пожилых и людей с высоким общественным положением.

Результаты данного исследования показывают, что возрастные и статусные неравенства доступа к системе здравоохранения выражены в одних странах с гораздо большей отчетливостью, чем в других. Редкие попытки наших предшественников объяснить такие различия успехом не увенчались.

В нашей работе рассматривались четыре контекстуальных фактора, различающих страны по экономическому развитию (душевой ВВП), состоянию социального государства (расходы на здравоохранение), доступности и качеству медицинских услуг и охвату ими населения (а также контрольный признак — распространенность потребности в этих услугах). Поскольку эти факторы очень тесно связаны между собой, модели — при их поочередном включении в уравнения на втором уровне анализа для объяснения возрастных и статусных неравенств доступа к системе здравоохранения — оказались сходными.

Моделирование свидетельствует, что в более развитых странах (по любому из факторов) наблюдаются отчетливые возрастные и статусные неравенства, тогда как в менее развитых они оказываются невыраженными. В странах с высоким уровнем экономического развития и государственных вложений в здравоохранение, а также доступности и качества медицинских услуг неравенства проявляются с большей определенностью, чем при невысоких значениях этих контекстуальных факторов. Усиление в развитых странах возрастных различий вследствие сокращения неудовлетворенных медицинских потребностей в старших возрастах может указывать на эффективность государственной социальной защиты, нацеленной на поддержку уязвимых слоев. Кроме того, возрастные неравенства могут отражать дефицит у людей младшего и среднего возрастов ресурсов — денег и свободного времени. Что же касается статусных различий, сокращение неудовлетворенных потребностей в развитых странах происходит у людей с более высоким, а не низким, как можно было бы ожидать, общественным положением. Это является важным свидетельством нерешенности проблемы социально-экономических неравенств доступа к медицинским услугам даже в наиболее развитых странах, где системы здравоохранения отличаются высоким качеством. Оказалось, что хорошее здравоохранение в этих странах создает благоприятные условия для людей с высоким социально-экономическим положением, имеющим знания и ресурсы, которые позволяют им использовать свои статусные преимущества для удовлетворения потребностей в медицинских услугах. В то время как люди с невысоким общественным положением — при объективно худшем состоянии здоровья, чем у более

благополучных сограждан, — могут недооценивать серьезности заболеваний, плохо ориентируются в имеющихся возможностях лечения, не знают, куда обратиться для получения необходимой помощи, им труднее выкроить свободное время для посещения врача и они не имеют материальных средств на дорогостоящие услуги. Все это может создавать дополнительные барьеры при попытках получения медицинской помощи.

При интерпретации результатов исследования необходимо иметь в виду ряд ограничений. Одно из них связано с использованием субъективных показателей неудовлетворенных потребностей в медицинских услугах. Различие между социальными стратами может в какой-то мере определяться неодинаковыми трактовками состояния здоровья и необходимости получения медицинской помощи у людей с высоким и низким положением в общественной структуре. Вполне вероятно, что в нижних общественных стратах недооценивается потребность в медицинских услугах, вследствие чего действительные неравенства в доступе к услугам здравоохранения могут оказаться значительно шире. Кроме того, при сравнительном анализе возможны искажения в оценке неравенств, обусловленные культурным контекстом. При интерпретации зависимостей между социальными неравенствами и доступом к здравоохранению следует учитывать, что эти зависимости получены в кросс-секционном анализе, который, свидетельствуя об ассоциации переменных, не позволяет интерпретировать их каузально. В дальнейших исследованиях предстоит продолжить сравнительное изучение социальных неравенств доступа к медицинским услугам и найти объяснения описанным возрастным и статусным различиям.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Русинова Нина Львовна — кандидат экономических наук, заведующий сектором социологии здоровья, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. **Телефон:** +7 (812) 316–75–68. **Электронная почта:** nrusinova@gmail.com

Сафронов Вячеслав Владимирович — старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. **Телефон:** +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** vsafronov@list.ru

---

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 3. P. 120–138. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.3.7

Research Article

NINA L. RUSINOVA¹, VIACHESLAV V. SAFRONOV¹

¹ Sociological Institute of FCTAS RAS.

25/14, 7–th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russian Federation.

CONTEXTUAL MODERATIONS OF AGE AND STATUS INEQUALITIES IN ACCESS TO HEALTHCARE

Abstract. The article analyzes the problem of social inequalities in access to healthcare services in different countries of the world, including Russia. In modern research, such a subjective indicator as unmet medical care needs has become widely used in order to measure these inequalities. In particular, it was found that

with age this indicator decreases significantly, while in economically vulnerable groups the values increase. Such age and status inequalities manifest to various degrees of intensity in different countries. However the rare attempts to explain such differences between countries using contextual variables have yet not been successful. In order to clarify the situation, this study conducts two-level logistic hierarchical modeling using survey data collected in 26 countries of the world under the International Social Survey Program (ISSP 2021) and statistics characterizing these countries. The results confirm that in some countries there are clear age and status inequalities when it comes to unmet needs for healthcare services, while in others they are more ambiguous, and such differences in how inequalities manifest can be explained by contextual factors that differentiate countries in terms of economic and welfare state development, accessibility and quality of healthcare systems. In developed countries inequalities are more pronounced than in underdeveloped countries. In the former, attention to socially vulnerable groups is a likely reason for the significant improvement in access to healthcare for older age cohorts and the persistence of access restrictions at younger ages. At the same time when analyzing status inequalities it becomes clear that they are more pronounced in developed countries. This confirms the assumption about the greater gain in access to medical services for individuals with high social status in countries with more complete coverage of the population with high-quality medical services. Such differences in inequality are explained by contextual factors — the development of the economy and the welfare state, the availability and quality of healthcare systems. In developed countries, inequalities turned out to be more noticeable than in underdeveloped countries. As such, significant age differences reflect the advantages of older people in access to medical care compared to young people. Clear status inequalities in these countries indicate that with low social status a person has to deal with barriers when it comes to healthcare provision much more often than if they had been a person of higher status. In our country, restrictions in access to healthcare services turned out, according to the data we acquired, to be among the highest in the world.

Keywords: access to healthcare services; unmet need for healthcare; age and status inequalities in access; strength of inequalities across countries; contextual explanations of inequalities; two-level modeling; International Social Survey Program, ISSP 2021.

For citation: Rusinova, N.L., Safronov, V.V. Contextual Moderations of Age and Status Inequalities in Access to Healthcare. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 120–138. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.3.7](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.7)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nina L. Rusinova — Candidate of Economical Sciences, Head of the Health Sociology Sector, Sociological Institute of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (812) 316-75-68. **Email:** nrusinova@gmail.com

Viacheslav V. Safronov — Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (812) 316-34-36. **Email:** vsafonov@list.ru

---

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Allin S., Grignon M., Le Grand J. Subjective Unmet Need and Utilization of Health Care Services in Canada: What Are the Equity Implications? *Social Science and Medicine*. 2010. Vol. 70. No. 3. P. 465–472. DOI: [10.1016/j.socscimed.2009.10.027](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.10.027)
2. Andersson M.A. How Do We Assign Ourselves Social Status? A Cross-Cultural Test of the Cognitive Averaging Principle. *Social Science Research*. 2015. Vol. 52. P. 317–329. DOI: [10.1016/j.ssresearch.2015.02.009](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2015.02.009)
3. Andersen R.M. Revisiting the Behavioral Model and Access to Medical Care: Does It Matter? *Journal of Health and Social Behavior*. 1995. Vol. 36. No. 1. P. 1–10. DOI: [10.2307/2137284](https://doi.org/10.2307/2137284)
4. Baeten R., Spasova S., Vanhercke B., Coster S. *Inequalities in Access to Healthcare. A Study of National Policies*. European Social Policy Network (ESPN). Brussels: European Commission, 2018. 74 p. DOI: [10.2767/371408](https://doi.org/10.2767/371408)
5. Carnazza G., Liberati P., Resce G. Income-Related Unmet Needs in the European Countries. *Socio-Economic Planning Sciences*. 2023. Vol. 87. No. 2. Article 101542. DOI: [10.1016/j.seps.2023.101542](https://doi.org/10.1016/j.seps.2023.101542)

6. Carr W., Wolfe S. Unmet Needs as Sociomedical Indicators. *Socio-Medical Health Indicators*. Ed. by J. Elinson, A. Siegmann. N.Y.: Routledge, 2019. P. 33–46. DOI: [10.4324/9781315223711](https://doi.org/10.4324/9781315223711)
7. Chaupain-Guillot S., Guillot O. Health System Characteristics and Unmet Care Needs in Europe: An Analysis Based on EU–SILC Data. *European Journal of Health Economics*. 2015. Vol. 16. No. 7. P. 781–796. DOI: [10.1007/s10198-014-0629-x](https://doi.org/10.1007/s10198-014-0629-x)
8. Chung W. Changes in Barriers That Cause Unmet Healthcare Needs in the Life Cycle of Adulthood and Their Policy Implications: A Need-Selection Model Analysis of the Korea Health Panel Survey Data. *Healthcare*. 2022. Vol. 10. No. 11. Article 2243. DOI: [10.3390/healthcare10112243](https://doi.org/10.3390/healthcare10112243)
9. Corscadden L., Levesque J.F., Lewis V., Strumpf E., Breton M., Russell G. Factors Associated with Multiple Barriers to Access to Primary Care: An International Analysis. *International Journal for Equity in Health*. 2018. Vol. 17. Article 28. DOI: [10.1186/s12939-018-0740-1](https://doi.org/10.1186/s12939-018-0740-1)
10. Coube M., Nikoloski Z., Mrejen M., Mossialos E. Inequalities in Unmet Need for Health Care Services and Medications in Brazil: A Decomposition Analysis. *The Lancet Regional Health — Americas*. 2023. Vol. 19. Article 100426. DOI: [10.1016/j.lana.2022.100426](https://doi.org/10.1016/j.lana.2022.100426)
11. Detollenaere J., Hanssens L., Vyncke V., De Maeseneer J., Willems S. Do We Reap What We Sow? Exploring the Association between the Strength of European Primary Healthcare Systems and Inequity in Unmet Need. *PLoS One*. 2017. Vol. 12. No. 1. Article e0169274. DOI: [10.1371/journal.pone.0169274](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0169274)
12. Elstad J.I. Income Inequality and Foregone Medical Care in Europe During the Great Recession: Multilevel Analyses of EU–SILC Surveys 2008–2013. *International Journal for Equity in Health*. 2016. Vol. 15. No. 1. Article 101. DOI: [10.1186/s12939-016-0389-6](https://doi.org/10.1186/s12939-016-0389-6)
13. Fiorillo D. Reasons for Unmet Needs for Health Care: The Role of Social Capital and Social Support in Some Western EU Countries. *International Journal of Health Economics and Management*. 2020. Vol. 20. No. 1. P. 79–98. DOI: [10.1007/s10754-019-09271-0](https://doi.org/10.1007/s10754-019-09271-0)
14. Fjær E.L., Stornes P., Borisova L.V., McNamara C.L., Eikemo T.A. Subjective Perceptions of Unmet Need for Health Care in Europe Among Social Groups: Findings from the European Social Survey (2014) Special Module on the Social Determinants of Health. *European Journal of Public Health*. 2017. Vol. 27. Suppl_1. P. 82–89. DOI: [10.1093/eurpub/ckw219](https://doi.org/10.1093/eurpub/ckw219)
15. GBD 2019 Universal Health Coverage Collaborators. Measuring Universal Health Coverage Based on an Index of Effective Coverage of Health Services in 204 Countries and Territories, 1990–2019: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2019. *Lancet*. 2020. Vol. 396. No. 10258. P. 1250–1284. DOI: [10.1016/S0140-6736\(20\)30750-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30750-9)
16. GBD 2019 Healthcare Access and Quality Collaborators. Assessing Performance of the Healthcare Access and Quality Index, Overall and by Select Age Groups, for 204 Countries and Territories, 1990–2019: A Systematic Analysis from the Global Burden of Disease Study 2019. *Lancet Global Health*. 2022. Vol. 10. No. 12. P. e1715–e1743. DOI: [10.1016/S2214-109X\(22\)00429-6](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(22)00429-6)
17. Hoebel J., Lampert T. Subjective Social Status and Health. Multidisciplinary Explanations and Methodological Challenges. *Journal of Health Psychology*. 2020. Vol. 25. No. 2. P. 173–185. DOI: [10.1177/1359105318800804](https://doi.org/10.1177/1359105318800804)
18. ISSP Research Group. *ZA8000 International Social Survey Programme: Health and Health Care II — ISSP 2021*. GESIS, Cologne, ZA8000 Data file Version 2.0.0. 2024. DOI: [10.4232/5.ZA8000.2.0.0](https://doi.org/10.4232/5.ZA8000.2.0.0)

19. Joe W., Rudra S., Subramanian S.V. Horizontal Inequity in Elderly Health Care Utilization: Evidence from India. *Journal of Korean Medical Science*. 2015. Vol. 30. Suppl. 2. P. S155–166. DOI: [10.3346/jkms.2015.30.S2.S155](https://doi.org/10.3346/jkms.2015.30.S2.S155)
20. Kim T.J., Vonneilich N., Lüdecke D., von dem Knesebeck O. Income, Financial Barriers to Health Care and Public Health Expenditure: A Multilevel Analysis of 28 Countries. *Social Science and Medicine*. 2017. Vol. 176. P. 158–165. DOI: [10.1016/j.socscimed.2017.01.044](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.01.044)
21. Lee S.Y., Kim C.W., Kang J.H., Seo N.K. Unmet Healthcare Needs Depending on Employment Status. *Health Policy*. 2015. Vol. 119. No. 7. P. 899–906. DOI: [10.1016/j.healthpol.2014.09.007](https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2014.09.007)
22. Martin S., Siciliani L., Smith P. Socioeconomic Inequalities in Waiting Times for Primary Care across Ten OECD Countries. *Social Science and Medicine*. 2020. Vol. 263. Article 113230. DOI: [10.1016/j.socscimed.2020.113230](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113230)
23. Nikoloski Z., Cheatley J., Mossialos E. Financial Risk Protection and Unmet Healthcare Need in Russia. *International Journal of Health Policy and Management*. 2022. Vol. 11. No. 9. P. 1715–1724. DOI: [10.34172/ijhpm.2021.72](https://doi.org/10.34172/ijhpm.2021.72)
24. OECD. *Health for Everyone? Social Inequalities in Health and Health Systems. OECD Health Policy Studies*. OECD Publishing, 2019. 187 p. DOI: [10.1787/3c8385d0-en](https://doi.org/10.1787/3c8385d0-en)
25. Pulok M.H., Hajizadeh M. Equity in the Use of Physician Services in Canada's Universal Health System: A Longitudinal Analysis of Older Adults. *Social Science and Medicine*. 2022. Vol. 307. Article 115186. DOI: [10.1016/j.socscimed.2022.115186](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.115186)
26. Quintal C., Lourenço Ó., Ramos L.M., Antunes M. No Unmet Needs Without Needs! Assessing the Role of Social Capital Using Data from European Social Survey 2014. *Health Policy*. 2019. Vol. 123. No. 8. P. 747–755. DOI: [10.1016/j.healthpol.2019.06.001](https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2019.06.001)
27. Ramos L.M., Quintal C., Lourenço Ó., Antunes M. Unmet Needs Across Europe: Disclosing Knowledge Beyond the Ordinary Measure. *Health Policy*. 2019. Vol. 123. No. 12. P. 1155–1162. DOI: [10.1016/j.healthpol.2019.09.013](https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2019.09.013)
28. Raudenbush S.W., Bryk A.S. *Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. 512 p.
29. Schokkaert E., Steel J., Van de Voorde C. Out-of-Pocket Payments and Subjective Unmet Need of Healthcare. *Applied Health Economics and Health Policy*. 2017. Vol. 15. No. 5. P. 545–555. DOI: [10.1007/s40258-017-0331-0](https://doi.org/10.1007/s40258-017-0331-0)
30. UN General Assembly. *Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*, A/RES/70/1. 2015. Accessed 03.06.2025. URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/unga/2015/en/111816>
31. WHO. *Thirteenth General Programme of Work 2019–2023: Promote Health, Keep the World Safe, Serve the Vulnerable*. Geneva: World Health Organization, 2019.
32. Wu J., Yang Y., Sun T., He S. Inequalities in Unmet Health Care Needs Under Universal Health Insurance Coverage in China. *Health Economics Review*. 2024. Vol. 14. No. 1. Article 2. DOI: [10.1186/s13561-023-00473-4](https://doi.org/10.1186/s13561-023-00473-4)

Статья поступила в редакцию: 05.06.2025; поступила после рецензирования и доработки: 15.08.2025; принята к публикации: 20.08.2025.

Received: 05.06.2025; revised after review: 15.08.2025; accepted for publication: 20.08.2025.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.8
EDN: TSNWUU

И.А. ШМЕРЛИНА¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ С.Л. ФРАНКА

Аннотация. Статья представляет собой опыт критического осмысления социальной онтологии С.Л. Франка с точки зрения методологических запросов социологии. Выявлены принципиальные отличия онтологических построений Франка, представленных в работе «Духовные основы общества» (1930), от взглядов, развивавшихся автором в «Очерке методологии общественных наук» (1922). Показано, что социально-онтологическая концепция Франка, вошедшая в историю социально-философской мысли в версии «Духовных основ общества», совмещает несколько самостоятельных перспектив, а именно — психологическую, теистическую, философскую объективно-идеалистическую, системную, феноменологическую, социологическую и гуманистическую.

Психологическая перспектива исходит из представления о социальном как «психическом явлении»; *теистическая* утверждает божественную основу социального бытия человека; *объективно-идеалистическая (неоплатоническая)* рассматривает общественное бытие как воплощение объективных идей, восходящих к непостижимому «всеединству»; *системная* состоит в утверждении объективных закономерностей, лежащих в основе социальных форм; *феноменологическая* исходит из идеи изначального, заложенного в природе человека «единства “мы”»; *социологическая* заставляет признать подлинность мира реальных человеческих взаимодействий и искать механизмы претворения в нем соборных начал; *гуманистическая* утверждает достоинство человека, не позволяя рассматривать его как «винтик» общественных механизмов.

Эти подходы не всегда согласуются друг с другом, в силу чего, по мнению автора статьи, в социальной онтологии Франка остаются не до конца проясненными концептуальные соотношения между идеально-объективным и субъекто-зависимым статусом общественных идей, «медиумной» и решающей ролью человека в осуществлении своего общественного бытия, исходным «единством “мы”» и идеальными смыслами частных социальных форм, божественной природой и земным несовершенством человеческого общества, оставляя в конечном счете неясным соотношение «соборности» и «общественности».

Вместе с тем социальная онтология Франка содержит ряд идей, имеющих методологическое значение для социологии, это — фундаментальная для его философии идея объективных смыслов социального взаимодействия, обладающих «транспси-

хической» природой; идея имманентно присущего человеку ощущения «единства “мы”», в эпистемологическом плане обеспечивающего его интуитивным, непосредственным доступом к социальной реальности; представление об объективной природе ценностей и неустрашимости идеально-нравственного духовного начала в жизни людей.

Ключевые слова: С.Л. Франк; социальная онтология; феноменология; славянофильство; «соборность» и «общественность»; «объективная живая идея»; «единство “мы”»; «мы» и «вы» / «они» / «оно»; металоличность, теодицея.

Для цитирования: Шмерлина И.А. Методологические перспективы социальной онтологии С.Л. Франка // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 139–163. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.8 EDN: TSNWUU

Постановка проблемы

О творчестве С.Л. Франка написано много. В том числе — о значении его социально-теоретического наследия. Между тем, несмотря на привычные заключения о непреходящем значении его работ, способных «значительно обогатить современное социальное знание» [9, с. 374], остается неясным, действительно ли социально-философские идеи Франка «сохраняют свой эвристический потенциал и сегодня» [11, с. 121] или представляют лишь историко-научный интерес.

Сложность исследования творчества Франка состоит в том, что он — глубоко религиозный философ мистического склада мышления, и аутентичное прочтение его работ возможно только с учетом этого обстоятельства¹. Мы не разделяем мнения тех специалистов, которые связывают значение работ Франка с обращением к «постсекулярной» парадигме социально-гуманитарных исследований [10, с. 26]. Подобный путь не кажется перспективным: он приведет, на наш взгляд, к контаминации понятийных систем религии и социальной науки. Рассмотрение творчества Франка в секулярной проекции, из которой мы исходим, требует социологической / социально-философской переинтерпретации основных категорий и посылов его философии, что является нетривиальной задачей и не обречено на успех. Настоящая статья представляет собой опыт реализации данной задачи, выполненный с позиций социологического реализма. Это задает определенный, методологически «предвзятый» и, разумеется, сугубо светский ракурс рассмотрения идей Франка, которые в иной методологической проекции могут быть прочитаны иначе.

Оправданным будет также вопрос о целесообразности такого рода переинтерпретации. Мы полагаем, что за творчеством крупных мыслителей, сколь бы своеобразным оно ни было, всегда стоят некоторые реальные сущности и связанные с ними проблемы, и объективно их творчество содержит приближение, в той или иной форме, к постижению этих сущностей. В условиях отсутствия, по мнению ряда исследователей, включая автора настоящей публикации, консенсуса относительно методологических оснований социального поиска обращение к социальной философии Франка может оказаться полезным и стимулирующим шагом.

¹ Религиозно-мистическую подоплеку философских построений С.Л. Франка, обусловленную мировоззренческим складом его личности, отмечали многие исследователи. Систематизированное освещение этой темы см. в: [25].

Представленный ниже материал следует рассматривать как синтетическую реконструкцию социально-онтологических взглядов Франка. Она строилась с учетом эволюции его мировоззрения и философских взглядов, однако наш интерес состоял не в том, чтобы детально воспроизвести научную биографию мыслителя, а чтобы выявить и рассмотреть осадившийся в истории философской мысли комплекс идей, *обобщенно* воспринимаемый современным читателем как концепция социальной онтологии Франка. Ключевой в этом отношении является работа Франка зрелого периода творчества «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» (1930), и именно на ней будет главным образом базироваться наш анализ.

Общество как духовное всеединство

Несмотря на религиозную основу мировоззрения, Франк — глубокий социальный философ, и он не только исходит из мистического проникновения в сущность вещей, но и дает глубокую проработку выдвигаемых положений², что позволяет навести концептуальные мосты между его рассуждениями и социологическим дискурсом. Уже тот вопрос, с которого начинается работа «Духовные основы общества», — «Что такое есть собственно общественная жизнь?» [17, с. 15], а также заостренная постановка проблемы социологического реализма / номинализма в главе 1 («существует ли вообще общество как самобытная реальность, как особая область бытия?») [17, с. 37]³ — открывает возможность диалога между социальной наукой и религиозной философией⁴. Между тем практически осуществить его непросто.

Франк принципиально исходит из теистической перспективы в понимании природы общества. Общество, согласно его представлениям, есть духовная целостность, предопределенная свыше:

«...в основе общества лежит некое мистическое, сверхприродное всеединство. Ядро и как бы животворный зародыш общества, его внутренняя живая энтелехия, есть соборное единство внутренней духовной жизни, жизни в Боге» [17, с. 92].

² Как подчеркивал в своих воспоминаниях о С.Л. Франке его брат (по матери) Л.В. Зак, «В течение всей своей жизни С. Л. оставался всегда человеком мысли, человеком знания и науки, и научный метод мышления не покидал его и в его религиозных произведениях» [6, с. 20].

³ В целом глава 1 «Общество и индивид» представляет собой полноценный историко-социологический очерк, сохраняющий свою актуальность.

⁴ Вопросы онтологического своеобразия общества занимали Франка с самого начала его научной биографии — еще в тот ранний период творчества, когда он был увлечен созданием «новой, только что зарождающейся, не имеющ<ей> ни системы, ни учебника... науки», [15, с. 350] — социальной психологии и не встал осознанно на путь метафизических исканий (впрочем, подспудно эти искания всегда так или иначе направляли его исследования, уходя своими истоками в испытываемое еще в детстве «мистическое чувство божественного всеединства» [21, с. 120]). Так, в «Конспектах...» лекций по социальной психологии 1902 г., размышляя о «загадочности общества», он формулирует в качестве «основного» «вопрос: каким образом индивидуальное в совокупности создает что-то над-индивидуальное, sociale Gebilde*» [15, с. 298; 271].

* Социальная структура, социальные образования (*нем.*).

Будучи трансцендентной целостностью, в своей окончательной сущности соборность металоги́чна (т. е. принципиально превосходит обозримые человеком горизонты логики⁵) и непостижима «по *самому своему существу*» [18, с. 229]. Лишь «опыт — но опыт еще не рационализированный, не препарированный и тем как бы высушенный в понятиях, а, напротив, совершенно первичный и непосредственный, во всей сочности и жизненности того, что он нам говорит», опыт как «немое, молчаливое, несказанное знание», как «непосредственное “узрение”», «некое немое соприкосновение, несказанная внутренняя охваченность» реальностью дает человеку некоторый доступ к «металогическому существу или образу бытия» и служит «первоисточником всякого предметного знания» [18, с. 229–233; 313].

Такого рода рассуждения не поддаются социологической интерпретации. Однако мы можем выделить в них положения, которые имеют методологическое значение и допускают теоретическое развитие. Важнейшим из них является положение о транспсихической, т. е. принципиально внесубъективной природе общества. «Общественная жизнь», по Франку, есть «действие объективной, транспсихической, сверхчеловеческой реальности» [17, с. 89]. В этом плане представляется спорным мнение специалистов, акцентирующих в социальной онтологии Франка «чистую антропологическую философскую установку, по преимуществу персонального толка» [7, с. 22]. При всем том огромном значении, которое Франк придавал личности человека, персональной свободе и праву на достойную жизнь, общество, согласно его социально-онтологической концепции, не порождается человеком ни из глубин его души, ни в процессе социального взаимодействия, но предстает ему как первичная целостность, как «*особая, своеобразная область бытия... не... просто совокупность, внешняя связь и взаимодействие индивидов, а... их первичное внутреннее единство — исконное многоединство, или соборность, как специфическая форма бытия*» [17, с. 64]. Это — одна из программных установок философии Франка, формулируемая им со всей отчетливостью. Как справедливо пишет Н.Ю. Матвеева, «благодаря понятию соборности... мы приходим к чрезвычайно важным выводам относительно фундаментального вопроса современной социологии — вопроса о существовании единства общества как особого целого» [12, с. 18]. Именно пренебрежение этой идеей, постижимой не на уровне внешнего анализа «эмпирии действительности», но требующей движения «вглубь, в истинное, а следовательно, и в подлинное общее существо общественной жизни», «не доступное эмпирическому знанию» [17, с. 20], послужило Франку основанием для критики социологии — весьма жесткой и лишь отчасти справедливой⁶, но точно

⁵ «Сплошное единство бытия» «не подчинено... логическим принципам или законам, а возвышается над ними или, лучше сказать, лежит *глубже их*, составляет более первичный слой реальности. Этот слой мы называем *металогическим единством*»; «...всякая реальность в ее конкретности *металоги́чна* и потому сверхрациональна, непостижима по своему существу. Она непостижима, таинственна и чудесна в этом смысле... не по слабости наших познавательных способностей, не потому, что скрыта от нашего взора, а потому, что *ее явно нам предстоящий состав сам по себе, по своему существу, превосходит все выразимое в понятиях и есть в отношении содержания знания нечто безусловно инородное*. Именно в этом смысле оно *непостижимо по существу*» [18, с. 226–227, 232].

⁶ На фоне этой критики обращает на себя внимание позитивная оценка Франком органической теории общества — именно вследствие того, что она, несмотря на ошибочную «биологически-натуральную форму», отразила «первичное, подлинно реальное единство общества» [17, с. 46].

отражающей, однако, типичную черту и современных социологических поисков, а именно — отсутствие в них подлинного исследовательского интереса к «фундаментальному вопросу» социальной онтологии.

Дальнейшее погружение в социальную онтологию Франка порождает ряд трудно разрешимых вопросов относительно существа соборности и механизмов ее реализации в общественной жизни людей.

Соборность как «система... сверхчеловеческих идей». «Жизненные формы» «соборного единства»

Общество имеет соборную божественную природу и в этом своем качестве в некоей окончательной глубине принципиально непостижимо — такова суть позиции Франка. Однако, в отличие от славянофилов, открывших в отечественной философской мысли дискурс соборности, у Франка соборность — не просто *благодать*, не позволяющая ставить вопросы и не требующая ответов, но нечто философски осмысленное, а именно — «система объективных идеально-формирующих сверхчеловеческих идей» [17, с. 74–75]:

«Существует сфера идеальных соотношений, вневременно сущая и потому независимая от сферы человеческой душевной жизни. Кроме области математики и логики к этой сфере относится и предмет чистой этики... По образцу этой объективно-идеальной сферы мы, по-видимому, должны мыслить и своеобразную природу общественного бытия» [[17, с. 70–71].

Из текстов Франка понятно, что речь идет не только об идее «исконного многоединства», но и о специфических идеях, задающих контуры социальных форм семьи, дружеских союзов, государства, любых социальных объединений.

Данная линия рассуждений, вызывающая отчетливые коннотации с концепцией Третьего мира К. Поппера, накладывается на теистическую: Франк подчеркивает сакрально-мистическую природу любого общественного союза, божественная предопределенность которого делает его существование абсолютно необходимым. Так, он пишет:

«Чуткое и правдивое сознание должно всегда ощущать даже в самом прозаическом, секуляризованном, “мирском” общественном явлении что-то мистическое. Мистично государство, — это единство, выступающее как сверхчеловеческая личность, которой мы служим... встреча с которой вызывает в нас религиозный трепет... Мистичен “закон”, которому мы повинемся... Мистичен брачный и семейный союз, в котором люди подчинены высшим, из каких-то глубочайших недр их существа проистекающим силам, их объединяющим. Мистичны даже “общественное мнение”, нравы, мода... это всё... начала и силы, выходящие за пределы субъективно-человеческого бытия», они есть «действие объективной, транспсихической, сверхчеловеческой реальности» [17, с. 73–74, 89].

К представлению о «транспсихических» силах, предопределяющих конфигурацию социальных взаимодействий, и тому, что можно было бы назвать объективной *социальной формой*, Франк пришел, по-видимому, еще в дорелиги-

озный период своей научной биографии, связанный в том числе с пристальным вниманием к творчеству Г. Зиммеля. Решительно и в значительной степени справедливо критиковавший формальную социологию Зиммеля, он вместе с тем дал ей глубокое аутентичное прочтение и, по сути, во многих вопросах был согласен с немецким философом. В работе «Сущность социологии», посвященной рассмотрению социологии Зиммеля и написанной значительно раньше «Духовных основ общества» (в 1909 и 1929 гг. соответственно), рассуждения Франка об объективной природе общественных форм фактически сливаются с рассуждениями Зиммеля — так что читателю порой трудно однозначно понять, кому принадлежат излагаемые взгляды⁷. Для иллюстрации надындивидуальной природы форм общения Франк берет такой сложный, психологически и эмоционально насыщенный случай, как дружба:

«Возьмем для примера такое близкое к индивидуальным переживаниям и как бы сливающееся с ними социологическое явление, как дружба; внимательный анализ показывает, что, тогда как реализующие это явление индивидуальные конкретные психические феномены, например чувства симпатии, акты дружеского расположения, появляются... спорадически, от времени до времени, само отношение дружбы мыслится как длительное, непрерывное и устойчивое состояние, бытие которого выходит за пределы отдельных психических его проявлений и обладает самостоятельным, надындивидуальным и объективным характером» [23, с. 268].

В «Духовных основах...» Франк обращается к подобным примерам уже вне всякой связи с Зиммелем, подчеркивая поучительность в теоретическом плане примеров, отсылающих «к так называемым “личным отношениям” между людьми»:

«Кто стал бы утверждать, что, например, дружба или брачный союз как отношение между людьми есть не что иное, как комплекс чувств и настроений друзей или любящих, тот не в силах был бы объяснить, почему участники такого союза ощущают союз как некую объективную связь, независимую в известной мере от их субъективных переживаний... одно дело — субъективный комплекс чувств, настроений и стремлений людей, а совсем другое — та объективная общественная инстанция (закон, строй, власть, отношение) [форма], которая опирается на этот комплекс и в конечном счете от него зависит. Как уже

⁷ См., в частности: «...легко подметить, что объект социологии — формы и процессы общения — не совпадает целиком с объектом психологии, — как бы трудно ни было логически уяснить природу этого самостоятельного остатка. Дело в том, что все общественные явления обладают одним существенным признаком, несовместимым с их предполагаемой психической природой: все они — надындивидуальны*, ведут самостоятельное объективное существование, вне и выше индивидуальных психических переживаний. Конечно, все явления общения... осуществляются и совершаются в индивидуальных сознаниях и через их посредство, но этой индивидуально-психологической реализацией их подлинный смысл и характерная природа исчерпываются так же мало, как мало природа материального бытия исчерпывается тем, что оно непосредственно дано нам как представление нашего сознания» [23, с. 266].

В этом плане представляется спорным мнение Г.Е. Аляева и Т.Н. Резвых, что «Сущность социологии» может быть всецело отнесена «к социально-психологическому разделу... библиографии» Франка [3, с. 235–236]. Эта работа написана в 1909 г., на излете психологического этапа научной биографии Франка, и, в нашем представлении, отражает скорее «“метафизический поворот” Франка», который Аляев датирует 1908–1910 гг. [1, с. 88].

* Все шрифтовые разрядки в цитатах (в сносках и основном тексте) сделаны С.Л. Франком.

указано, само общественное явление как таковое отличается от всего психического, субъективного, внутреннего именно своей объективностью, своим бытием вне сознания, своей почти осязаемой массивностью, напоминающей непроницаемость и инерцию материальных вещей» [17, с. 70].

Вряд ли могут быть сомнения относительно влияния Зиммеля и в использовании Франком самого понятия социальной формы — как в содержательном, так и в терминологическом плане. Развивая социологически ориентированный подход к соборности, в «Духовных основах...» Франк выделяет три типа «жизненной формы, в которой осуществляется соборное единство», это — семья и религиозная жизнь как «первично-органические формы», а также «третья... форма в лице общности судьбы и жизни всякого объединенного множества людей» [17, с. 59].

Системная природа общества

В обосновании транспсихического статуса социальной формы довольно неожиданно вплетается новая — системная — линия. Обращая внимание на существование некоего логического порядка вещей, «связей, вытекающих из самого мыслимого общего (“идеального”) содержания данной области бытия и потому абсолютно (“априорно”) необходимых», Франк распространяет подобный законсообразный порядок вещей на сферу социального:

«...из самого существа общества следует... что общество есть объединение многих людей для совместной жизни, что во всяком обществе должна существовать какая-то вообще организация, какой-то порядок, что во всяком обществе есть какая-то власть или какой-то авторитет... что в обществе действуют некие общие правила... и т. п. Вы можете строить какие угодно планы общественных реформ, можете как угодно изменять общество — и все же всегда вы должны будете считаться с этими имманентными закономерностями или, точнее, необходимыми связями, логически вытекающими из общего содержания того, что вы мыслите под “обществом”» [17, с. 32].

Эта системная логика рассуждений подкрепляется биологическими по сути аргументами. Так, Франк пишет: «...человек вообще существует лишь через физиологическую связь с другими людьми... Человек есть не просто человек, а именно мужчина и женщина, — как сказано в Библии...» [17, с. 58].

Системные интуиции Франка, причем в строго научной, свободной от мистического флера, постановке, отчетливо прозвучали еще в «Очерке...», где он программно презентировал мысль о «единстве общества» как «единстве системы» [20, с. 71], рассматривая общество как особого рода «целое», отличное от целого в арифметическом смысле, — «целое... как таковое, [которое] логически первее своих частей» [20, с. 60].

«Реальность общего, — подчеркивал он, — есть истина, твердо установленная современной логикой, уяснившей принципиальную правильность платонизма (платонова учения об идеях как реально-общем); и речь идет здесь, конечно, не о мистическом гипостазировании общего, т. е. не об утверждении его конкретного и обособленного от единичных вещей существования, а об его реальности как подлинного (а не субъективно созданного) е д и н с т в а , присущего многообразию единичных элементов» [20, с. 59].

Очевидно, что аргументация, столь убедительно развернутая в «Очерке...», отчасти перешла на страницы «Духовных основ...». Однако, если в «Очерке...», который гораздо более социологичен⁸, нежели «Духовные основы...», она звучит убедительно, то, помещенная в теистический контекст «Основ...», порождает диссонанс с религиозно-мистической тональностью этого сочинения. Неслучайно эта, системная, линия рассуждений исчезает на его страницах столь же неожиданно, сколь и появляется. Более того, она в значительной степени подавляется социально-конструктивистскими «уклонами» франковских построений. Последние «дезавуируют» не только системную, но и отчасти теистическую линию рассуждения, о чем речь пойдет далее.

Субъективистские мотивы социальной онтологии Франка

Раскрытая выше логика социально-онтологической концепции Франка предопределяет вывод о «медиумном» статусе человека в своем общественном бытии. Местами Франк пишет об этом открыто и со всей определенностью:

«Человек по самому своему существу никогда не есть самодержавный хозяин своей жизни; он есть, напротив, исполнитель высшего веления, проводник абсолютной, Божьей правды, слуга, а не хозяин»; «Человек есть всегда не самодержавный творец и демиург своего бытия... человек на всех стадиях своего бытия, во всех исторических формах своего существования есть как бы медиум, проводник высших начал и ценностей, которым он служит и которые он воплощает...» [17, с. 108; 75].

В последнем случае, впрочем, Франк делает оговорку: «...правда, медиум не пассивный, а активно соучаствующий в творческом осуществлении этих начал» [17, с. 108; 75]. Эта оговорка неслучайна, она связана с противоположной интенцией Франка, а именно — стремлением обосновать не просто социальную «дееспособность» человека, но его определяющую в конечном счете роль в общественной жизни.

Проводя эту линию, Франк вводит положение об отличии «общественного бытия... от абстрактно-идеального вневременного бытия» как «принадлежащего к человеческой жизни вообще и неразрывно с ней связанного» [17, с. 71]:

Общественная идея, будь то идея дружбы или идея власти, «в отличие от частного идеального бытия математических или логических содержаний есть интегральный момент коллективной человеческой жизни; она творится самими людьми, вырастает из их совместной, коллективной жизни и укоренена в ней, а потому и живет во времени, рождается, длится и исчезает, подобно всякой иной жизни на Земле» [17, с. 72].

⁸ Методология, которую развивал Франк в этой работе, ориентирует социальную науку (которую он предпочитает мыслить как социальную психологию, хотя речь идет скорее о социологии) на изучение «процессов взаимодействия <не самих по себе, как таковых, но> на почве первичного единства» [20, с. 69]. Это означает совмещение в социологическом анализе «идеологического... и реального обществоведения», в силу «двойственности общественного явления» совмещающего «в себе признаки реального процесса с признаками сверхвременной идеи» [20, с. 100]. В целом наброски социальной онтологии, которые представлены в «Очерке...», с социологической точки зрения представляются несомненно более перспективными, нежели концепция, изложенная в «Духовных основах...». Если в «Очерке...» Франк стремился дать строго научное обоснование социологического реализма (или «универсализма», как он предпочитает его называть), то в «Духовных основах...» универсализм излагается им преимущественно (за исключением тех случаев обращения к системной логике, которые мы показали) в той критикуемой им в «Очерке...» «не проясненной мистической форме», что несовместима «с логическим анализом» [20, с. 71].

Франк как будто забывает о введенном им самим различии психической и идеально-объективной («третьей») сфер бытия (см.: [17, с. 70]), которое позволяет снять противопоставление общественных идей математическим / логическим / этическим. И первые и вторые могут быть поняты как идеальные структуры, имманентно присущие обществу, математике/логике/этике и существующие в регистре потенциального как логически — «абсолютно (“априорно”) необходимые» [17, с. 32] и в этом отношении «вневременные» сущности. В то же время математические / логические / этические, как и общественные сущности, существуют не сами по себе, в статусе платоновских идей, но лишь в реализованном человеком виде⁹.

Развивая мысль о зависимости общественных идей от деятельности человека, Франк прибегает к формулировкам, которые сближают его позицию с тем, что сегодня мы назвали бы социально-конструктивистской методологией.

«...явления общественной жизни не только в своем рождении, но и во всем своем дальнейшем бытии приурочены к человеческому сознанию, их порождающему, существуют в связи с ним, в отношении к нему и исчезают, растворяются в ничто, как дым, если эта внутренняя нить окончательно обрывается»; «Общественное бытие... есть подлинно объективная реальность, которая, как некий осадок, вырабатывается самим человеческим духом, выделяется им и неразрывно с ним связана» [17, с. 72; 73].

Пытаясь сохранить при этом положение об «надындивидуальной и сверхпсихической объективности общественного бытия», Франк в качестве аргумента неожиданно прибегает не к объективно-идеальной / божественной природе общественных идей, но к социологическому доводу, указывающему на факт *объективации* продуктов человеческой деятельности, превращающей последние в явления культуры: «...связь с человеческой жизнью и зависимость от нее несколько не отменяет надындивидуальной и сверхпсихической объективности общественного бытия, подобно тому как, например, человеческое происхождение творений искусства — статуи, картины, поэмы — не уничтожает их объективного бытия вне человеческой психической жизни и не противоречит ему» [17, с. 72]. Эта тема объективации, к которой мы вернемся ниже, методологически связана с социологическими / социально-психологическими установками Франка.

Еще ярче и в явном диссонансе с исходным онтологическим положением об объективности и системной / божественной предопределенности общественных форм звучат рассуждения о принципиальном значении рефлексии людей над смыслами взаимодействий, в которые они вступают:

«Поскольку общение между людьми совершается просто в порядке фактического взаимодействия их, фактической встречи и переплетенности их душевных процессов, оно еще не есть общественное явление. Лишь когда единство, лежа-

⁹ Эта мысль вполне отчетливо артикулирована самим Франком в «Очерке...», где он пишет, что «идеальное и реальное суть вообще и везде не самостоятельные и отрешенные области бытия, а лишь зависимые и соотносительные стороны конкретного сверхвременного единства бытия, — единства, в силу которого все единичное и временное, т. е. всякая конкретная реальность имеет свою идеально-вневременную сторону, и, наоборот, все идеально-вневременное необходимо связано с временной реальностью» [20, с. 80], и странно, что Франк при этом продолжал настаивать на своеобразии общественных идей как специфически нуждающихся в пространственно-временной реализации.

щее в основе этого общения, воспринимается и действует как сила или инстанция, которой подчинены участники общения, как образцовая идея, которую они должны осуществлять в своем общении, мы имеем подлинно общественное явление. Так, частые встречи между двумя людьми и их взаимная симпатия еще не есть союз дружбы; последний имеет место там, где эти люди сознают себя “друзьями”, т. е. подчиняют свои отношения идеалу дружбы, где дружба как “союз”, как “единство” сознается ими как объективное начало, властвующее над ними обоими» [17, с. 71].

Означает ли это, что тесное и доверительное общение людей не может называться дружбой до тех пор, пока они не назовут это словом «дружба», соотнеся с соответствующим высоким идеалом, а длительный интимно-бытовой союз мужчины и женщины не станет семьей, пока они не проникнутся идеальным смыслом своих взаимоотношений? По-видимому, осознавая излишний ригоризм своих ожиданий от людей — постигать высшие идеальные смыслы своих взаимодействий с окружающими, Франк возвращается к идее объективного статуса социальных форм:

«Эта идея [дружбы и прочих общественных структур. — И. Ш.] не есть, конечно... просто субъективная мысль участников общения; в известном смысле она, напротив, как уже было указано, совершенно независима от фактических субъективных душевных их переживаний; в качестве объективного единства и в качестве силы, властвующей над участниками общества, она есть нечто выходящее за пределы всего субъективно-психического»; «...человек есть всегда не самодержавный творец и демиург своего бытия, и общественное бытие есть всегда больше, чем имманентное выражение чисто человеческих (в позитивно-натуральном смысле) страстей и субъективных стремлений» [17, с. 72; 75].

Подобные «качели» в рассуждениях философа присутствуют на многих страницах «Духовных основ...» и в целом, по-видимому, отражают некое неустранимое противоречие в его мировоззрении, связанное с проявившимися еще в «эпоху неверующей юности» [21, с. 109] психологизаторскими методологическими установками в отношении общественного бытия. Этот период отмечен выраженным интересом Франка к проблематике общественной жизни. Яркими проявлениями его взглядов тех лет выступают работа 1905 г. «Проблема власти» [22]¹⁰ и «Конспекты...» [15] к лекциям по социальной психологии, которые Франк читал в 1906 г. на общеобразовательных курсах при женской гимназии М.Н. Стоюниной, а разрабатывать начал еще в 1902 г. В первых конспектах 1902 г. Франк придерживается постулата, что «всякий социальный факт есть психическое состояние», а «все общественные явления, учреждения — не что иное, как псих<ические> явления» [15, с. 271–272]. В конспектах 1910–1911 гг. намечается принципиальный онтологический поворот в рассуждениях Франка¹¹, однако психологические

¹⁰ Любопытно, однако, что уже в этой ранней работе, где все социологические понятия программно раскладываются на «элементарные социально-психические данные» [22, с. 95], чувствуется смутная неудовлетворенность Франка избранной методологической позицией, в силу чего он вновь и вновь возвращается к мучительному вопросу о природе сверх-индивидуальных явлений, в описании которых прибегает к показательному эпитету «мистический».

¹¹ См.: «Наряду с психич<еским> и телесным существует духовная реальность [подчеркнуто Франком. — И. Ш.]. Социология есть наука о духовных, а не индив<идуальных> психич<еских> реальностях» [15, с. 354].

установки все еще сохраняются: «...индивид<уальное> сознание — общественный атом»; «Действие сознания на сознание. Все сложнейшие общественные явления должны быть сведены сюда» [15, с. 355; 356].

Впоследствии эти установки ослабевают¹², но не столько за счет перехода на теоретико-методологические позиции социологического реализма, сколько за счет «подключения» теистической перспективы анализа, а вместе с ней, неизбежно, методологического фона холизма.

При этом следует особо подчеркнуть, что в решении дилеммы социального реализма / номинализма уже ранний Франк выступает как зрелый мыслитель и «вопрос об объективной сверхличной реальности общественных отношений» [15, с. 379] рассматривает во всей его сложности, в полной мере учитывая как слабые стороны номинализма, так и *реальные* основания социального реализма. Неудивительно, что и на более поздних этапах творчества методология субъектности продолжает в определенной степени направлять построения Франка. Эта методология не только опирается на теоретические и философские соображения, но, думается, в значительной степени определяется гуманистическими мировоззренческими установками Франка.

Как отмечают Г.Е. Аляев и Т.Н. Резвых, преодолев «ошибки... одностроннего психологизма», Франк не пошел и по пути «излишне прямолинейного антипсихологизма» [2, с. 398]. По мнению названных авторов, философу удалось встать «над схваткой, преодолевая в определенном смысле саму проблему, само противостояние психологизма и антипсихологизма» [2, с. 399]. С этой оценкой можно соглашаться или спорить, но очевидно то, что субъективистская методологическая нить — местами четкая и хорошо различимая, местами прерывающаяся — прослеживается в том числе и в поздних текстах Франка.

В конечном счете даже у позднего Франка мы не видим законченного решения относительно объективного / субъективного статуса общественных идей и, соответственно, последовательного решения вопроса о роли субъекта в их осуществлении¹³.

¹² Эволюцию социально-философских воззрений Франка, связанную с отходом от методологии психологизма и вызреванием метафизического ракурса анализа социального бытия, хорошо иллюстрирует «Очерк методологии...» (1922), где Франк исходит из «надындивидуальной» природы общественного явления, которое «в своем бытии в известном смысле вообще независимо от психических явлений» [20, с. 47].

Примечательной в плане дальнейшей эволюции взглядов Франка является написанная на немецком и предшествующая «Духовным основам...» статья «К феноменологии социального явления» (1928), где он, развивая метафизическую линию рассуждений и признавая существование «более высокого или скорее более глубокого слоя бытия [нежели непосредственная социальная реальность. — И. Ш.], назовем его кратко, по примеру Гегеля, *объективным духом*, в котором *укоренена сама человеческая психика*», возвращает «человеческий фактор» в свой анализ. Франк подчеркивает, что социальные явления, несмотря на «*транспсихическую объективность*», «в своем реальном существовании *зависят* от направленности человеческих душевных усилий. <...> *Человек как медиум и одновременно свободный воплотитель глубокой, вне- и надчеловеческой потенции* и социальная действительность как видимое откровение этой потенции в человеческой жизни — вот оно, решение...» (цит. по: [13, с. 217]).

¹³ Присутствующее в социальной онтологии Франка напряжение, своего рода «деструктивный баланс» между неоплатонической, теистической и субъективистско-конструктивистской линиями анализа подмечено и другими исследователями. Так, Т. Резвых пишет: «Франк стремится построить онтологию, в которой мир, с одной стороны, конструируется сознанием, представлен в его формах, а с другой стороны — принудительно стоит перед субъектом, сохраняет объективность» [14, с. 200]. Н. Матвеева справедливо замечает: «Франк акцентирует внимание на, казалось бы,

Отдельного рассмотрения требует феноменологическая линия рассуждений Франка о соборности, в рамках которой отмеченное выше противоречие между объективистскими и субъективистскими представлениями об идеальных началах социального бытия оказывается снятым.

“Соборность” как «единство “мы”»: феноменологическая и социологическая линии рассмотрения

Как уже отмечалось, в трактовке понятия соборности Франк довольно далеко уходит от изначально славянофильского представления, акцентирующего ее божественно-благодатную природу. Соборность А.С. Хомякова — католическая, она понимается как мистическое единство вселенской церкви. Соборность Франка отчетливо социологична, она есть единство социального организма и сродни «глубинному, мистическому влечению к... <социальной общности>¹⁴, как любовь... как некоторый род эроса, рождающего крылья души, как нахождение себя в единстве с другими... реальный выход из себя, особый *transcensus*» [4, с. 393]. С.Н. Булгаков, фрагмент из сочинения которого приведен выше, называет такую соборность «натуральной» и замечает, что «это натуральное единство или соборность принципиально отлично от единой, истинно католической соборности в царстве благодатном, Церкви...» [4, с. 393–394].

Впрочем, и «натуральная соборность» Франка есть, безусловно, проявление божественного начала. Отнюдь не сужая религиозно-мистического ракурса ее рассмотрения, Франк вводит одновременно феноменологическую линию и переносит соборность в душу человека¹⁵, в самую глубину его внутреннего «я». Соборность выступает как некое «первичное органическое единство “мы”», и это «единство “мы” внутренне присутствует в каждом “я”, есть внутренняя основа его собственной жизни...» [17, с. 95; 61].

Переживаемое человеком тем или иным образом «“мы” есть... некая первичная категория личного человеческого, а потому и социального бытия» [17, с. 61]. «Феноменология... преобразуется в (платоновскую) метафизику души...» (из статьи Франка «К феноменологии социального явления», 1928; цит. по: [13, с. 224]).

Чрезвычайно плодотворное в общепhilosophическом плане совмещение феноменологической и метафизической перспектив¹⁶ в социально-онтологической концепции Франка, постулирующей «двойственность» / «двуединство» [17, с. 54, 75]

несовместимых, противоположных свойствах социальной жизни: субъективности (т. е. признанности социального отношения людьми) и объективности (существовании вне сознания индивидов). Для объяснения этих противоположных качеств нет необходимости прибегать к каким-то дополнительным допущениям или объяснениям: достаточно просто признать их как факт, признать их действительность, полагает ученый» [11, с. 126].

¹⁴ У С.Н. Булгакова — «своему народу», поскольку контекст его работы задан проблематикой национализма.

¹⁵ Влияние Гуссерля, с творчеством которого Франк был хорошо знаком (в частности, он редактировал русский перевод I тома «Логических исследований»), здесь несомненно.

¹⁶ Напомним классическое: «Феноменология есть способ подхода к тому и способ показывающего определения того, что призвано стать темой онтологии. *Онтология возможна только как феноменология*» [24, с. 35]. Ср.: «...всякая феноменология... есть погружение мысли в бесконечное богатство бытия, т. е. метафизика» [19, с. 34–35].

социального бытия (см. следующий параграф «“Соборность” и “общественность”»), требует некоторой конкретизации, проясняющей соотношение онтологической первоосновы и эмпирии человеческих взаимодействий, механизмы воплощения идеального социального бытия в реальное. В частности, не совсем понятно, следует ли понимать «единство “мы”» в качестве некоей исходной интуиции всечеловеческого единства, или оно специфицируется как переживание идей, лежащих в основе дружбы, семьи, религиозной общности, любых других социальных объединений людей. Франк не останавливается на этом вопросе, обрывая феноменологическую нить рассуждения столь же быстро, как и системную. Этому можно дать теоретико-методологическое объяснение. Дело в том, что феноменологическая логика анализа в известном смысле, и в частности в ракурсе двойственной социальной онтологии Франка, оказывается плохо совместимой как с объективно-идеалистической, так и с теистической логикой. Указанные линии задают разные методологические проекции в анализе онтологии общества: первая, объективно-идеалистическая, нацеливает на рассмотрение общественных идей в их собственном бытии (и, по-видимому, требует выявления некоей логики в исследуемой совокупности идей), вторая, феноменологическая, — на то, как эти идеи переживаются человеком и воплощаются в его реальных взаимодействиях. Теистическая методология делает излишней как первую, так и вторую линии, снимая в том числе и главную интригу, лежащую в основе феноменологии, — откуда и как возникает «другой»; все это перестает быть интригой, переходя в разряд «непостижимого».

В работах Франка присутствует также линия анализа, сближающаяся с социологическим конструктивизмом. Имеется в виду рассмотрение «мы» как объективирования и гипостазирования «связи, соединяющей человеческие существа» [18, с. 381]. Истоки этой линии восходят к социально-психологической методологии его раннего творчества. Тема «объективации или гипостазирования психических данных в форме реального или внеиндивидуального “отношения”» [22, с. 89] появляется в работах Франка «Проблема власти» (1905) и «Конспекты...» (1906), демонстрирующих его приверженность психологической методологии в анализе социальных явлений. В сочинениях более позднего периода — «“Я” и “мы” (К анализу общения)» (1929), «Духовные основы общества» (1930), «Непостижимое» (1939) — Франк называет это гипостазированное — социологическое, по сути, «мы» — местоимениями «вы», «они», «оно»¹⁷, подчеркивая, что «мистический характер этой реальности совершенно независим от ее религиозно-этической оценки, а наличествует просто как факт, навязывающийся нам со всей необходимостью и неустранимостью фактического данного» [18, с. 383].

Отмеченное противостояние «мы» и «вы» / «они»/«оно» напрямую соотносится с базовой двуслойной конструкцией «соборность»/«общественность», представляющей собой суть социально-онтологической концепции Франка.

¹⁷ Эти термины Франк употребляет недостаточно строго: в некоторых местах «они» и «вы» обозначают объективированное «мы», в других — противостоящую «мы» общность, выступая в качестве члена социологической оппозиции *мы* — *они*. Бóльшая определенность наблюдается в отношении местоимения «оно», которое относится к «мы» как «предметная реальность» [16, с. 258], как «сгущенное», «отчужденное» и «опредмеченное “мы”» [18, с. 384].

«Соборность» и «общественность»

Наряду с соборным многоединством как «специфической формой бытия» Франк различает и признает реальное, фактическое общество, атрибутами существования которого выступают отнюдь не многоединство и гармония, а, напротив, «раздельность и противоборство» [17, с. 54]. Речь идет о хорошо известном в франковедении онтологическом разделении на «соборность» и «общественность». Первая суть скрытая, глубинная и подлинная суть бытия, вторая — его внешняя, манифестируемая сторона. Эти стороны общества соотносятся между собой как неадекватные друг другу реальности, в силу чего, пишет Франк, «общество не есть цельное... сплошное и однородное всеединство» [17, с. 54].

Мысль о неоднородной природе общества достаточно отчетливо оформилась еще в «Очерке методологии общественных наук» (1922), где Франк постулирует его «промежуточное место между... двумя областями бытия» — природой как «совокупностью явлений, приуроченных к определенным местам в пространстве и протекающих во времени», и «сверхпространственным и сверхвременным» «идеальным бытием... изучаемым... математикой и логикой». Воплощая в себе и то и другое начало, общественное бытие, по мысли Франка, «есть конкретная жизнь человеческого духа... Она... с одной стороны, развертывается в конкретное многообразие явлений, локализованных во времени и отчасти в пространстве, с другой — есть конкретное проявление именно идеального начала...» [20, с. 11]. В названной работе эта мысль не получила окончательного концептуального оформления, в «Духовных основах...» Франк доводит ее до конца. Общество оказывается расколотым на два плохо совместимых между собой пласта:

«...общество имеет двойственную природу — “наружную” и “внутреннюю”, из которой первая необходимо неадекватна последней» [17, с. 81].

Выделение в общественных взаимодействиях нескольких слоев (в нашем представлении, минимум трех — поведения, манифестируемых смыслов и глубинных нерефлексируемых смыслов) само по себе кажется нам методологически и методически продуктивным. Однако Франк говорит не об этом. Он говорит о внешней суетной, разобщенной, наполненной конфликтами жизни людей — и соборной, исполненной единства, любви и гармонии. Первая — неподлинная, преходящая, существующая в силу греховности человека, в то время как вторая отвечает его истинной божественной природе («Богочеловечности»), в ней царят «всеединство, первичная гармония и согласованность всечеловеческой жизни»; «Это внутреннее, органическое единство... мы называем “соборностью”» [17, с. 54; 58].

Общественность и Соборность противостоят друг другу не только как внешнее и внутреннее, манифестируемое и глубинное, разобщенное и гармоничное, неподлинное и настоящее, преходящее и вечное — они имеют принципиально разные онтологические основания. Соборная сторона жизни есть «система объективных идеально-формирующих сверхчеловеческих идей» [17, с. 75]¹⁸, обще-

¹⁸ Впервые объективное существование «духовно-идеального мира общественного бытия» [20, с. 117] Франк постулирует в «Очерке методологии общественных наук», однако рассматривает его исключительно в системной парадигме, не прибегая к религиозной аргументации.

ственность — совокупность человеческих взаимодействий. При этом и та и другая равнозначны в плане своего действительного существования, выражая «две объективно реальные стороны общественного бытия»: в своей «подлинной реальности» общество принадлежит духовной, объективно-идеальной сфере и восходит к высшим духовным смыслам, другая «подлинная реальность... <есть> реальность поверхностного, наружного слоя общественного бытия» [17, с. 54].

Настаивая на том, что обе реальности одновременно присутствуют в общественной жизни, Франк решительно возражает против того, чтобы видеть в «общественности» и «соборности» две разные общественные формы, противопоставляя в этом плане свою концепцию типологии *Gemeinschaft / Gesellschaft* Ф. Тённиса. «Общественность» и «соборность» Франка — это «суть не разные конкретные формы общества, а разные моменты общественного бытия, необходимо совместно присущие всякому обществу» [17, с. 57]. Развивая эту мысль, Франк заменяет тезис о «двойственности» социальной онтологии (см.: [17, с. 54]) тезисом о ее «двуединстве»:

«...общественная жизнь... есть... обнаружение, раскрытие и воплощение вовне этой глубинной стороны духовной жизни... Вернувшись к более глубокому рассмотрению с новой точки зрения намеченного нами уже выше двуединства “соборности” и “внешней общественности”... мы увидим, что общественное бытие есть именно двуединство этой внутренней духовной жизни с ее внешним воплощением. Познание этого двуединства осветит для нас по-новому природу общественного бытия» [17, с. 75].

Однако, как замечает И.И. Евлампиев, «это плодотворное и ясное определение остается в книге без последствий и никак не используется Франком при последующем рассмотрении общества. Вместо того чтобы более детально проанализировать формы единства и взаимодополнительности идеально-духовного и материального в структуре общества, он возвращается к традиционному и достаточно банальному противопоставлению абсолютного, сверхвременного начала в человеке и обществе, выступающего как идеал (в обществе это соответствует абсолютному, соборному всеединству людей) и “объективированного”, искаженного воплощения этого идеала в эмпирической действительности» [5, с. 60].

Данное замечание кажется нам не совсем справедливым. В действительности Франк пытается соединить эти две сферы, предлагая два решения. Первое из них связано с уже рассмотренным выше соотношением «мы» и «оно» — в представленных на этот счет рассуждениях Франка описан социологический по сути механизм объективации, посредством которого *соборное* «мы» превращается в «оно» сферы *общественности*, а исходное нераздельное многоединство воплощается в частные обособленные группы, те или иные союзы, будь то «брак», «дружба», «полк» или «государство» (см.: [18, с. 382–383]). Таким образом, непостижимое мистическое понятие соборности получает у Франка достаточно осмысленную и конкретную социологическую интерпретацию, которая, однако, не получает дальнейшего развития.

Мы видим в этом некий парадокс, отражающий амбивалентность теоретических установок философа. Несмотря на фундаментальную социологичность мыслительного / интеллектуального склада, в своей осознанной и четко артикулированной философско-методологической позиции Франк принципиально

антисоциологичен. В силу этого фактически открытая — признанием равнозначности, в плане реальности существования, соборности и общности — социологическая перспектива в исследовании остается у Франка *принципиально* нереализованной. Между тем эта перспектива вполне четко была обозначена им самим еще в «Очерке...», где он постулировал «двойственный характер общественного явления» [20, с. 85] как одновременно реального, приуроченного к конкретным параметрам пространства и времени, и идеального, вневременного и внепространственного и, видя в этой «двойственности общественного явления» «возможность двойственного его изучения — именно с его идеальной и с его реальной стороны», положил ее в «основание для классификации общественных наук»¹⁹ [20, с. 85]. Уходя от *идеал-реализма* «Очерков...» к *мистическому реализму*²⁰ «Духовных основ...», Франк закрывает эту перспективу. Поздний Франк стоит на позиции, согласно которой социальные взаимодействия — консенсусно признанный предмет социологии — отражают неподлинную в высшем смысле реальность. «Ясно, — пишет он в «Непостижимом», — что адекватная своему предмету социальная философия²¹ может быть построена лишь на интеллектуальном осознании, на умственном уловлении... первичного образа бытия как “мы”» [18, с. 381).

Другой механизм, призванный соединить соборную сферу идеальной духовности и бранный мир физического существования человека, можно назвать феноменологическим или онто-феноменологическим. Согласно воззрениям философа, «объективные идеально-формирующие сверхчеловеческие идеи» заложены в душе человека и служат для него направляющей силой:

«...своеобразие объективно-идеального бытия общественного явления мы можем усмотреть в том, что оно есть образцовая идея, идея-образец, т. е. идея, самый смысл которой заключается в том, что она есть цель человеческой воли, телеологическая сила, действующая на волю в форме того, что должно быть, что есть идеал» [17, с. 71].

К представлению о телеологическом статусе «образцовой идеи» (и к самому этому понятию) Франк пришел еще в работе «Очерк методологии общественных наук» (1922), где назвал ее «объективной живой идеей» и раскрыл смысл этого выражения:

«...идеальный момент общественного явления может быть определен как объективная живая идея. Это есть объективная идея, потому что это — не чья-либо индивидуальная субъективная мысль, а объективное идеальное содержание мысли, независимое (подобно другим идеальным содержаниям) в своем бытии или значимости от факта его мышления тем или иным отдельным субъектом. Это есть объективная идея, следовательно, также в смысле ее н а д ы и н д и в и д у а л ь н о с т и , т. е. бытия или значимости сразу для многих субъектов. И это есть ж и в а я идея, потому что ее бытие состоит в ее действительности, в воздействии ее, как силы, на человеческую волю» [20, с. 77].

¹⁹ Впрочем, и здесь, в «Очерке...» Франк обходит социологию, отказывая ей в возможности «обосновывать методологию общественных наук или совпадать с нею» [20, с. 9].

²⁰ Термин, по-видимому, принадлежит И.И. Евлампиеву (см. [5, с. 16]).

²¹ Напомним, что Франк исходил из того, что «подлинно обобщающее, достаточно глубоко и широко захватывающее свой предмет обществоведение может быть только социальной философией» [17, с. 21].

Однако тот онто-феноменологический механизм действия идеальных сил, что вскрыт Франком в «Очерке...», в религиозно-мистическом контексте «Духовных основ...» теряет свою убедительность, «упираясь» в проблему теодицеи. Если Провидение посылает в этот мир идеи добра и блага, откуда берутся те деструктивные и антигуманные силы, что не дают общественности приблизиться к соборности, а соборности — полностью воплотиться? Франк прибегает к традиционному решению — путем отсылки к греховности человека.

При этом греховность последнего не позволяет рассчитывать на слияние «общественности» и «соборности» даже в самой отдаленной перспективе. В силу этого он резко критикует социально-утопические идеи, связанные с попытками «насадить... “царство Божие на земле”» [17, с. 97]:

«Утопия земного рая, полного, адекватного насаждения на земле царства Божия принципиально несостоятельна, потому что не считается с основным онтологическим фактом греховности, несовершенства человеческой природы... Все человеческое, а потому и все в общественной жизни по самой природе вещей может быть только относительно хорошим — ибо есть компромисс между абсолютным идеальным заданием и несовершенством эмпирического человеческого существа» [17, с. 106].

Таким образом, вопрос о соотношении двух реальностей, составляющих природу общества, строго говоря, действительно остается в социальной онтологии Франка открытым, не получившим последовательного решения — во всяком случае, если подходить к нему в ракурсе рационально ориентированной социальной науки.

Природа власти

Отдельного рассмотрения заслуживают социально-философские воззрения Франка на природу власти. Этот сюжет представляет собой своего рода квинтэссенцию показанных выше противоречий и при этом имеет острое социально-политическое звучание.

С одной стороны, Франк исходит «из допущения наличия в общественной жизни вечных, неизменяемых, имеющих силу при всяком историческом порядке закономерностей» [17, с. 31], причем постулирует это со всей категоричностью:

«Существуют вечные сами по себе, по своему внутреннему значению, ненарушаемые и неизменяемые законы общественной жизни...»; «Вы можете строить какие угодно планы общественных реформ, можете как угодно изменять общество — и все же всегда вы должны будете считаться с этими имманентными закономерностями или, точнее, необходимыми связями, логически вытекающими из общего содержания того, что вы мыслите под “обществом”. Связи такого рода так же нельзя нарушить или изменить, как нельзя, скажем, придумать цвет, который не окрашивал бы поверхность и не находился бы в пространстве, или какое-нибудь явление, возникающее во времени, которое не укладывалось бы в общий порядок времени, не имело бы до и после себя чего-либо иного, и т. п.» [17, с. 34; 32].

Эти законы не просто есть проявление природной необходимости, но установлены «источником высшей правды» [17, с. 34]. Представления о божественной предопределенности общественного бытия заставляют признать сакральный характер его основных форм. Именно в силу этой сакральности они, по мнению Франка, интуитивно воспринимаются людьми как «мистические сущности». Освященные свыше, эти формы незыблемы — незыблема семья, трактуемая Франком в патриархальном духе, незыблема власть, которая даже в самых деспотических своих проявлениях содержит священное зерно:

«...принцип “несть власти, аще не от Бога” выражает имманентное всякому строю общества онтологическое соотношение»; «Какое бы происхождение ни имела власть в обществе, какую бы роль в этом происхождении и укреплении ни играла фактическая сила, грубое принуждение или полезность ее для общества, по существу власть есть та инстанция, которая сознается как высшая, т. е. как инстанция, которой имманентно присуща действенная авторитетность или, иначе, веления которой сами по себе обязательны для членов общества... Власть есть та человеческая (индивидуальная или коллективная) воля, за которой признается сверхчеловеческое, идеальное достоинство должного и в этом смысле категорически требующего повиновения» [17, с. 96; 77–78].

Авторитарно-фаталистический контекст рассуждений Франка, логически вытекающий из его теоретических заключений, вступает, однако, в противоречие не только с гуманистическими мировоззренческими установками философа (в чем мы видим базовое противоречие всех его философских построений²²), но и с событиями его жизни. Франк, не принявший «безумия большевистского переворота» [17, с. 36] и высланный в 1922 г. из Советской России на «философском пароходе», не мог признать справедливость любой эмпирически осуществленной власти. В силу этого он заявляет, что, сколь бы ни были священны «ненарушимые божественные законы», «эмпирически эти законы могут нарушаться и часто нарушаются, причем результатом такого нарушения является именно гибель или в лучшем случае паралич, ослабление и болезнь общества» [17, с. 35, 34].

Это создает теоретическую проблему — как можно «эмпирически нарушать» «ненарушимые божественные законы»? Можно ли эмпирически нарушить закон всемирного тяготения — также божественный, по Франку. Или, может быть, «паралич, ослабление и болезнь общества» — столь же естественные, нормальные, подчиняющиеся общим закономерностям его состояния, что и общественное процветание и гармония? Между тем у Франка есть безусловный критерий нормального, «правильного» состояния общества, это — соборность. Именно она предопределена «божественными законами», а все неправильное, несовместимое с ними, приводящее к упадку, деградации, разрушению общественных связей, есть результат самовластия человека, т. е. «общественности». Это — социологическая проекция проблемы теодицеи, решаемой Франком, как указывалось выше, традиционным образом — отсылкой к греховной природе человека.

²² В нашем представлении, это противоречие между ценностной установкой на утверждение свободы и достоинства человека и логикой выстраиваемой им социально-философской концепции. В первой из этих проекций Франк, безусловно, гуманист, придающий неоспоримое значение суверенным правам личности. Однако его социальная онтология исходит не из точки личности, а из трансцендентных ценностей. Объективно личность имеет в его концепции гораздо более скромное значение, чем в мировоззренческой проекции.

Обсуждение и заключение

Социальная онтология Франка получила в литературе неоднозначную оценку. С.А. Левицкий считает посвященную ей книгу «Духовные основы общества» лучшей после «Предмета знания» и «Непостижимого», подчеркивая, что «книга эта содержит в высшей степени интересное и оригинальное учение о строении общества» [8, с. 381]. Другие более сдержанны в оценках этой работы. Так, например, И.И. Евлампиев полагает, что «в этой... книге Франк использует упрощенную модель отношений человека с абсолютным бытием» [5, с. 51].

В представленном выше анализе мы показали, что онтологическая концепция Франка содержит ряд позиций, которые в избранном нами ракурсе светской науки об обществе выступают как противоречия. В их основе — трудносовместимость нескольких самостоятельных перспектив в трактовке природы общества, а именно — психологической, теистической, философской объективно-идеалистической в неоплатонической версии, системной, феноменологической, социологической и гуманистической. Нельзя сказать, что эти линии абсолютно несовместимы, равно как и то, что Франк не пытался их соединить. Однако каждая из них диктует свою логику анализа, и в целом они слишком разноречивы, чтобы между ними не возникали несостыковки. Возможно, в силу указанных противоречий, присутствующих в развернутой на страницах «Духовных основ общества» социально-онтологической концепции, сам Франк, по свидетельству С.А. Левицкого, «отрекался в последние годы своей жизни от этой книги и не дал согласия на ее переиздание» [8, с. 381].

В материалах статьи можно увидеть основание для вывода о преимущественно историко-социологическом значении социальной онтологии Франка. Подобный вывод, однако, был бы слишком категоричен. Критическое прочтение социальной философии Франка позволяет высветить несколько стимулирующих для социологического осмысления идей.

(1) Прежде всего, это идея наличия объективных смыслов социального взаимодействия. Подчеркивая методологическое значение этой идеи, российский исследователь творчества Франка отмечает: «...понятие объективной живой идеи, не подчиняющей человеческую волю, а выводящей ее за пределы индивидуального существования, выступает в качестве центрального понятия концептуального подхода к социальному познанию, заложенного в русской социологической традиции»; «оригинальность и ценность подхода русских ученых заключается в смещении исходных принципов понимания с предпосылки о том, что единственным источником и творцом смыслов является индивид, на предпосылку о том, что смыслы имеют социальное происхождение и социальное, объективное по отношению к индивиду бытие» [12, с. 19; 24–25].

Развитие данной идеи, в нашем представлении, должно идти в направлении экспликации собственной логики социальных взаимодействий, прежде всего институционального уровня — логики развития тех идей, что заложены в институциональных конструкциях и воплощаются в общественных практиках порой в виде «непредсказуемых последствий действия». Как справедливо пишет Матвеева, «исследование объективных смыслов должно рассматриваться в первую очередь как независимая исследовательская методология с собственными страте-

гиями и процедурами» [12, с. 16]. Сегодня социология не располагает подобного рода методиками, и мы можем лишь в самых общих чертах предположить, на каких принципах она может быть основана [см.: 26, с. 362–364; 12].

(2) Пристального рассмотрения заслуживает феноменологическая линия социальной философии Франка, а именно — идея изначального, отвечающего природе человека «единства “мы”».

В философском смысле представление об имманентно присущем человеку «“мы”-переживании» [16, с. 261] тесно связано с гносеологией Франка, постулирующей непосредственный, интуитивный доступ к социальной реальности и бытию как таковому. Детальное рассмотрение этой идеи, идущей еще от славянофильской гносеологии, было бы избыточно для настоящей публикации, отметим лишь, что эта философско-гносеологическая парадигма снимает субъект-объектную оппозицию. Субъект, в феноменологической перспективе, есть часть бытия, а бытие непосредственно — бытийственно — присутствует в субъекте. Как писал Франк, идеальная реальность есть «реальность, присутствующая в нас самих», и это относится в том числе к общественному бытию, которое «в этом отношении совсем не есть какой-то уникум, не имеющий ничего себе подобного... Объективная, надындивидуальная реальность дана нам не в форме предметной действительности извне как объект, предстоящей нам и противостоящей как трансцендентная реальность нам самим, “субъекту” и его внутреннему миру, а в форме реальности, присутствующей в нас самих, изнутри с нами сращенной и нам раскрывающейся. Такова реальность Бога, как она дана нам в первичном мистическом опыте... Реальность, данная в этом внутреннем, мистическом опыте, всегда выходит за пределы противоположности между “субъективной жизнью” и внешним ей “предметом”, дана не внешнепредметному созерцанию, а внутреннему живому знанию — знанию, в котором реальность сама раскрывается внутри нас» [17, с. 72–73].

Это — сложный, но перспективный для социологического осмысления ракурс рассмотрения субъект-объектной проблематики, позволяющий уйти от социально-конструктивистской парадигмы к более тонким теоретическим моделям.

(3) В рассуждениях Франка о соборных началах общественной жизни человека мы видим важный в мировоззренческом плане и при этом малоосмысленный теоретически аспект — это представление об объективной природе ценностей и неустранимости идеально-нравственного духовного начала в жизни людей. Как писал Франк: «Человек по самой своей природе есть... существо “нравственное” — не в том смысле, что он всегда реально проникнут нравственным началом, нравственно чист, но в том смысле, что он всегда ищет правды и нравственного оправдания», поэтому даже самые злобные его деяния, «самые низменные страсти корысти и зависти могут приобретать влияние в общественной жизни, лишь принимая облик нравственного негодования и нравственного стремления к осуществлению правды. Сколько бы сознательного лицемерия ни соучаствовало в этом маскировании, это лицемерие было бы само невозможно и бессмысленно, если бы оно не опиралось на совершенно непосредственную подлинную потребность человеческой природы» [17, с. 101].

Наличие этого ценностного горизонта общественного бытия можно считать специфической особенностью человека, выделяющей его из животного мира. Вопрос, где именно искать истоки этой особенности — в душе человека или в его

социальной организации. Работы Франка поддерживают оба ответа. «Духовные основы...» предполагают теистическое решение, «Очерк...» содержит системное обоснование. В последней работе Франк, в частности, пишет:

«Специфически общественный идеал есть не извне навязанное обществоведению требование п е р е д е л ы в а т ь общество по определенному, отвлеченно-задуманному плану... он есть лишь выражение самого неизменного внутреннего существа общества как такового. Понять устройство общества, телеологически предуказанное или предписанное его сущностью, его имманентными функциями и наметить его конечный идеал есть здесь одна и та же задача» [20, с. 108–109].

* * *

В настоящей статье мы стремились показать, что Франк — не только религиозный философ мистического склада, но и социальный мыслитель. Его социально-онтологическая концепция, призванная соединить мир горний и дольний, идеальные смыслы человеческого существования и земное, несовершенное человеческое общество, отражает реальную сложность социальной проблематики, которую Франк рассматривал с философско-религиозных позиций. Заметим, что славянофильство, с которого в отечественной философской мысли начинается дискурс соборности, также не обходит эту задачу, однако предлагает простое и наивное решение, сопоставляющее соборность и общинность. Однако Франк не мог идти подобным простым путем. Он — философ нового времени, разрушившего иллюзии о возможности достижения общественной гармонии на брэнной земле и остро обнажившего «трагизм человеческого существования» [17, с. 54], осмысленный в концепции Франка как «несоответствие между... эмпирической реальностью и онтологической сущностью» [17, с. 54] социального бытия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Анатольевна Шмерлина — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** shmerlina@yandex.ru

---

**SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 3.
P. 139–163. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.3.8**

Research Article

IRINA A. SHMERLINA¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5 bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

METHODOLOGICAL PROSPECTS OF S.L. FRANK'S SOCIAL ONTOLOGY

Abstract. The article attempts to critically examine S.L. Frank's social ontology from the perspective of sociological methodological needs. The fundamental differences between Frank's ontological constructs, presented in the work "The Spiritual Foundations of Society" (1930), and the views developed by the author in the "Essay on the Methodology of Social Sciences" (1922) are revealed.

It is shown that Frank's socio-ontological concept, which was introduced to the history of social and philosophical thought under the guise of "Spiritual Foundations of Society", combines several independent

perspectives, namely, psychological, theistic, philosophical objective-idealistic, systemic, phenomenological, sociological and humanistic. *The psychological perspective* is based on the idea of the social as a “mental phenomenon”; *the theistic perspective* asserts the existence of Divine Providence in relation to human social existence; *the objective-idealistic (neoplatonic)* considers social being as the embodiment of objective ideas dating back to the incomprehensible “all-unity”; *the systemic perspective* is based on asserting the objective laws that underlie social forms; *the phenomenological* stems from the idea of the primordial “unity of ‘we’ ” inherent in human nature; *the sociological perspective* forces to recognize the actual existence of the world of real human interactions and to look for mechanisms for implementing conciliar (sobornost) principles within it; *the humanistic perspective* affirms the dignity of man, not allowing him to be considered as a “cog” inside social mechanisms.

These approaches do not always agree with each other. As a result, in Frank’s social ontology, according to the author of this article, the conceptual relations between the ideal-objective and subject-dependent status of social ideas, the “medium” and decisive role of a person in the realization of his social existence, the initial “unity of ‘we’ ” and the ideal meanings of specific social forms, the grace of Divine Providence and the imperfection of human society remain not fully clarified. Ultimately, the relationship between “conciliarity” and “community” remains unclear.

At the same time, Frank’s social ontology contains a number of ideas that are of methodological importance for sociology. These are the idea of objective meanings of social interaction having a “trans-psychoic” nature, which is of fundamental importance to his philosophy; the idea of an immanently inherent to human nature sense of “unity of ‘we’ ”, which epistemologically provides him with intuitive, direct access to social reality; the idea of the objective nature of values and the inescapability of the ideal-moral spiritual principle in people’s lives.

Keywords: S.L. Frank; social ontology; phenomenology; Slavophilism; “conciliarity” (“sobornost”) and “community”; “objective living idea”; “the unity of ‘we’ ”; “we” and “you”/“they”/“it”; metalogy; theodicy.

For citation: Shmerlina, I.A. Methodological Prospects of S.L. Frank’s Social Ontology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 139–163. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.3.8](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.8)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Shmerlina — Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS.
Phone: +7 (499) 120-87-57. **Email:** shmerlina@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Аляев Г.Е.* Русская философия вокруг С.Л. Франка. Избранные статьи. М.: Модест Колеров, 2020. — 736 с.
Alyayev G.E. *Russian philosophy around S.L. Frank. Selected articles*. Moscow: Modest Kolerov publ., 2020. 736 p. (In Russ.)
2. *Аляев Г.Е., Резвых Т.Н.* Послесловие к публикации. С. Франк и Г. Зиммель. Интуиция. Психологизм и антипсихологизм // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2019 год. [Вып.] 15. М.: Модест Колеров, 2019. С. 383–400.
Alyayev G.E., Rezvykh T.N. Afterword to the publication. S. Frank and G. Simmel. Intuition. Psychologism and antipsychologism. *Studies in the history of Russian thought: Yearbook for 2019*. [Iss.] 15. Moscow: Modest Kolerov publ., 2019. P. 383–400. (In Russ.)
3. *Аляев Г.Е., Резвых Т.Н.* Социальная психология: незавершенный проект С.Л. Франка. Предисловие к публикации // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2019 год. [Вып.] 15. М.: Модест Колеров, 2019. С. 235–267.
Alyayev G.E., Rezvykh T.N. Social Psychology: S.L. Frank’s Unfinished Project. Preface to the Publication. *Studies in the history of Russian thought: Yearbook for 2019*. [Iss.] 15. Moscow: Modest Kolerov publ., 2019. P. 235–267. (In Russ.)
4. *Булгаков С.* Из размышлений о национальности // Вопросы философии и психологии. Книга III (103). 1910. С. 385–412.

- Bulgakov S. Reflections on Nationality. *Voprosy filosofii i psikhologii*. Book III (103). 1910. P. 385–412. (In Russ.)
5. *Евлампиев И.И.* История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. Часть II. СПб.: Алетейя, 2000. — 413 с. EDN: [ZGRQZZ](#)
Evlampiev I.I. *History of Russian metaphysics in the XIX–XX centuries. Russian philosophy in search of the absolute. Part II*. St Petersburg: Aleteiya publ., 2000. 413 p. (In Russ.)
6. *Зак Л.В.* Семен Людвигович Франк — мой брат // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / Под ред. протоиерея о. В. Зеньковского. Мюнхен, 1954. С. 17–24.
Zak L.V. Semyon Ludwigovich Frank — my brother. *Collection in memory of Semyon Ludwigovich Frank*. Ed. by archpriest Fr. V. Zenkovsky. Munich, 1954. P. 17–24. (In Russ.)
7. *Кудрявцев В.А., Грудина Т.Н.* Религиозные детерминанты общественной жизни: социологическое наследие С.Л. Франка и его применимость к современности // Социология. 2021. № 2. С. 21–29.
Kudryavtsev V.A., Grudina T.N. Religious determinants of public life: the sociological legacy of S.L. Frank and its applicability to modern times. *Sotsiologiya*. 2021. No. 2. P. 21–29. (In Russ.)
8. *Левитский С.* С.Л. Франк // Русская религиозно-философская мысль XX века / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1975. С. 372–382.
Levitsky S. S.L. Frank. *Russian religious and philosophical thought of the twentieth century*. Ed. by N.P. Poltoratsky. Pittsburgh: Department of Slavic Languages and Literatures, University of Pittsburgh, 1975. P. 372–382. (In Russ.)
9. *Ломанов П.В.* Научный потенциал социально-философской концепции С.Л. Франка // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2017. С. 374–377. EDN: [ZBYFZT](#)
Lomanov P.V. Scientific potential of the socio-philosophical concept of S.L. Frank. *Science and education: experience, problems, development prospects: materials of the International scientific and practical conference*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University publ., 2017. P. 374–377. (In Russ.)
10. *Масалов А.Г.* Концепт соборности С.Л. Франка как основание социальной герменевтики // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 25–31. DOI: [10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-3](#) EDN: [LVWDAK](#)
Masalov A.G. The concept of conciliarity of S.L. Frank as the basis of social hermeneutics. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya*. 2019. Vol. 5. No. 3. P. 25–31. DOI: [10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-3](#) (In Russ.)
11. *Матвеева Н.* Основы смыслового анализа социальных явлений в концепции С.Л. Франка // Slavica. 2018. № XLVII. С. 117–130. DOI: [10.31034/047.2018.10](#)
Matveeva N. Fundamentals of semantic analysis of social phenomena in the concept of S.L. Frank. *Slavica*. 2018. No. XLVII. P. 117–130. DOI: [10.31034/047.2018.10](#) (In Russ.)
12. *Матвеева Н.Ю.* Основные принципы интерпретации смыслов социальных явлений в русской социологической традиции (на примере творчества С.Н. Булгакова, П.И. Новгородцева, С.Л. Франка) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (3). С. 7–38. DOI: [10.31119/jssa.2019.22.3.1](#) EDN: [JCFDHX](#)

- Matveeva N.Yu. Basic principles of interpreting the meanings of social phenomena in the Russian sociological tradition (based on the works of S.N. Bulgakov, P.I. Novgorodtsev, S.L. Frank). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2019. No. 22 (3). P. 7–38. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.3.1
13. Назарова О.А. «Онто-феноменологический» проект Семена Людвиговича Франка // Семен Людвигович Франк / Под ред. В.Н. Поруса. М.: РОССПЭН, 2012. С. 212–231.
Nazarova O.A. “Onto-phenomenological” project of Semyon Lyudvigovich Frank. *Semyon Ludvigovich Frank*. Ed. by V.N. Porus. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) publ., 2012. P. 212–231. (In Russ.)
14. Резвых Т. Семен Франк и его путь к Плотину: роль идей Фихте, Шуппе и Лотце в статье «О критическом идеализме» (1904) // Платоновские исследования. 2017. Т. 7. № 2 (7). С. 198–207. EDN: ZSREFP
Rezvykh T. Semyon Frank and his path to Plotinus: ideas of Fichte, Schuppe and Lotze in his “On critical idealism” (1904). *Platonovskie issledovaniya*. 2017. Vol. 7. No. 2 (7). P. 198–207. (In Russ)
15. Франк С.Л. [Материалы по социальной психологии 1902–1913 гг.] // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2019 год. [Вып.] 15. М.: Модест Колеров, 2019. С. 268–382.
Frank S.L. [Materials on social psychology 1902–1913]. *Studies in the history of Russian thought: Yearbook for 2019*. [Iss.] 15. Moscow: Modest Kolerov publ., 2019. P. 268–382. (In Russ.)
16. Франк С.Л. «Я» и «мы» (К анализу общения) // История философии. 2011. № 16. С. 246–264. EDN: PXQAYL
Frank S.L. “I” and “We” (Towards an Analysis of Communication). *Istoriya filosofii*. 2011. No. 16. P. 246–264. (In Russ.)
17. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 13–146.
Frank S.L. Spiritual foundations of society. Introduction to social philosophy. Frank S.L. *Spiritual foundations of society*. Moscow: Respublika publ., 1992. P. 13–146. (In Russ.)
18. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. М.: Изд-во «Правда», 1990. С. 183–559.
Frank S.L. The Incomprehensible. Ontological Introduction to the Philosophy of Religion. Frank S.L. *Works*. Moscow: Pravda publ., 1990. P. 183–559. (In Russ.)
19. Франк С.Л. О философской интуиции // Русская мысль. 1912. № 3. С. 31–35.
Frank S.L. On philosophical intuition. *Russkaya mysl'*. 1912. No. 3. P. 31–35. (In Russ.)
20. Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. М.: Берг, 1922. — 124 с.
Frank S.L. *Essay on the Methodology of Social Sciences*. Moscow: Berg publ., 1922. 124 p. (In Russ.)
21. Франк С.Л. Предсмертное (Воспоминания и мысли) // Вестник русского христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва. 1986. № 146. С. 103–126.
Frank S.L. Deathbed (Memories and Thoughts). *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya*. Paris – New York – Moscow. 1986. No. 146. P. 103–126. (In Russ.)
22. Франк С.Л. Проблема власти (Социально-психологический этюд) // Франк С.Л. Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб.: Издание Д.Е. Жуковского, 1910. С. 72–124.

- Frank S.L. The Problem of Power (Socio-Psychological Study). Frank S.L. *Philosophy and Life. Studies and Sketches on the Philosophy of Culture*. St Petersburg: D.E. Zhukovskii publ., 1910. P. 72–124. (In Russ.)
23. Франк С.Л. Сущность социологии // Франк С.Л. *Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры*. СПб.: Издание Д.Е. Жуковского, 1910. С. 260–285.
Frank S.L. The essence of sociology. Frank S.L. *Philosophy and Life. Studies and Sketches on the Philosophy of Culture*. St. Petersburg: D.E. Zhukovskii publ., 1910. P. 260–285. (In Russ.)
24. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. — 452 с.
Heidegger M. *Being and Time*. Trans. from Germ. by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem publ., 1997. 452 p. (In Russ.)
25. Хамидулин А.М. Мистические аспекты философии С.Л. Франка. Дис. ...канд. богословия. Сергиев Посад, 2018. — 204 с.
Khamidulin A.M. *Mystical aspects of the philosophy of S.L. Frank. Dissertation for the degree of Candidate of Theology*. Sergiev Posad, 2018. 204 p. (In Russ.)
26. Шмерлина И.А. Феномен и концепт социальной формы как предмет теоретико-методологического исследования: Дис. ...д-ра соц. н. М.: ФНИСЦ РАН., 2024. — 431 с. EDN: VIVBKF
Shmerlina I.A. *Phenomenon and concept of social form as a subject of theoretical and methodological research: Dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences*. Moscow: FCTAS RAS, 2024. 431 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.04.2025; поступила после рецензирования и доработки: 12.09.2025; принята к публикации: 17.09.2025.

Received: 23.04.2025; revised after review: 12.09.2025; accepted for publication: 17.09.2025.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.9
EDN: UUPLFP

Н.В. КОРЫТНИКОВА¹

¹ Страсбургский университет.
4, rue Blaise Pascal, 67081, Strasbourg Cedex, France.

НЕЛИНЕЙНЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Б.З. ДОКТОРОВА: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ¹

Аннотация. Статья посвящена организационным и методическим особенностям реализации авторского историко-наукоедческого проекта Б.З. Докторова, выполненного по методологии нелинейного биографического анализа. Этот проект направлен на исследование биографий социологов в истории советской/российской социологии и ее истории в биографиях. В первой части статьи описываются этапы рекрутинга информантов, подбор источников информации, процессуальность в обосновании методических решений, этические принципы коммуникации с информантами, способы достижения валидности, логика обработки и хранения полученных данных. Параметры выборочной совокупности очерчиваются кругом исследуемого множества, в который входят ведущие представители социологической науки. Во второй части обозначены ряд методических приемов по проведению интервью: неформализованность мысленного плана беседы, гибкость взаимодействия, интенсивность режима общения, опосредованность коммуникационными онлайн-технологиями. Разнообразие форматов интервью способствовало достижению откровенного разговора, где центральной темой были собственная жизнь и карьера ученого. Прием повествования в режиме мягкой беседы не предполагает необходимости сопровождать факты документальными ссылками, проверять последовательность рассматриваемых событий и однозначно характеризовать обстоятельства. Подчеркиваются преимущества электронной почты как технологии коммуникации во время биографического интервью. В процедурах сбора информации указывается положительное влияние личных отношений и профессиональных связей Б.З. Докторова со своими информантами, участия последних в самоанализе биографического нарратива непосредственно в ходе интервью.

Из-за больших объемов накопленных биографических материалов становятся актуальными их систематизация, каталогизация и архивирование в электронной

---

¹ Эта статья — продолжение исследования биографического проекта Б.З. Докторова, см.: *Корытникова Н.В.* Нелинейный биографический анализ Б.З. Докторова: методологические принципы // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 124–139. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.7 EDN: RLBUGL — *Прим. ред.*

базе данных, которая пока не создана. Она позволила бы не только сохранять эти материалы, но и осуществлять необходимую навигацию.

Открытость методологической позиции Б.З. Докторова проясняет исходные посылки его исследования, делает прозрачными аналитические ходы, обозначает рамки интересующего предметного поля. Сделаны выводы о том, что феноменологический базис в нелинейном биографическом анализе предопределил оптимальные методики сбора информации, приемы отбора респондентов, тематические блоки интервью, способы архивирования данных.

Ключевые слова: нелинейный биографический анализ; логическая валидность; процессуальность методических решений; неформализованное интервью; режим общения.

Для цитирования: Корытникова Н.В. Нелинейный биографический анализ Б.З. Докторова: организационные и методические приемы // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 164–181. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.3.9](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.9) EDN: UUPLFP

Введение

Биография как юридический документ, как инструмент кадровиков в отборе сотрудников (личное дело, резюме, CV) выступает элементом бюрократической процедуры. Биография как повествование, рассказ о жизни замечательных людей, исторических и неисторических личностей описывает в художественной форме судьбу человека (мемуары, истории, семейные саги) [8; 11]. В социологии биография становится набором научных данных, методом сбора и анализа индивидуальной жизненной траектории. Исследователь стремится найти собеседников, релевантных своим целям, организовать продуктивные диалоги и достичь лучшего понимания социальной реальности. При успехе установка на научный поиск плавно перетекает в тесное общение, плодотворное сотрудничество. В результате многоуровневая паутина социальных узлов и нитей, связывающих индивида с социумом, делает ценной любую биографию. В рамках исследования биография — это все, что происходило с человеком, среда его жизни, коммуникационный мир, ориентиры и результаты его деятельности. Здесь вступают в права правила научной методологии. Классический вариант биографического метода включает: хронологичность (последовательность событий от раннего к позднему), централизованность (система изложения строится вокруг одного персонажа, события), четкость (состоит из строгих и задокументированных фактов и обстоятельств) и др. Поворот к биографическому методу в социальных науках привел к разнообразию в исследовательских традициях, в которых раскрываются рабочие схемы процесса интерпретации качественных данных и описываются методологические предпосылки конкретных протоколов [15].

В качественной парадигме социологические исследования не могут удержаться в жестких рамках, поэтому возникают собственные авторские методики, а многообразие форматов сбора и анализа эмпирических данных дополняет общую картину изучаемого предмета. Энн Нильсен прослеживает изменения биографического метода от истоков в американской прагматической мысли и чикагской ка-

чественной социологии в начале XX в. до возрождения исследований жизненного пути в европейской и американской социологии в 1970-х гг. [14]. Разработка особого методического стиля связана с эпистемологическими и методологическими убеждениями и предпочтениями исследователя [9]. Разнообразие аналитических подходов к изучению биографии приводит к необходимости критического рассмотрения взаимосвязи между методологическими процедурами и последствиями для исследовательской практики [10]. Таким образом, биографический анализ представляет собой самостоятельный метод для исторических, социологических, философских исследований, на общих принципах которых строится любая биография. Однако с развитием теоретических концепций метод изменяется в русле методологических инноваций и дополняется новыми методиками, приемами и процедурами.

Авторским исследовательским подходом является разработанная и применяемая Б.З. Докторовым методология нелинейного биографического анализа [5]. В исторической биографике выделяются идеалистический подход «экзистенциального биографизма» с задачей изучения философских и общественно-политических взглядов героя и объективистский подход «новой биографической истории» с задачей объяснения исторического и социокультурного контекстов [6]. Примером может служить работа Барбары Ласлет о биографии как исторической социологии, где изучение истории жизни Уильяма Филдинга Огберна иллюстрирует связи между личной жизнью, социальными действиями и социальной структурой [13]. Мультипарадигмальность нелинейного биографического анализа подразумевает сочетание указанных выше теоретико-методологических оснований интеллектуальной биографии. Открытость методологической позиции Б.З. Докторова дает ясность его исходных посылок, прозрачность аналитических ходов, четкость в обозначении рамок интересующего предметного поля. Автор оставляет за собой право на динамичность методологии с целью сохранить гибкость и развивать тему в новых перспективах. «В стремлении к процессуальному описанию методологии и методики исследования должна быть мера, иначе можно угодить в “дурную бесконечность”. Ведь эффективность логических и инструментальных приемов сбора и анализа информации оказывается возможным оценить, лишь когда основная часть проекта завершена. Но к тому моменту уже закрыт путь к достройке методологии и к корректировке измерительного инструментария» [3, с. 19]. Тем самым Докторов призывает соблюдать баланс между обдумыванием каждого предпринимаемого шага по сбору и обработке информации и достижением заявленной цели в виде осязаемого аналитического результата. С таким настроем начались поиски исследовательского метода, направленного на фиксацию ближайшего прошлого отечественной социологии с опорой на биографии ученых, вовлеченных в создание социологического знания. Методология данного исследования является в полном смысле междисциплинарной — на стыке истории, социологии и философии науки [3, с. 57]. Подробные описания способов формирования эмпирической базы обосновываются логикой научного анализа и полноценно характеризуют объект и предмет изучения. Целью данной статьи является описать организационные процедуры и методические приемы нелинейного биографического анализа Б.З. Докторова.

В архиве Докторова существуют три массива, принципиально различных по содержанию и сформированных в разные годы. Первый массив (2000–2008 гг.) — биографии американских полстеров и создателей рекламы («гэллапиада») [7]. Второй массив (2004–2015 гг.) — более 200 интервью по электронной почте с российскими социологами семи поколений. Третий массив (с июня 2021 г.) — опыт автоэтнографии на портале Проза.ру, где совмещаются четыре группы интеракции: американские исследователи; российские социологи; родные и друзья, люди разных творческих профессий; сам автор (автобиография, часто не в прямом виде, а на фоне личных сюжетов). Представленные здесь в форме мемуаров воспоминания, наблюдения и размышления углубляют все аспекты авторской методологии. В данной статье методология нелинейного анализа будет прослеживаться только по второму массиву — по биографическим интервью с российскими социологами. Поэтому за скобками остаются анализ американского периода и автоэтнографические тексты.

Организационные процедуры

В активной фазе историко-биографическое исследование Б.З. Докторова длилось 15 лет (с 2004 по 2020 г.). В процессе работы понимание биографии, методологии и методов анализа менялось, стали определяться организационные процедуры, а именно подбор источников информации, процессуальность в принятии методических решений, способы достижения валидности, логика обработки и хранения полученных данных.

Источники эмпирической информации: интервью, личная переписка, интернет-ресурсы, биографические публикации и официальные документы

С 2005 г. на основе разных источников данных Б.З. Докторов создает объемный архив биографической информации. Главный каркас архива представляют материалы интервью с российскими социологами. Массив биографий характеризуется неоднородностью и формировался с целью охватить активно и успешно действующих социологов, «специалистов с научными степенями и учеными званиями, авторов значительного числа статей и монографий» и с большим «опытом проведения прикладных социологических исследований, общения с западными учеными и издания социологических журналов» [4, с. 163]. Следовательно, не предполагалось репрезентировать социологов по формальным (институциональным) признакам, главными критериями были вклад в науку, широкое видение ситуации для понимания истории российской социологии. Далее собранные интервью дополнялись поиском соответствующих внешних сюжетов и примеров для более яркой аргументации, восстановлением коммуникативных связей и социальных отношений среди социологов.

Материалы интервью расширяются результатами обширной переписки по электронной почте (по словам автора, это тысячи единиц хранения). При использовании личных писем Б.З. Докторов применяет этические стандарты в отношении персональных данных. Они заложены в самом стиле ведения переговоров и поддержания беседы. Дружеский характер переписки если и содержит какие-либо интимные или секретные сведения, то автор легко выделяет их и исключает из открытого доступа. С целью избежать справедливых опасений по поводу отсутствия формального разрешения на публикацию элементов личной коммуника-

ции Докторов подключает внутренние фильтры, которые служат нравственными регуляторами и не пропускают в публичное пространство конфиденциальную информацию из переписки. Моральные императивы интервьюера отчетливо считаются информантами, их не заменят никакие юридические фиксации информированного согласия. Кроме этических соображений по неразглашению личной информации, сложности работы с письмами связаны с тем, что «цитирование даже краткого фрагмента текста предполагает описание предыстории той или иной дискуссии, что невозможно по многим причинам» [3, с. 62]. В то же время персональная включенность в постоянную переписку по электронной почте, очевидно, воспринималась социологами как продолжение биографического интервью, потому что этап сбора информации не может быть закончен, если интервьюером постулирован методологический принцип «толстого настоящего» [5, с. 128–132]. Исходя из знания ключевых задач исследования респонденты были готовы к серии уточнений и дополнений для завершения масштабного исторического проекта.

Когда речь заходит о ретроспективном изучении биографии тех персоналий, которые уже не могут стать объектом непосредственного общения, интернет-ресурсы дают неожиданные инструменты для поиска. «Я без всякой надежды на удачу вписал в поисковые окна Google два слова: “леди Астор” и “Мэри”, и этого оказалось достаточно, чтобы начать поиски информации о событиях многодесятилетней давности»². Кроме доступа к архивам оцифрованных публикаций с биографическими данными, Интернет позволяет связаться с компетентными людьми (родственниками, коллегами, учениками), найти неожиданные связи через поисковые запросы, в автоматическом режиме сопоставить миллионы фактов по глобальному интернет-архиву. Легкость таких поисков — кажущаяся, поскольку они не только требуют умения верно и четко задавать запросы, но и зависят от большой удачи, что такие связи в принципе были и они зафиксированы в каком-то виде для научного использования.

В единый архив включались не только проведенные Б.З. Докторовым интервью, но и записанные другими исследователями интервью с социологами, автобиографические выдержки из монографий, изданные мемуары самих социологов, подготовленные сборники воспоминаний об умерших коллегах и учителях, а также различные официальные документы, медиасюжеты и просто фотографии (см., например, пункт «Кто на фотографии? Задача с 42 неизвестными» [3, с. 84–87]). «Таким образом, будущие историки советской/российской социологии, а также специалисты, разрабатывающие предметную и методологическую тематику, смогут строить свои рассуждения, гипотезы и экскурсы в свою исследовательскую область на хорошем эмпирическом основании» [4, с. 5].

Процессуальность решения методических вопросов

Особенностью масштабного науковедческого проекта была случайность первоначальных условий сбора информации. По мере разворачивания полевого этапа и накопления эмпирического материала продолжалась корректировка про-

² Докторов Б.З. К сожалению, большего мне не сказать о Мэри Мортон // Проза.ру. — URL: <https://proza.ru/2024/08/31/146>

граммы исследования. Невозможность сразу найти верный комплекс действий побуждала Б.З. Докторова к оптимизации организационных процедур параллельно с аналитической работой, для чего требовалось постоянно концентрироваться на выяснении деталей и отталкиваться от общих методологических принципов. Отложенное решение методических вопросов позволило запустить маховик проведения интервью, а уже на ходу исправлять процедуру и дополнять план беседы.

В частности, сомнения вызывал способ проведения интервью по электронной почте. С одной стороны, к началу 2000-х гг. еще не у всех был зарегистрирован аккаунт на почтовых серверах. С другой стороны, для Докторова, проживающего в Калифорнии, заочное и опосредованное Интернетом общение с находящимися в России респондентами было единственным способом приступить к реализации проекта. «Мои интервью, во всяком случае на первых порах, были продолжением неформальной переписки с моими коллегами, которые и стали первыми “респондентами”» [3, с. 62–63]. От самопроизвольной электронной переписки с ее стихийным инициативным характером постепенно осуществлялся переход к проведению интервью как систематическому сбору информации. Имеющийся научный опыт позволил Б.З. Докторову исключить отклонения от задуманного плана, исходные решения не зачеркивались, а достраивались. Допущение нелинейности способствовало максимальному использованию преимуществ доступных методических приемов и минимизированию угрозы потери данных.

Логическая валидность

Процесс сбора эмпирической информации начинается с формирования выборки, отвечающей за качество и надежность будущих результатов. Из-за ограниченности ресурсов стояла задача ориентироваться или на типичные случаи, или на исключительные. Для описания профессионального сообщества как социальной группы подразумевается представленность всех возможных категорий социологов. В выборку типичных случаев попадают специалисты с неодинаковым статусом и на разных уровнях карьерной лестницы, в том числе те, кто «не стремился к роли ведущего, их устраивало положение ведомых, и они честно и ответственно выполняли порученное им дело» [1]. Для науковедческого проекта с выходом на закономерности в истории социологии предполагается работа с ведущими социологами, определяющими направления исследований и заслужившими авторитет, то есть с исключительными случаями. Тогда выборка состоит из «элитного множества ученых, во многом определявших развитие советской/российской социологии на протяжении более полувека и давших импульс основным трендам в ее динамике на несколько десятилетий вперед» [1]. Поэтому было принято решение в пользу элитарности выборочной совокупности.

Так, уже на раннем этапе Б.З. Докторов выделил три критерия для отбора потенциальных респондентов, а именно успешность деятельности ученых, наличие электронной почты, возраст опрашиваемых. Первый критерий «не связывается напрямую с наличием степеней и званий, должностным статусом, количеством опубликованных работ и т. д. Речь идет, скорее, о признании потенциального респондента профессиональным сообществом» [3, с. 65]. Без четких параметров

генеральной совокупности и отсутствия гипотетической основы выборки справедливы сомнения в возможности реализации статистической репрезентации научно-профессионального сообщества. «Обсуждаемый проект и задумывался, и сложился как совокупность “кейсов”, его можно трактовать как монографическое исследование меняющейся во времени реальности с помощью целенаправленно настраиваемой измерительной технологии» [1]. Таким образом, параметры выборочной совокупности очерчиваются кругом исследуемого множества, представляющим собой уникальные образцы изучаемого объекта.

Первые интервью были взяты у Б.М. Фирсова, Я.И. Гилинского, В.А. Ядова, Л.Е. Кесельмана, лидерство которых определялось не столько докторской степенью и званием профессора (последний вообще не имел ученой степени), сколько очевидной преданностью социологической науке и успешностью в осуществляемых проектах: «...любое экспертное сообщество сказало бы, что сделанное этими учеными — часть истории нашей науки» [1]. Принцип пристрастности [5, с. 133–134] позволил аргументированно обосновать отбор первичных информантов. «Выбор этих ученых для “написания их портретов” обусловлен одним обстоятельством: мне близко их творчество и многое понятно в их поведении. К тому же в опоре на объективные науковедческие критерии можно утверждать, что этими людьми сделано немало для развития российской социологии» [3, с. 14]. Последующий поиск героев был облегчен предварительным экспертным обсуждением развития проекта, при подборе потенциальных кандидатов на интервью учитывались рекомендации лидеров социологической науки.

В процессе сбора эмпирической информации важно оценить способность полученных результатов давать надежные обобщения, а именно насколько полно данные описывают изучаемый объект и могут ли они служить основанием для характеристики действительности. Выход на репрезентативность полученного массива биографий достигался путем логической валидности, опирающейся на выводы статистического последовательного анализа (*statistical sequential analysis*) А. Вальда и практику обоснованной теории Б. Глезера и А. Стросса в качественной парадигме. «Она [философия этого вида исследования] задается следующим образом: наблюдения производятся по одному и анализируются в ходе самого эксперимента с тем, чтобы на каждом этапе решить, требуются ли еще наблюдения или количество наблюдений уже достаточно, чтобы остановить эксперимент» [1]. Объем выборки определялся по мере накопления информации и поступления других конфигураций фактов в многомерном изучении. Следовательно, теоретическое насыщение предполагает не количественное увеличение массива собранных данных, а достижение того уровня полученной информации, когда добавление сведений уже не привносит ничего нового.

Способы формирования респондентского массива

Отдельного рассмотрения заслуживает методика отбора будущих информантов, в процессе которого устанавливается первичный контакт для получения согласия на интервью. Участие в исследовании ведущих российских социологов и открытость первых результатов проекта помогли добиться одобрения на за-

пись биографических историй у следующих участников. Однако в этом плане были и трудности, в частности, «потребовались годы, чтобы получить согласие некоторых социологов на беседу, и годы, чтобы провести интервью» [1]. Как известно, для успешности биографического проекта особенно важна уверенность в собеседнике, которая становится залогом полного раскрытия личных историй и переживаний, а также инициирует совместные поиски релевантных ответов на заявленные вопросы. В случае с учеными процедуры интервью считаются логичными и целенаправленными, потому что они знакомы с методиками сбора научной информации. Более того, социологи изначально и без предварительных пояснений понимают, что собранные материалы так или иначе станут известны широкой публике. Тематика проекта предполагала раскрытие личности в публичном пространстве и своего рода оценку со стороны профессионального сообщества. «Это не просто воспоминания, но осмысление прожитого, тем более “в присутствии” множества потенциальных слушателей, то есть будущих читателей» [3, с. 65]. Ориентация на тиражирование результата науковедческих поисков, вероятно, будет сдерживать респондентов от случайных высказываний и сузит неожиданные открытия. Сложность заключалась и в том, что говорить о себе и своем профессиональном становлении — достаточно трудоемкое и эмоционально затратное занятие. Докторов делится своим опытом биографа и советует научиться «отвлекаться от мысли о том, что вскоре с результатами [его] труда будут знакомиться ученые, творчество которых [он] анализирует» [4, с. 7]. Только доверительные отношения с информантом и авторитет автора проекта создавали необходимую продуктивную атмосферу.

Итак, личное знакомство и тесные профессиональные связи способствовали тому, что Б.З. Докторов добивался от социологов положительных откликов на предложение говорить о своей жизни и побуждал героев к сотрудничеству в исследовательском процессе. В частности, он приводит слова своих первых респондентов, свидетельствующие об их желании активно включиться в историко-биографический проект. В.А. Ядов: «...благодарю за стимул осмыслить жизнь. Я был увлечен этим и как мог откладывал текущее. Спасибо. Жду твои замечания и советы»; Я.И. Гилинский: «Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною» [2]. В дальнейшем авторитет первых респондентов представлял убедительный аргумент для подключения других участников, а регулярная публикация биографий в научной периодике сыграла роль в популяризации проекта, увеличении числа тех, для кого было почетно стать частью общего портрета российской социологии.

Методические приемы

После рекрутинга и организации контактов наступает собственно этап проведения интервью, которое включает ряд методических приемов: неформализованность мысленного плана беседы, гибкость взаимодействия, интенсивность режима общения, опосредованность коммуникационными технологиями.

Неформализованное блочное интервью

Концепт нелинейности подразумевает исключительно неформализованные блочные интервью. Выход на неизвестные, скрытые, неотрефлексированные сюжеты возможен лишь в свободной и открытой беседе. Поэтому сбор информации у Б.З. Докторова базируется «подчеркнуто на личном общении» и захватывает произвольные темы. Идея стандартизировать самую общую структуру беседы для облегчения систематизации содержания была изначально. Она не сразу реализовалась, потому что в начале проекта беседы были с первопроходцами советской/российской социологии, жизнь которых уникальным образом вплеталась в историю социологии и представляла собой монолитный нарратив. Постепенно вырабатывались крупные тематические направления, так или иначе проявляющиеся в каждом интервью. «Структура “биографического подпространства” включает пять блоков информации, обозначаемых как “память о родителях и детстве”, “выбор жизненного пути”, “вхождение в профессию”, “годы застоя” и “перестройка в судьбах социологов”» [3, с. 153–154].

Социологическая биография реконструирует повторяемые жизненные опыты, через которые респондент закреплял последовательные объяснительные схемы, нарабатывал параллельные модели эмоционального восприятия и поведенческие алгоритмы [12]. Тем не менее у Б.З. Докторова интервью подстраивалось под каждого героя и отзывалось на специфику личности: кому-то требовалось задавать конкретные вопросы, кому-то легче было отгаликиваться от общего тематического каркаса, для некоторых прорабатывался индивидуальный подход. «Все беседы были сугубо индивидуализированными по набору и последовательности вопросов, по динамике развития линий жизни, степени открытости обсуждаемых тем, ритмике и литературному стилю» [3, с. 63–64]. В результате на практике применялись три формата интервью: 1) классическое интервью — «вопрос—ответ», в котором четко обозначены основные вопросы и остается следить за тем, чтобы собеседник ничего не забыл рассказать; 2) сфокусированный направляемый монолог, когда задаются некоторые желаемые векторы развития разговора в проблемные области, обязательные для освещения; 3) интервью-эссе — дается только общий импульс, а в остальном интервьюер рассчитывает на откровенность и детальность описаний респондента.

Разнообразие методических приемов проведения интервью было необходимо, чтобы ученые согласились на откровенный разговор, где центральной темой будут их собственная жизнь и карьера. Как было обозначено выше, они осознавали скорое обнаружение своей биографии в социологической периодике и внутренне готовились к возможным критическим суждениям, к пересмотру привычного взгляда на профессию, внешней оценки персонального вклада в развитие науки и др. Помогая справиться с сомнениями информантов в решении дать биографическое интервью, Докторов выдвигает аргумент о принятии несоответствий и неточностей как неизбежных в таком формате общения: «...что-то окажется неверным, ошибочным с исторической точки зрения, противоречащим документам и воспоминаниям других участников описываемых событий» [3, с. 68]. Прием повествования в режиме мягкой беседы не предполагает некоторых принятых в биографическом исследовании процедур: сопровождать факты документальными ссылками, проверять последовательность рассматриваемых событий и однозначно характеризовать обстоятельства.

В любом случае интервью всегда представляли собой неформализованную беседу, гибко раскрывающую респондента и соответствующую принципу многомерности. Следовательно, в каждом витке обсуждений, по сути, одних и тех же периодов жизни героя осуществляется конкретизация исторических фактов через фиксацию случайно всплывающих воспоминаний. Такой моментальный срез выводит на уникальность сочетания исследовательского интереса и контекстуальности ситуации интервью. «Биографическая информация по своей природе не может быть лишь объектом анализа, она постоянно посылает аналитикам импульсы, уточняющие их поиски» [2]. При этом Борис Зусманович напоминает об этической стороне и предостерегает выходить за чувствительные границы. Через лавирование между разрешающими, предупреждающими и запрещающими знаками в разговоре с респондентом и проявляется нелинейность аналитических поисков биографического проекта.

Электронная почта как технология коммуникации

Опосредованность биографического интервью техническими средствами коммуникации обуславливает специфику общения между интервьюером и респондентом. Б.З. Докторов был первым в российской социологии, кто писал об онлайн-исследованиях, и не ошибся в прикладных перспективах интернет-технологий для сбора социологической информации. Он подчеркивает следующие преимущества электронной почты как технологии коммуникации во время биографического интервью.

Во-первых, одномоментное обращение сразу ко многим респондентам позволяет активизировать сбор эмпирического материала и вовремя сохранить ускользающую историю. «Прежде всего я обратился с электронными письмами ко многим коллегам из Петербурга, Москвы и других городов с просьбой вспомнить и описать прошлое и прислать мне материалы для публикации» [2]. Техническая сторона вопроса по поиску электронных адресов и рассылке электронных писем не составляла труда, тогда как коммуникационные задачи наталкивались на сложность получить обратную связь от коллег. Естественную инертность собеседников требовалось преодолевать регулярными напоминаниями, убедительной мотивацией и ожиданием обоснованных результатов. Со временем выработался ориентировочный план, который приближал переписку к интервью. Структурированный список тем и вопросов вызывал необходимые для проекта воспоминания. Исследователь демонстрировал интерес, целенаправленно настаивая на тех или иных темах для саморефлексии и оценки прошлого респондентами. Докторов описывает практику одновременного опроса сразу двух-трех респондентов. Полезными функциями этого методического приема являются, с одной стороны, предоставление респонденту времени для неспешного обдумывания своего ответа, тщательного восстановления событий прошлого, а с другой — регулирование темпов сбора информации для соблюдения сроков выхода соответствующих публикаций в рубрике для эффективного продолжения историко-биографического проекта.

Во-вторых, динамичная синхронность в осуществлении коммуникации позволяет подстроиться под потребности собеседника и расположить его к себе, минимизировать или вовсе исключить отвлекающие моменты для создания комфортной и спокойной атмосферы, для настройки на сложный разговор о личном

и профессиональном. Б.З. Докторов выбрал популярную интернет-технология — почтовый сервис как изначально самый распространенный, а сейчас обязательный элемент для полноценного присутствия в сетевом обществе. Как отмечалось выше, на старте проекта не все российские социологи имели доступ к Интернету, у кого-то были ограничения по объему трафика, по времени и месту выхода (например, только в офисе с рабочего компьютера), по цифровым компетентностям. Только обычная электронная почта позволяла находить удобные варианты для каждого респондента. «Когда я проводил интервью с Б.М. Фирсовым (конец 2004 г.), компьютер был у него дома, и там он отвечал на мои вопросы, затем переносил текст на дискету и отправлял мне написанное по электронной почте из Европейского университета в СПб» [1]. В интервью с Я.И. Гилинским (февраль 2005 г.) беседа проходила более интенсивно (практически в реальном времени) и больше была похожа на живое общение, так как наличие домашнего Интернета давало возможность обмениваться за вечер несколькими письмами. Через десять лет динамичность беседы уже не связана с техническими неудобствами, а определялась желанием респондентов уделять достаточно времени интервью. Содержательный разговор зависел от активности и собранности собеседника, готового переключаться с текущих дел на задачи историко-биографического проекта. Регулирование синхронностью обмена электронными сообщениями говорит об отсутствии стандартных приемов, напротив, оно свидетельствует о применении индивидуального подхода к процессу коммуникации. Поэтому техника интервью Б.З. Докторова отвечает методологическому концепту нелинейности и позволяет проводить более десяти интервью одновременно, при этом сохранять независимость их друг от друга и уделять предельное внимание каждому информанту.

В-третьих, письменный модус диалога по электронной почте для Б.З. Докторова предпочтительнее по сравнению с голосовой записью под диктофон. «Онлайновая беседа — это “мягкая” форма анкетирования, позволяющая респонденту обстоятельно ознакомиться с вопросами, настроиться на ответы, выбрать подходящее для работы время и отвечать на вопросы с той степенью развернутости, которую он считает необходимой» [3, с. 72]. В контексте онлайн-исследования способ «устности/письменности» не указывает на средство воспроизводства (звучащая речь / письменно оформленное сообщение), а относится к характеристике фиксации текста — мимолетность и неограниченность устной речи в противовес продуманности и осмысленности речи письменной. Сбор биографического материала не терпит быстрой реакции на ответы, требуется обстоятельный подход для возвращения в прошлое и постепенное, осторожное «вскрытие» воспоминаний. Респондент мог уточнять вопрос, обращаться к своим личным записям, дополнять новыми деталями, корректировать высказывания. «Нет ощущения цейтнота; напротив, у респондента нет необходимости отвечать слишком быстро и кратко на вопросы, требующие не просто размышлений, но точной датировки и развернутой аргументации. Человек остается сам с собой, он думает и пишет, отвечая даже не на сам вопрос, а на собственную версию этого вопроса» [3, с. 72]. В отличие от нарративных текстов, характеризующихся спонтанностью и многослойностью значения, биография как историко-мемуарный жанр стремится к точности и подробности описаний, мотивирует возвращение к ключевым событиям с целью добиться наибольшей достоверности при описании жизни героя.

Режим общения в ходе беседы

Для науковедческого проекта был выработан размеренный режим общения по электронной почте. После получения ответов на первую порцию вопросов Б.З. Докторов выдерживал небольшую паузу и отправлял следующее письмо. Перерыв в процедуре интервью позволял респонденту отдохнуть и восстановить упущенные моменты, а отложенная во времени обратная связь давала интервьюеру возможность сохранить баланс мнений, выполнить экспресс-анализ, продумать дальнейшие шаги, нащупать новые сюжеты. В то же время разрыв между сеансами связи должен «сохранять инерцию воспоминаний, держать ритм общения», длительная реакция на ответ собеседника может быть воспринята как незаинтересованность и неуважение.

Традиционно интервью включает в процесс коммуникации две роли: один задает вопросы, другой отвечает на них. В ситуации диспропорции слушающего и говорящего в диалоге проявляется неодинаковая доля контроля и ответственности для каждого участника. Особенностью биографического интервью с учеными становится выстраивание доверительных и устойчивых связей как на деловой (организация серьезного коллективного труда, перспектива сотворчества), так и на дружеской (стремление к близким отношениям, эмоциональная включенность) основе. Так, Б.З. Докторов проводит аналогию биографического портретирования с процессом рабочего общения. В интервью, как и при выполнении какого-либо группового проекта, реализуются совместные действия по достижению общей цели, гармонично и естественно завязываются более глубокие личные отношения, соблюдаются равные партнерские установки, а по окончании достигается определенная удовлетворенность результатами. Подобного рода сотрудничество никого не оставляет инертным и безразличным, оно обогащает обоих участников беседы.

Процесс нелинейного биографического интервью в обозначенном режиме выявил ряд особенностей в процедурах сбора информации: влияние личных отношений и профессиональных связей ученых, предварительное знакомство с респондентом, фактор вмешательства социологического самоанализа информантов в ход интервью.

Личные отношения с респондентами, безусловно, сказываются на процедурах сбора и анализе информации. Б.З. Докторов выделил три категории объекта биографического исследования: «отцы-основатели и пионеры»; активно действующие социологи; ушедшие из жизни социологи. Исследование каждой из трех групп сопровождалось особыми аналитическими и эмоциональными испытаниями: например, из-за недостатка материалов об умерших коллегах или из-за сопереживания судьбам лично знакомых коллег и друзей.

Первая категория состоит из американских аналитиков, начинавших разработку опросных технологий. Такая работа не просто была связана с ретроспективной обработкой обрывочных вторичных сведений о лидерах науки, но и требовала погружения в «неизвестную... культурную, политическую, научную, нравственную атмосферу Америки конца XIX – первой половины XX в.» [4, с. 7]. Невозможность персонального знакомства с героем резко ограничивала способы наполнения биографии, но и облегчала процесс. «По отношению к ним и к среде, в которой они действовали и в которой я рассматривал их жизнь и деятельность, я был “человеком со стороны”, почти инопланетянином» [4, с. 7].

Вторая категория включает ныне действующих советских/российских социологов, тех, кто на момент исследования был жив и работал, то есть они были доступны для прямого взаимодействия. С ними исследователь проводит персональные интервью, проверяет спорные моменты и исключает противоречивые факты и суждения. Респондент делится материалами из личного архива, инициирует волнующие его темы и вступает в диалог для поиска подходящих описаний и более точного изложения истории.

К третьей категории относятся социологи, ушедшие из жизни до старта биографического проекта. В эту группу входили как те, с кем не было личного знакомства, так и те, с которыми исследователя связывали непосредственные отношения и долгое сотрудничество. Б.З. Докторов обращался за информацией к друзьям, родным и коллегам, опирался на научные работы ушедших социологов. Обработка внешних биографических фактов и сохранившихся мемуарных записей переплетается с собственными воспоминаниями интервьюера. Сложность абстрагироваться от душевных переживаний, связанных с утратой коллеги, преодолевалась стремлением взвешенно и объективно создать жизнеописание мастера и сохранить человеческую историю ученого для будущих поколений.

Межличностная коммуникация интервьюера и информантов до и после интервью в ее конфиденциальных моментах не разглашается по этическим соображениям. То, что у журналистов называется «не под запись» или обозначается в опубликованном варианте «по анонимным источникам», у социологов становится предметом размышлений о целесообразности включения персональной информации в общий массив данных. В любом случае неожиданно высказанные суждения уже озвучены, они уже существовали между собеседниками, и от интервьюера зависит исключить неловкую реплику или зафиксировать прояснившуюся мысль из первичных материалов. Но интервьюер уже получил эти факты и сохранил в своей оперативной памяти, ему уже трудно избавиться от их воздействия, и они так или иначе возникнут в ходе нового витка гипотез, в результате анализа и обобщения. В этот момент и проявляется искусство соблюдения баланса между искренностью информанта и желанием биографа глубже раскрыть тему.

С переходом к биографиям ученых последующих (более молодых) поколений появилась методическая задача вхождения в интервью без предварительного личного знакомства. Инициирование контакта с абсолютно неизвестным человеком вызывает особое напряжение и заставляет по-другому подходить к началу беседы. Б.З. Докторов называет А.Б. Гофмана своим первым «незнакомцем», которого ему порекомендовал В.А. Ядов. Потом в беседах с молодыми представителями науки, по словам Бориса Зусмановича, чувствовалась возрастная, или «межпоколенная», проблема, которую он преодолевал открытостью ко всему новому: «...это — прекрасно, ибо процесс интервьюирования не рутинизируется, он постоянно “захватывает” меня, открывает возможности для знакомства с новыми людьми» [1]. В беседах со своим поколением нередко разговор шел на «ты», в беседах с молодежью — на «вы». Такое внимание к этикету обращения отмечается автором не как поверхностная особенность, но как сущностная деталь. Далее с помощью метода «снежного кома» начал появляться список будущих респондентов и накапливаться опыт работы с биографиями ученых независимо от уровня отношений. С одной стороны, знание предыстории героя, частичное участие в его

жизни, сопереживание схожих ситуаций направляли на поиск нужных эпизодов и подсказывали моменты ухода от лишних подробностей. С другой стороны, в интервью «с чистого листа» социолог свободен от некоторых этических барьеров, ему удается находить нетипичные объяснения, заново открывать чувствительные темы и разгадывать внутренние мотивы поступков. В целом в процессе интервью требуется не нарушать жизненный мир героя и сохранить эвристический интерес.

Отдельного внимания заслуживает фактор вмешательства в ход интервью социологического мышления информантов. Б.З. Докторов отмечал, что респонденты-социологи зачастую дополняют свои рассказы профессиональной интерпретацией, то есть фактологическая информация сопровождается оценками и объяснениями на языке социологических терминов и иногда выходит на более высокий уровень абстракции с попытками теоретизирования. Каким образом интервьюеру реагировать на концептуальные отступления? Способствуют или мешают мыслительные «экзерсисы» достижению точности и полноты в биографическом описании? Методология нелинейного биографического анализа допускает переход респондентов к кодировке собственного жизнеописания и приветствует социологическое воображение. Данное разрешение обосновано потребностью интервьюера поощрять выход на новый виток «толстого настоящего» и создавать условия для многомерного рассмотрения жизни героя [5, с. 129–132]. Например, исходя из этих позиций, Б.З. Докторов обращается к своим героям с просьбой определиться с дилеммой «преемственность или возрождение» (см. пункт «Не преемственность и не возрождение. Второе рождение» [3, с. 104–117]). Аналитическая обработка исследователем полученных ответов для проверки социологического вывода иллюстрирует, как внешняя коллективная координация подключается к поиску объективного изложения истории российской социологии.

Сравнение с большими данными

Подытоживая результаты многолетней работы, Б.З. Докторов дает следующие характеристики получившемуся архиву: плотное, настоящее, манифестируемое использование биографической информации; объемный и многоплановый массив биографических данных; индустриальное, фабричное производство интервью. Собранный биографический материал содержит «не менее 400 единиц “хранения” и представляет информацию по крайней мере о 300 социологах». Встает задача не растеряться от обилия фактов и не запутаться в лабиринтах мыслительных конструкций и теоретических рамок. Б.З. Докторов использует метафору «информационный океан»: «Мне кажется, что я стою на берегу информационного океана. Покорить это пространство с ходу крайне сложно, невозможно. Сначала придется долго ходить по заливам, осваивать прибрежные зоны и возводить на них маяки. Да и вообще непонятно, на лодке какой формы, какого веса, с каким запасом пропитания и питьевой воды следует отправляться в такое плавание» [2]. Подобные ощущения подсказывают, что качественные данные в столь масштабном размере выводят на методологию больших данных и требуют иных аналитических подходов. Сравнение с Big Data уместно в том смысле, что в результате нелинейного биографического анализа исследователь работает с объемными, неструктурированными и оперативными данными, поэтому возникают схожие задачи по организации хранения и обработке текстов, изображений и видеоматериалов, по систематизации и анализу разнородных источников, выстраиванию теоретических объяснительных моделей.

Другая метафора — «поле» — обозначает архив интервью как источник первичных данных, значение которых для будущих поколений будет увеличиваться с каждым годом. При обработке поля, как известно, требуются ежегодная культивация почвы, обеспечивающая рыхление поверхности, выравнивание и удаление сорняков. Что касается качественной парадигмы, то на полевом этапе исследования главное — не объем полученных сведений, а регулярность их поступления, наращивания и обработки. В таком случае возможно достичь информационного наполнения всей матрицы исследовательского поиска и обеспечить материалом для разворачивания многих плоскостей объекта изучения. Отсюда возникла потребность в «методах “сжатия” и упорядочения накопленной информации» [3, с. 145] с целью ее систематизации, архивирования и каталогизации для облегчения навигации в массиве данных. Предстоит решать следующие вопросы: по какому алгоритму обеспечить группировку данных для архива? Где организовать безопасное и длительное хранение? Каким образом предоставить доступ к первичным данным?

В этом контексте интересно рассмотреть просопографический метод исторической науки, который позволит создать общую базу данных и в едином формате систематизировать накопленную информацию о социологах, причем не только о российских. Просопографический метод предлагает отталкиваться от документов, обобщений, общего контекста исторической эпохи. Оцифрованные просопографические базы³ могут много рассказать о круге общения или о перемещениях целых социальных групп или классов. Нелинейный биографический анализ, напротив, берет за основу личность и вокруг нее выстраивает историю в биографиях и биографию в истории. Коллекция интервью Б.З. Докторова, несомненно, гармонично включилась бы в общую просопографическую базу данных об истории российских социологов, но такую базу еще нужно создавать. На сегодня удалось проработать только часть собранной информации, впереди ожидается более детальная обработка массива биографий. Поэтому Б.З. Докторов обращает внимание на то, что «в таком огромном “поле” один не воин» [2], то есть призывает других специалистов активно использовать материалы и общими усилиями достичь интересных результатов. Плотное описание полученных текстов разными исследователями будет полезно будущим ученым в ретроспективной оптике. Тем самым открываются возможности для интересности в работе с биографиями.

Выводы

Феноменологический базис в нелинейном биографическом анализе предопределил методики сбора информации, приемы отбора респондентов, перечень общих тематических блоков интервью, способы архивирования данных. Организационные процедуры отражают общие методологические принципы: многомерность повлияла на выбор источников информации, пристрастность помогла в формировании респондентского массива, принцип стратификации «биографиче-

³ См., например: Prosopography of Anglo-Saxon England, PASE. — URL: <https://pase.ac.uk/>; Prosopography of the Byzantine World, PBW. — URL: <https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/browse/>

ского подпространства» подсказывал оптимальные критерии для оценки качества полученной информации, «толстое настоящее» создавало условия для того, чтобы не потерять смысл при работе с большими данными. Неоднократное прочтение эмпирического материала, предвосхищение целого к объяснению деталей и, наоборот, распознавание частей для перехода к целому составляют герменевтический диалог. Расширение единства понятого смысла в концентрических кругах продолжает наращивать смысловые слои биографии. В то же время ограничения, связанные с текущим статусом социологии как прикладного ремесла и академической дисциплины, приводят к сложностям в использовании нелинейного биографического анализа. Так, трудно установить доверительные личные отношения, совместить написание истории с опытом профессиональной деятельности, организовать длительную и терпеливую практику ведения электронной переписки, соблюдать тактичность и этичность при работе с сокровенными жизненными сюжетами, а также сохранить независимость альтруистических намерений без коммерческой поддержки.

Программа науковедческого исследования Б.З. Докторова является индивидуальной, и сложно ее повторить кому-то другому. Однако нелинейная логика биографического поиска сможет послужить ориентиром при проведении интервью, и ученые смогут пополнять массив новыми героями и характеризовать следующие поколения. К некоторым материалам организован открытый доступ через создание и поддержание интернет-архива на сайте «Международная биографическая инициатива» (IBI, <https://cdclv.unlv.edu/mission/index2.html>), издание книг, публикацию статей в ведущих социологических журналах. Поэтому к результатам исследования могут обращаться историки, социологи и философы как для описания современного положения социогуманитарной науки, так и для ретроспективного анализа истории российской социологии в будущем. Б.З. Докторов открывает долгосрочные перспективы социологам продолжить историко-науковедческое направление на основе собранного массива биографической информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Корытникова Надежда Владимировна — кандидат социологических наук, доцент; ассоциированный член Группы восточных, славянских и неоэллинистических исследований, Страсбургский университет, Франция. **Телефон:** (+3376) 651-15-44. **Электронная почта:** nadezdakorytnikova@gmail.com

---

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 3. P. 164–181. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.3.9

Research Article

NADEZHDA V. KORYTNIKOVA¹

¹ University of Strasbourg.

4, rue Blaise Pascal, 67081, Strasbourg Cedex, France.

NONLINEAR BIOGRAPHICAL ANALYSIS OF B.Z. DOKTOROV: ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL TECHNIQUES

Abstract. The article is dedicated to the organizational and methodological specifics of implementing the authorial historical and scientific project of B.Z. Doktorov, carried out using the methodology of non-linear

biographical analysis. The aim of this project is to study the biographies of sociologists in the history of Soviet/Russian sociology and its own history in biographies. The first part of the paper describes stages of recruitment and defines organizational procedures: selection of information sources, processuality in justifying methodological decisions, ways of achieving validity, the logic of processing and storing obtained data. The parameters of the sample population are defined by a narrow circle of the studied set, which includes leading representatives of sociological science. In the second part of the article a number of methodical techniques for conducting interviews are identified: non-formalization of the mental plan of the conversation, flexibility of interaction, intensity of communication mode, mediated by communication technologies. The variety of interview formats made for a frank conversation where the central theme was the scientist's own life and career. The soft-talk narrative technique does not require supporting facts with documentary references, checking the sequence of events under consideration, or unambiguously characterizing circumstances. The advantages of e-mail as a communication technology used during biographical interviews are emphasized. The information collection procedures indicate the positive influence of B.Z. Doktorov's personal relationships and professional connections with his informants, and their participation in the self-analysis of the biographical narrative directly during the interview. Due to the large volumes of accumulated biographical materials, their systematization, cataloguing and archiving into an electronic database is becoming a relevant matter, though such a database has yet to be created. It would allow not only to preserve these materials, but also to execute the necessary navigation. The openness of B.Z. Doktorov's methodological position clarifies the initial premises of his research, makes analytical moves transparent, and outlines the framework of the subject field of interest. The findings are based on the fact that the phenomenological basis in nonlinear biographical analysis predetermined the optimal methods for collecting information, techniques of respondent selection, interview guide blocks, and ways of archiving data.

Keywords: nonlinear biographical analysis; logical validity; processuality of methodological decisions; non-formalized interview; mode of communication.

For citation: Korytnikova, N.V. Nonlinear Biographical Analysis of B.Z. Doktorov: Organizational and Methodical Techniques. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 164–181. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.9

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda V. Korytnikova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor; Associate Member, Group of Oriental, Slavic and Neo-Hellenistic Studies, University of Strasbourg, France. **Phone:** (+3376) 651-15-44. **E-mail:** nadezdakorytnikova@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Докторов Б., Козлова Л. «Телескоп» смотрит в прошлое. Беседа об изучении истории современной российской социологии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 1. С. 2–15. EDN: KYWVKR
Doktorov B., Kozlova L. “Telescope” Looks into the Past. A Conversation about Studying the History of Modern Russian Sociology. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2009. No. 1. P. 2–15. (In Russ.)
2. Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9 т. [электронный ресурс] / Ред.-консультант А.Н. Алексеев, ред. электронного издания Е.И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2016. — 5901 с. Дата обращения 13.03.2025. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/menu.htm
Doktorov B.Z. *Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. In 9 Vols.* Ed., consultant A.N. Alekseev, ed. of the electronic edition E.I. Grigoreva. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing publ., 2016. 5901 p. Accessed 13.03.2025. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/menu.htm (In Russ.)
3. Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. Том 1: Биографии и история. М.: ЦСПиМ, 2016. — 418 с.
Doktorov B.Z. *Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. Vol. 1: Biographies and history*. Moscow: CSFM publ., 2016. 418 p. (In Russ.)

4. Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. Том 3: Биографическое и автобиографическое. М.: ЦСПиМ, 2016. — 400 с.
Doktorov B.Z. *Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. Vol. 3: Biographical and autobiographical*. Moscow: CSFM publ., 2016. 400 p. (In Russ.)
5. Корытникова Н.В. Нелинейный биографический анализ Б.З. Докторова: методологические принципы // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 124–139. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.7](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.7) EDN: [RLBUGL](https://edn.ras.ru/RLBUGL)
Korytnikova N.V. Nonlinear biographical analysis of B.Z. Doctorov: methodological principles. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 124–139. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.7](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.7) (In Russ.)
6. Настусевич С.В. Дисциплинарное становление исторической биографики в российской исторической науке (конец 1980-х гг. — первая четверть XXI в.): Диссертация кандидата исторических наук: 07.00.09. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2022. — 142 с.
Nastusevich S.V. *Disciplinary development of historical biographies in Russian historical science (late 1980s – first quarter of the 21st century)*: Dissertation of candidate of historical sciences. Minsk: Belarusian State University, 2022. 142 p. (In Russ.)
7. Шляпенток В.Э. Джордж Гэллуп и Россия: Размышления по поводу книг Б. Доктора об американской истории опросов // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 161–174. EDN: [PBDRSF](https://edn.ras.ru/PBDRSF)
Shlapentokh V.E. George Gallup and Russia: Reflections on B. Doctorov's Books on the American History of Surveys. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2009. No. 2. P. 161–174. (In Russ.)
8. Benoist S. Biography, History, and Memory about some Imperial Figures. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2017. No. 60 (1). P. 49–62. DOI: [10.1111/2041-5370.12047](https://doi.org/10.1111/2041-5370.12047)
9. Breuer F. Qualitative Methods in the Study of Biographies, Interactions and Everyday Life Contexts: The Development of a Research Style. *Forum: Qualitative Social Research / Qualitative Sozialforschung*. 2000. No. 1 (2). P. 115–123. DOI: [10.17169/fqs-1.2.1072](https://doi.org/10.17169/fqs-1.2.1072)
10. Eichsteller M. There is more than one way – a study of mixed analytical methods in biographical narrative research. *Contemporary Social Science*. 2019. No. 14 (3/4). P. 447–462. DOI: [10.1080/21582041.2017.1417626](https://doi.org/10.1080/21582041.2017.1417626)
11. Kindi V. Collingwood's Opposition to Biography. *Journal of the Philosophy of History*. 2012. No. 6 (1). P. 44–59. DOI: [10.1163/187226312X625591](https://doi.org/10.1163/187226312X625591)
12. Lahire B. Sociological biography and socialisation process: a dispositionalist-contextualist conception. *Contemporary Social Science*. 2019. No. 14 (3/4). P. 379–393. DOI: [10.1080/21582041.2017.1399213](https://doi.org/10.1080/21582041.2017.1399213)
13. Laslett B. Biography as historical sociology. *Theory & Society*. 1991. No. 20 (4). P. 511–538. DOI: [10.1007/BF00157324](https://doi.org/10.1007/BF00157324)
14. Nilsen A. *Biographical Life Course Research : Studying the Biography-History Dynamic*. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. 186 p. DOI: [10.1007/978-3-031-44717-4](https://doi.org/10.1007/978-3-031-44717-4)
15. *The Turn to Biographical Methods in Social Science*. Ed. by P. Chamberlayne, J. Bornat, T. Wengraf. London: Routledge, 2000. 368 p. DOI: [10.4324/9780203466049](https://doi.org/10.4324/9780203466049)

Статья поступила в редакцию: 06.05.2025; поступила после рецензирования и доработки: 01.08.2025; принята к публикации: 14.08.2025.

Received: 06.05.2025; revised after review: 01.08.2025; accepted for publication: 14.08.2025.

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 89247 от 24.03.2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова
Оригинал-макет: И.М. Ситдииков

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, «Белый список» научных журналов – первый уровень,
перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, RSCI, ERIN PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Сетевой журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

- Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации
- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
  - на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
  - на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79
Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru
Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2025. Том 31. № 3. Дата выхода в свет 29.09.2025.

Адрес редакции: 117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru